

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

№ 1 (154)

Гуманитарные науки

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 546 от 06.07.2009 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ и Научную электронную библиотеку
eLIBRARY.RU

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С.А. ХАХОМОВ,
д-р физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора Д.Л. КОВАЛЕНКО,
канд. физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора А.Р. МИРОТИН,
д-р физ.-мат. наук, профессор
Зам. главн. редактора Г.Г. ГОНЧАРЕНКО,
д-р биол. наук, профессор, член-корр. НАН Беларуси

Члены редакционной коллегии:

Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.,
член-корр. НАН Беларуси
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по гуманитарным наукам:

А.И. Зеленков, д-р филос. наук, проф.
Ю.А. Лабынцев (Россия), д-р филол. наук, проф.
А.М. Литвин, д-р ист. наук, проф.
Н.Н. Мезга, д-р ист. наук, проф.
С.И. Михальченко (Россия), д-р ист. наук, проф.
А.А. Станкевич, д-р филол. наук, проф.
Г.П. Творонович-Севрук (Польша),
д-р филол. наук, проф.
И.Ф. Штейнер, д-р филол. наук, проф.
Я.С. Яскевич, д-р филос. наук, проф.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246028, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: <http://vesti.gsu.by>

Francisk Skorina Gomel State University

PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of
Republic of Belarus
(registration certificate
number 546 dated 06.07.2009)

The Journal is included in the Republic of Belarus Higher
Attestation Commission list of scientific publications
of the Republic of Belarus, which publish the main results
for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences
(order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated
15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The Journal is included in bibliographic databases of the
All-Russia Institute of Scientific and
Technical Information (VINITI), Scientific electronic
library eLIBRARY.RU

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief S.A. KHAKHOMOV,
Sc. D., Docent of Physics
Deputy editor-in-chief D.L. KOVALENKO,
PhD, Associate Professor
Deputy editor-in-chief A.R. MIROTIN,
Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief G.G. GONCHARENKO,
Sc. D., Professor, Corresponding Member NASB

Members of editorial board:

F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor,
Corresponding Member NASB
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahтова, executive secretary

Members of editorial board for the humanities:

A.I. Zelenkov, Sc. D., Professor
Y.A. Labyntsev (Russia), Sc. D., Professor
A.M. Litvin, Sc. D., Professor
N.N. Mezga, Sc. D., Professor
S.I. Mihalchenko (Russia), Sc. D., Professor
A.A. Stankevich, Sc. D., Professor
G.P. Tvoronovich-Sevruk (Poland),
Sc. D., Professor
I.F. Shteiner, Sc. D., Professor
Y.S. Yaskevich, Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246028, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Site: <http://vesti.gsu.by>

© Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», 2026

© Educational Establishment «Francisk Skorina Gomel State University», 2026

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2026, № 1 (154) •

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ИСТОРИЯ • ФИЛОЛОГИЯ • ФИЛОСОФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Котусев Е.Н. <i>Феномен средневекового города в работах Н.Н. Любовича</i>	5
Мязга М.М. <i>Вынікі польска-савецкай вайны ў ацэнках расійскай і польскай гістарыяграфіі канца XX – першай чвэрці XXI стагоддзя</i>	11
Пілецкі В.А. <i>Пераход ад традыцыйнай да кніжнай адукаванасці на беларускіх землях у IX–XIII стст. (Частка 2)</i>	18
Рожкова С.Н. <i>Культурная вонешняя палітыка Советскай Расіі і Германіі (1922–1932 гг.) в белорусскай савременнай історычнай навуцы</i>	25
Страленя Г.А. <i>Кантроль за дзейнасцю валасных судоў з боку мясцовай улады ў пачатку XX ст. у беларускіх губернях</i>	30
Янушевіч І.І. <i>Попыткі фармуліравання адзіных методічных указанняў па арганізацыі антырэлігійнай прапаганды в советском государстве (1917–1941 гг.)</i>	36

ФИЛОЛОГИЯ

Аляшкевіч Т.А. <i>Пятрогліфы П. Васючэнка і зномы А. Разанава: стратэгія мастацкага завяршэння</i>	42
Ботірова П.Х. <i>Інтэрпрэтацыя паняццяў метакогнітыўнага і межкультурнага падходаў в обученні прафесійнаму англійскаму мовнаму абшчэню</i>	46
Ветошкіна К.Н. <i>Сторителлинг как жанр медыйнага дыскурса (на матэрыяле беларускіх і брытанскіх інтэрнет-здаддзін)</i>	50
Гаврылова Д.А. <i>Лінгвопрагматычныя і структурныя характэрыстыкі жанра «стрим» в медыйном дыскурсе</i>	55
Гулевіч Е.В. <i>Человек пишущий в творческом сознании Д. Рубиной</i>	60
Кірыюшкіна А.А. <i>Інтэртэкстуальнасць в романае Дай Сіцзе (Dai Sijie) «Balzac et la petite tailleuse chinoise»</i>	67
Овсейчык Ю.В. <i>Комбінаторыка элементаў сочинительной конструкции во французском языке</i>	71
Пятрова Н.Я. <i>Сродкі выражэння ацэначнай семантыкі ў ідыялекце Міхася Зарэцкага</i>	78
Семак Д.С. <i>Кулінарны обзор как жанр сетевой коммуникации</i>	84
Сенчук М.Ю. <i>Общее и отличительное в английских, русских и белорусских фразеологизмах с компонентом три / третий</i>	91
Сун Цзе. <i>Художественный мир китайской и русской детской литературы: общее и уникальное</i>	96
Трацяк З.І. <i>Фармальна-змястоўныя асаблівасці ўвасаблення матыва навалакантынуум у аповесці «Дзесяць» З. Бядулі</i>	103

Чарнышова А.М. <i>Прыёмы вербалізацыі невербальных паводзін у мастацкім тэксце (на матэрыяле прозы І. Мележа і У. Караткевіча)</i>	108
Шабуня Ю.Д. <i>Специфика пространственно-временных отношений в повести У. Бекфорда «Ватек»</i>	115
Шуманская О.А. <i>Глагол «дыхаць» как средство олицетворения (на материале художественных произведений белорусских авторов 20-го века)</i>	122

ФИЛОСОФИЯ

Еремеева Н.В. <i>Богостроительство и спасение в учении о доминанте и хронотопе А.А. Ухтомского</i>	127
Калмыков В.Н. <i>Диалектика в истории философии и некоторые современные пути ее приложения</i>	133
Малахов Д.В. <i>Сознание и Другой: к проблеме смыслополагания в интенциональной и неинтенциональной феноменологии</i>	138

PROCEEDINGS

of Francisk Skorina Gomel State University

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

Published since 1999

Released bimonthly

• 2026, № 1 (154) •

HUMANITIES: HISTORY • PHILOLOGY • PHILOSOPHY

CONTENTS

HISTORY

Kotusev E.N. <i>The phenomenon of the Medieval City in the works of N.N. Lyubovich</i>	5
Miazga M.M. <i>The results of the Polish-Soviet War in the assessments of Russian and Polish historiography of the late 20th – first quarter of the 21st century</i>	11
Piletski V.A. <i>The transition from traditional to book-based education in Belarusian lands in the 9th–13th centuries (Part 2)</i>	18
Rozhkova S.N. <i>Cultural foreign policy of Soviet Russia and Germany (1922–1932) in modern Belarusian historical science</i>	25
Stralenia H.A. <i>Control over the activities of volost courts by local authorities at the beginning of the 20th century in Belarusian provinces</i>	30
Yanushevich I.I. <i>Attempts to formulate unified guidelines for the organization of anti-religious propaganda in the Soviet state (1917–1941)</i>	36

PHILOLOGY

Aliashkevich T.A. <i>Petroglyphs of P. Vasyuchenka and znomys of A. Ryazanov: a strategy of artistic completion</i>	42
Botirova P.K. <i>Interpretation of the concepts of metacognitive and intercultural approaches in teaching professional English communication</i>	46
Vetoshkina K.N. <i>Storytelling as a genre of media discourse (based on Belarusian and British online publications)</i>	50
Gavrilova D.A. <i>Linguopragmatic and structural characteristics of the «stream» genre in media discourse</i>	55
Hulevich A.V. <i>A writing man (Homo scriptor) in the creative mind of D. Rubina</i>	60
Kiriushkina A.A. <i>Intertextuality in Dai Sijie's novel «Balzac et la petite tailleuse chinoise» ..</i>	67
Ovseichik Yu.V. <i>Combinatorics of the elements of the coordinative construction in French</i> ..	71
Piatrova N.Ya. <i>Means of expressing evaluative semantics in Mikhail Zaretsky's idiolect</i>	78
Semak D.S. <i>Culinary review as a genre of network communication</i>	84
Senchuk M.Yu. <i>Common and distinctive in English, Russian and Belarusian phraseological units with the component three / third</i>	91
Xiun Zhe. <i>The artistic world of Chinese and Russian children's literature: common and unique features</i>	96
Tratsiak Z.I. <i>Form and content features of 'continuous disaster' motif embodiment in the short story 'Ten' by Z. Byadula</i>	103
Charnyshova A.M. <i>Tools for verbalizing nonverbal behavior in a literary text (based on the prose of I. Melezh and U. Karatkevich)</i>	108
Shabunia Yu.D. <i>The specificity of spatial-temporal relations in W. Beckford's story «Vathek»</i>	115

Choumanskaya O.A. <i>The verb «to breathe» as a means of personification (based on the works of Belarusian authors of the 20th century)</i>	122
PHILOSOPHY	
Eremeeva N.V. <i>God-building and salvation in the teachings of dominant and chronotope of A.A. Ukhtomsky</i>	127
Kalmykov V.N. <i>Dialectics in the history of philosophy and some modern ways of its applications</i>	133
Malahov D.V. <i>Consciousness and the Another: on the problem of meaning in intentional and non-intentional phenomenology</i>	138

История

УДК 930.1

EDN: BRSLER

Феномен средневекового города в работах Н.Н. Любовича

Е.Н. КОТУСЕВ

Статья посвящена научному наследию Н.Н. Любовича (1855–1933) – историка, преподавателя Варшавского университета, основателя историко-филологического факультета Ростовского университета. В статье отражены результаты исследований Н.Н. Любовича как историка-медиевиста, проводившего анализ развития хозяйственной и финансовой систем городов на территории современных Германии и Швейцарии в XIV–XV вв.

Ключевые слова: Н.Н. Любович, историография, средневековый город, хозяйство, городская община.

The article is dedicated to the scientific legacy of N.N. Lyubovich (1855–1933) – a historian, lecturer at the University of Warsaw, and the founder of the Department of Historical and Philological Studies at Rostov University. The article reflects the results of N.N. Lyubovich's research as a medievalist historian, who conducted an analysis of the development of economic and financial systems of the cities in the territories of modern Germany and Switzerland in the 14th–15th centuries.

Keywords: N.N. Lyubovich, historiography, medieval city, economy, urban community.

Введение. В исторической науке Николай Николаевич Любович (1855–1933) известен как ученый-славист. Родившись на территории современной Украины (г. Тульчин Подольской губернии), он внес большой вклад в развитие Императорского Варшавского университета и Университета в городе Ростов-на-Дону. Своей активной педагогической, научной и публикационной деятельностью он внес значительный вклад в историю трех славянских народов. Однако в творческом багаже ученого достойное место занимают издания по истории западноевропейских государств. Центральное место в данном направлении для него занимала история Реформации и Контрреформации. После публикации докторской диссертации Н.Н. Любович уделяет внимание широкому списку вопросов и проблем как истории Западной Европы, так и славян (в первую очередь Польши).

Позднее исследователи Ю.Ф. Иванов [1, с. 88] и Л.М. Аржакова [2, с. 420] воспринимали деятельность Н.Н. Любовича как поиск путей преодоления кризиса методологии исторической науки второй половины XIX и начала XX вв. Т.Т. Кручковский [3, с. 246] и В.В. Дьяков [4, с. 296] рассматривали изменение направления деятельности ученого как влияние общественного давления со стороны администрации императорского Варшавского университета, требовавшей усиления интеграции местного научного сообщества в нарратив единый для Российской империи. При этом Т.Т. Кручковский в целом в своих исследованиях акцентировал внимание на исторической полонистике ученого [5]. Внимание к научной и общественной деятельности Н.Н. Любовича проявил автор данной статьи, затронув отдельные аспекты жизненного пути и творческого наследия Н.Н. Любовича [6], [7].

В последние годы XIX и в начале XX столетия интересы Н.Н. Любовича, согласно нашему мнению, можно разделить на два направления [6]. Первое направление заключалось в развитии методологии в рамках исторической науки. В рамках данного направления Н.Н. Любович опубликовал статьи «Вопрос о сущности исторического процесса» (1891 г.) и «Статистический метод в приложении к истории» (1901 г.) [5].

Второе направление затрагивало хозяйственное и общественное развитие городов Западной Европы в XIV–XVI вв. Активную работу по данному направлению Н.Н. Любович начал с изучения в 1893–94 гг. архивов городов Франции и Германии [8]. Также в это время он

внимательно изучает европейских исследователей, которые затрагивали проблемы развития средневекового хозяйства. Результаты исследований Н.Н. Любович применяет в своей деятельности. Об этом говорится в справочных материалах В.П. Бузескул [9], [10]. Они упоминаются в работе со студентами, на что указывает в своей брошюре Н.А. Дубровский [11], и в программах к курсам лекций [12], в отчетах Варшавского императорского университета [13]. Применялись результаты в работах напрямую не связанных с развитием хозяйства городов с средние века, но как факты и аргументы в подтверждение своих тезисов. К ним можно отнести «Статистический метод в приложении к истории» 1901 г. [14] «Грюнвальдская битва» 1910 г. [15], и последнюю публикацию «Нарождение капиталистического хозяйства в Западной Европе» [16]. В 1904 г. Н.Н. Любович выступил с докладом, а в дальнейшем опубликовал работу под названием «Хозяйство и финансы немецких городов в XIV и XV вв.» [17]. Данная публикация является единственной у Н.Н. Любовича полностью посвященной общественному и хозяйственному развитию городов Германии в Средние века. Она также представляла значительный вклад в развитие российской медиевистики того времени. Вместе с остальными работами она позволяет понять представления Н.Н. Любовича о состоянии горожан и общественных процессов в средневековом городе.

Основная часть. Первой работой, в которой Н.Н. Любович затрагивает проблему развития средневековых городов, стал доклад «Статистический метод в приложении к истории» (1901 г.) [14], с которым Н.Н. Любович выступил на первом заседании Общества истории философии и права при Варшавском императорском университете тридцатого января 1901 г. Основной темой доклада стала проблема применения и восстановления статистических данных для исторических исследований, их репрезентативность, с учетом неточностей или умышленных искажений, соотношения единиц измерения и нерегулярность таких данных в источниках. Тем не менее, побочными тезисами Н.Н. Любович ставит вопросы о демографическом и материальном состоянии населения городов Германии в Средние века [14, с. 8].

Для примера он приводит результаты статистических исследований немецких коллег К.В. Бюхера [18], К.Т. Инама-Штернберга [19] по развитию городов Германии и германоязычных областей Швейцарии [14, с. 9]. В данном сюжете Н.Н. Любович отмечает малую численность населения средневековых городов как в сравнении с городами современности (для Н.Н. Любовича) [14, с. 11], так и в сравнении с долей населения, проживавшей в сельской местности [14, с. 12]. Далее он приводит анализ демографической и социальной структуры населения городов. Одним из признаков серьезных демографических проблем в городах средневековья Н.Н. Любович отмечает низкую долю детей среди населения, что объясняет высокой смертностью от болезней в раннем возрасте [14, с. 12]. Вторым свидетельством проблем с демографическими процессами в городах Н.Н. Любович называет медленный рост и периодическое сокращение населения в городах, что объясняет низким уровнем развития знаний и технологий, необходимых для организации защиты жителей от преступности, эпидемий, пожаров и других бедствий [14, с. 9]. По словам Н.Н. Любовича, только в XVI в. происходит относительная стабилизация демографической ситуации и начинается рост населения городов. Замечая высокую мобильность населения и региональные особенности отдельных городских поселений, Н.Н. Любович отказывается делить жителей средневекового города по роду занятий на отдельные сословные группы [14, с. 13]. Вместо этого Н.Н. Любович строит структуру общества средневекового города по доходам и платежеспособности [14, с. 15]. Ссылаясь на работы немецких коллег, Н.Н. Любович приводит данные об источниках доходов и состоянии богатейших горожан, роли и влиянии городских цехов, положении рядовых членов цеха и его верхушки [14, с. 15]. Здесь он в первые делится мыслями, что расслоение общества по доходам порождало большинство конфликтов в средневековых городах, о чем свидетельствовали регулярные случаи бегства зажиточных горожан. Таким образом, доклад Н.Н. Любовича раскрывал не только тему развития применения статистических данных, но и проводил обзор демографического и социально-экономического состояния населения европейских городов [14, с. 17].

Следующей работой по развитию городов и городского населения стала «Хозяйство и финансы немецких городов в XIV и XV вв.» [17], с которой Н.Н. Любович выступил уже в

1904 г. Публикация разделена на три главы: статьи расходов, источники доходов и основные проблемы функционирования финансовых институтов.

В первой главе Н.Н. Любович сообщает о политической ситуации и положении городов в Священной Римской империи, в настоящее время территориях Германии и Швейцарии [17, с. 1]. Он отмечает факт отсутствия централизованного государства и необходимость горожанам самостоятельно обеспечивать свою безопасность. Эта задача, по утверждению Н.Н. Любовича, являлась крупнейшей статьёй расходов для горожан. Обеспечение защиты города, с точки зрения Н.Н. Любовича, разветвлялось на многоуровневую структуру. Военная сфера состояла из возведения стен, оплаты работы наемников, обеспечения техническими и транспортными средствами [17, с. 5]. Дипломатическая сфера заключалась в поддержании связей с другими вольными городами в рамках политических союзов (Ганза), и налаживании диалога с ближайшими соседями-феодалами [9, с. 9]. Третьим компонентом являлась внутренняя безопасность города [17, с. 20].

В военной сфере самым дорогостоящим компонентом являлось строительство оборонительных сооружений, т. к. они требовали колоссальных ресурсов на свое возведение, ограничивали рост городского пространства, несли в себе только одну оборонительную функцию и не могли в мирное время приносить экономическую пользу [17, с. 10]. Наемники (коиными могли стать и соседние феодалы) также требовали немалых средств, и содержать полноценный отряд наемников горожане соглашались только в случае острой угрозы городу [17, с. 7]. Как утверждал Н.Н. Любович, чаще наемники привлекались для обучения городского ополчения и охраны правопорядка внутри города. Кавалерия для городских властей оказывалась единственной военной статьёй в расходах, способной оплатить свое содержание в мирное время, так как лошади в мирное время сдавались в аренду [17, с. 9].

При этом внутренняя безопасность городов, как замечал Н.Н. Любович, оставалась на примитивном уровне, в виде городского ополчения, что приводило к полному параличу магистрата в период мятежей [17, с. 20]. Помимо отсутствия института полиции Н.Н. Любович обращает внимание на отсутствие полноценных тюрем, которое будет объяснено далее. Наиболее грамотно организованной Н.Н. Любович называет службу пожарной безопасности, которая была подробно описана документах многих городов [17, с. 14].

Дипломатическая сфера поглощала все оставшиеся ресурсы. Расходы на дорогу дипломатам, организация встреч и приемов для переговоров, дорогие подарки феодалам в мирное время могли поглощать больше ресурсов, чем военные приготовления. Официально в городском бюджете отсутствовала статья оплаты работы членов самоуправления [17, с. 17]. Однако часть трат на организацию соглашений и переговоров, с точки зрения Н.Н. Любовича, можно рассматривать именно как оплату труда членов магистрата [17, с. 18].

Социальные функции, не смотря на стремление к контролю со стороны городских властей, были либо частной практикой (медицина) [17, с. 23], либо находились в сфере деятельности церкви (образование и помощь незащищенным слоям населения) [17, с. 24]. В течении XIV и XV вв. светские власти создают аналогичные институты, не подчиняющиеся церкви, либо устанавливают свой прямой контроль. Единственной сферой расходов города, которая приносила быструю отдачу, было развитие инфраструктуры и расширение территории подконтрольной городу: скупка лесных и сельских угодий, постройка мельниц и различного рода мастерских, общественных заведений (бань) [17, с. 25].

Во второй главе Н.Н. Любович проводит анализ основных источников доходов городской общины [17, с. 30]. И в первую очередь обращает внимание на организацию налоговой сферы. Здесь Н.Н. Любович обращает внимание на виды налогов, действовавших в городской общине, и на полномочия властей, которые могли их собирать. Н.Н. Любович называет основными видами налогов прямые и косвенные [17, с. 30]. Прямые налоги имели разные названия в разных регионах Германии, но принцип сбора их был един: за имущество, капитал или физическое проживание в городе горожане обязаны были уплачивать фиксированную сумму [17, с. 31]. Оплата данной суммы могла быть как принудительной через декларирование имущества, так и добровольной без декларации [17, с. 37].

В южных регионах Германии и на территории современной Швейцарии такие налоги взимались только как чрезвычайная мера [17, с. 32]. Прямые налоги являлись базовым источником доходов для многих городов, так как были удобны для сборов. Тем не менее, желающих их выплачивать было немного как среди городской бедноты, так и в среде городской верхушки, не желающей раскрывать свои доходы. Если в городе присутствовала еврейская община, то она вносила в городскую казну отдельный налог [17, с. 46].

В случаях, когда прямого налогообложения было недостаточно, либо горожане приходили к общему согласию отмены данного вида налогообложения, вводилось косвенное налогообложение, т. е. плата за пользование отдельными потребительскими товарами [17, с. 37]. Согласно Н.Н. Любовичу, косвенные налоги собирались в первую очередь с продуктов: алкоголь, мука, мясо, также могли собираться с топлива для отопления домов [17, с. 38–40].

Как отмечает Н.Н. Любович, магистраты стремились ввести как можно больше источников доходов: таможенные пошлины, чеканка монет, широкий спектр штрафов и внутренний долг [17, с. 42]. Пошлины являлись третьим, а периодически и вторым по важности источником доходов и были разнообразны по видам: за пересечение городских ворот, пользование городскими объектами (весы, краны, склады) и территориями (леса, пастбища) [17, с. 45]. Чеканка монет была возможна только в крупных городах, так как феодалы воспринимали ее одним из главных проявлений власти [17, с. 42]. Важным дополнительным источником пополнения финансов города являлись штрафы, т. к. содержание под стражей было не выгодно ни магистрату, ни провинившемуся лицу, и мелкие правонарушения карались денежной выплатой [17, с. 48].

Третью главу Н.Н. Любович посвятил анализу проблем финансовой системы городов. Первой проблемой Н.Н. Любович называет отсутствие единого бюджета городов: в городах не было единой казны, в которой велся учет всех доходов и расходов [17, с. 51]. Отдельные налоги шли на удовлетворение отдельных потребностей горожан [17, с. 54]. К тому же члены магистрата не вели публичной отчетности. Это приводило к хронической задолженности и злоупотреблениям членов магистрата. Усугубляла ситуацию практика ренты, когда горожане выкупали за крупные денежные взносы право получать доход с некоторых налогов города [17, с. 55]. Все вместе эти тенденции, как делает вывод Н.Н. Любович, и порождали расслоение общества в городах, когда несколько семей владели значительной долей собственности в городе, а остальные горожане являлись их должниками, а из-за хаоса в финансовой системе беднейшие слои населения должны были выплачивать большинство налогов. По утверждению Н.Н. Любовича, эти две причины стали одними из главных для ряда восстаний в городах Германии в XV в. [17, с. 61].

Публикация 1904 г. стала частью общей на тот момент тенденции привлечения внимания к социально-экономическому развитию стран Западной Европы и, в первую очередь, развитию средневековых городов. В данной публикации Н.Н. Любович опирается и ссылается напрямую на исследователей средневековых городов из Германии: Г.В. Арнольда [17, с. 2], Г.Ф. фон Шёнберг [17, с. 6], А. Губер [17, с. 7], В. Ульриха [17, с. 7], Г.Л. Кригга [17, с. 19], Ф. Лау [17, с. 16] и др. В этом заключается главное преимущество работы Н.Н. Любовича. Тем не менее, узость предмета публикации и отсутствие в результатах исследования архивов Германии и Франции привели к забвению данной работы среди медиевистов.

Позже Н.Н. Любович возвращался к проблеме развития средневекового городов и их хозяйственных проблем опосредованно. Так в 1911 г. он опубликовал доклад «Грюнвальдская битва историческое значение», который был зачитан в ноябре 1910 г. на заседании общества истории философии и права при Варшавском императорском университете [2]. В тексте доклада Н.Н. Любович ставил под сомнение тезис о значимости Грюнвальдской битвы как символа национального и цивилизационного противостояния [15, с. 1]. Опираясь на исследования немецких (К. Сатлер, Г. Шмоллер) [15, с. 5], польских (Я. Пtasъник, С. Кутшебы, Я. Соколовского) [15, с. 18] и российских (А. Барбашев) [15, с. 17] коллег, Н.Н. Любович обращает внимание на хозяйственное развитие территорий, подконтрольных Тевтонскому ордену [15, с. 4]. Далее он подробно дает описание хозяйственных и культурных связей между землями, подконтрольными Тевтонскому Ордену, с одной стороны, и Королевству Польскому – с другой [15, с. 17].

Опираясь на эти факты, Н.Н. Любович приходит к выводу, что ослабление духовно-рыцарского ордена стало результатом расхождения интересов ордена и экономических интересов городов, которым необходимы были тесные экономические связи как с остальными территориями Германии, так и непосредственно граничившими территориями Польши и ВКЛ [15, с. 16]. В данной работе Н.Н. Любович очередной раз нетрадиционно для позитивизма подчеркнул приоритет материальных, т. е. хозяйственных причин перед прочими факторами, влияющими на исторические процессы.

В последней своей публикации «Нарождение капиталистического хозяйства в Западной Европе (Обзор трудов по экономической истории XIII–XV вв.)» (1928 г.) [16], Н.Н. Любович так же затрагивает тему развития хозяйственных отношений в средневековом городе. В данной работе Н.Н. Любович проводит обзор работ исследователей, которые занимались проблемами перехода феодальных и ранних товарно-денежных (цехового ремесла) отношений к капиталистическому хозяйству, что не могло происходить вне городов [16, с. 43]. Н.Н. Любович обращает внимание на работы Я. Штридера [16, с. 44], Л. Брентано [16, с. 46], Дж. Бигвоода [16, с. 46], В. Зомбарта [16, с. 52], А. Шаубе [16, с. 53], Р. Хепке [16, с. 54], Г. Крейчмайера [16, с. 55], Р. Дэвидсона [16, с. 54], Б. Пиголетти [16, с. 55], Г. Бродница [16, с. 57]. В публикации Я. Штридера, Н.Н. Любович обращает внимание на противоречия, с которыми столкнулись горняки Германии, жившие в городах юга Германии, во время перехода от цехового ремесленного уклада к акционерским компаниям и монополиям [16, с. 44]. В работе Л. Брентано Н.Н. Любович подмечает эволюционный характер процесса перехода феодальных отношений в капиталистические и обнаруживает для себя взаимосвязь военных усобиц феодалов и первых коммерческих организаций [16, с. 46].

Для примера Н.Н. Любович проводит параллели между деятельностью итальянских купцов и феодалов. В труде Дж. Бигвоода Н.Н. Любович обращает внимание на то, как финансовые и коммерческие отношения заложили основы современного европейского государства – Бельгии [16, с. 46].

Далее Н.Н. Любович упоминает основные концептуальные труды В. Зомбарта [16, с. 52], связанные с зарождением капитализма через развитие земельной ренты, и средиземноморской торговли А. Шаубе [16, с. 53]. И возвращается к развитию отдельных городов: Сиены у Э. Роон-Бассерман [16, с. 54], Брюгге – Р. Хепке [16, с. 54], Венеции у Г. Крейчмайера [16, с. 55], Флоренции у Р. Дэвидсон, О. Мольтцинг и Э. Фридмана [16, с. 56]. Работа Г. Бродница демонстрирует примеры развития финансовых институтов в городах Англии [16, с. 57].

Подводя итог, Н.Н. Любович впервые обращает внимание на факт неравномерного развития регионов Европы, отмечая успехи хозяйственного развития городов Италии, Бельгии и Нидерландов, Германии и Англии. Проводя обзор работ упомянутых исследователей, Н.Н. Любович демонстрирует процесс развития городов Южной и Западной Европы, не упомянутых в его более ранних публикациях.

Заключение. Таким образом, под влиянием немецких и других специалистов, Н.Н. Любович сформировал концепцию развития городов Западной Европы, которая была приемлема и для других исследователей средневековых городов. Опираясь, в первую очередь, на наработки немецких коллег, он определил, что численность населения в городах была небольшой, его структуру и особенности функционирования. Он отмечал большое влияние централизованной власти на их функционирование с преобладанием сферы безопасности из-за слабой центральной власти. Ученый выявил проблемы неравномерного распределения налогов на наиболее бедные категории населения, а также механизмы ренты и внутреннего долга, которые послужили основой формирования капиталистических отношений. Н.Н. Любович не публиковал монографических исследований по данной проблеме. Тем не менее, его приверженность подобным взглядам прослеживается в публикациях ученого на протяжении трех десятилетий.

Концепция Н.Н. Любовича оказалась приемлемой для включения в единую концепцию Средневекового города. Идея противостояния широких слоев населения налоговому и долговому давлению элит неоднократно упоминалась уже в советский период в работах исследователей.

дователей средневекового города [20], хотя и была дополнена влиянием цеховых и гильдейских организаций. Также большую значимость обрела концепция ученого о прямой связи между общественно-политическим устройством государств того времени (феодалная раздробленность) и хозяйственным развитием городов (траты всех доступных средств на внешнюю оборону города).

Литература

1. Иванов, Ю. Ф. Научная деятельность Н.Н. Любовича / Ю. Ф. Иванов // Советское славяноведение. – 1980. – № 4. – С. 82–93.
2. Аржакова, Л. М. Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века / Л. М. Аржакова. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2014. – 543 с.
3. Кручковский, Т. Т. Польская проблематика в русской историографии II пол. XIX века / Т. Т. Кручковский // Наш радавод. – Гродно, 1994. – Кн. 6, ч. II. – С. 217–418.
4. Дьяков, В. А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России / В. А. Дьяков. – М. : Наука, 1993. – 205 с.
5. Кручковский, Т. Т. История Польши в основных концепциях русской историографии XIX – начала XX века / Т. Т. Кручковский. – Гродно : ГрГУ, 2016. – 384 с.
6. Котусев, Е. Н. Н.Н. Любович : творческий путь в историю славистики, общественно-политические и научные взгляды / Е. Н. Котусев. // Вестник ГрГУ. Сер. : Исторические науки и археология. Философия. Политология. – 2020. – Т. 12, № 2. – С. 52–61.
7. Котусев, Е. Н. Проблематика отношений германского мира и славянства в XIII–XVI вв. в творчестве Н.Н. Любовича / Е. Н. Котусев. // Вестник БарГУ. Сер. : Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки. – 2020. – Вып. 8. – С. 37–50.
8. Казарова, Н. А. Историк Н.Н. Любович к 160-летию со дня рождения [Электронный ресурс] / Н. А. Казарова. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/istorik-n-n-lyubovich-k-160-letiyu-sodnya-gozhdeniya>. – Дата доступа : 19.11.2018.
9. Бузескул, В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и в начале XX века / В. П. Бузескул. – Л. : Изд-во АН СССР, 1929–1931. – Ч. 2. – 423 с.
10. Бузескул, В. П. Записка о научных трудах Н.Н. Любовича / В. П. Бузескул. // Известия российской академии наук. – 1924. – Т. XVIII. – С. 539–173.
11. Дубровский, Н. Официальная наука в Царстве Польском. Варшавский университет по личным воспоминаниям и впечатлениям / Н. Дубровский. – СПб., 1908. – С. 39–40.
12. Любович, Н. Н. Всеобщая история конспект лекций / Н. Н. Любович. – Ростов-на-Дону : Литературное общество «А.М. Гордон съ С-МЪ», 1916. – 188 с.
13. Обзор преподавания предметов в императорском варшавском университете в 1901/02 академическом году // Варшавские университетские известия. – 1902. – № 7. – С. 6.
14. Любович, Н. Н. Статистический метод в приложении к истории / Н. Н. Любович. – Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1904. – 63 с.
15. Любович, Н. Н. Грюнвальдская битва и ее историческое значение / Н. Н. Любович. – Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1911. – 21 с.
16. Любович, Н. Н. Нарождение капиталистического хозяйства в Западной Европе (обзор трудов по экономической истории XIII–XV вв.) / Н. Н. Любович // Труды северокавказской ассоциации НИИ. – 1928. – № 4. – С. 43–59.
17. Любович, Н. Н. Хозяйство и финансы немецких городов в XIV–XV века / Н. Н. Любович. – Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1904. – 63 с.
18. Bücher, K. Die Bevölkerung von Frankfurt am M. im XIV und XV Jahrhundert Deutsche Wirtschaftsgeschichte / K. Bücher. – Tübingen : Verlag der H. Laupp'schen buchhanlung, 1886. – 764 s.
19. Inama von Sternegg, T. Deutsche Wirtschaftsgeschichte / T. Inama von Sternegg. – Leipzig : Verlag der Duncker & Humblot, 1899. – 558 s.
20. Стоклицкая-Терешкович, В. В. Основные проблемы истории средневекового города / В. В. Стоклицкая-Терешкович. – М. : Изд-во соц.-экон. лит-ры, 1960. – 351 с.

Вынікі польска-савецкай вайны ў ацэнках расійскай і польскай гістарыяграфіі канца XX – першай чвэрці XXI стагоддзя

М.М. МЯЗГА

У артыкуле зроблены параўнальны аналіз расійскай і польскай гістарыяграфій, прысвечаных міжнародна-палітычным вынікам польска-савецкай вайны 1919–1920 гг. Устаноўлена, што на сённяшні дзень даследаванні расійскіх і польскіх гісторыкаў сканцэнтраваны ў рамках праблемнага поля, якое сфарміравалася ў канцы XX ст. Не сфарміраваліся ў межах вывучаемага перыяду і прынцыпова новыя канцэпцыі, якія характарызувалі б вынікі вайны 1919–1920 гг. У рамках дадзенай праблематыкі ёсць як пытанні, па якіх пазіцыі расійскіх і польскіх гісторыкаў супадаюць, так і тыя, па якіх даследчыкі дзвюх краін прынцыпова разыходзяцца.

Ключавыя словы: гістарыяграфія, польска-савецкая вайна, Рыжскі дагавор, Савецкая Расія, Польшча, Версальская сістэма.

The article provides a comparative analysis of Russian and Polish historiographies devoted to the international political outcomes of the Polish-Soviet war of 1919–1920. It has been established that today the research of Russian and Polish historians is concentrated within the framework of the problem field, which was formed at the end of the twentieth century. Fundamentally new concepts that would characterize the results of the 1919–1920 war have not been formed within the framework of the studied period. Within the framework of this issue, there are issues on which the positions of Russian and Polish historians coincide, as well as those on which the researchers from the two countries fundamentally disagree.

Keywords: historiography, Polish-Soviet war, Riga Treaty, Soviet Russia, Poland, Versailles system.

Уводзіны. Польска-савецкая вайна адыграла значную ролю ў фарміраванні новага міжнароднага парадку ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе ў рамках Версальскай сістэмы. Яна ў рашаючай ступені вызначыла характар савецка-польскіх адносін на ўвесь міжваенны перыяд. Гэты ваенны канфлікт і Рыжскі мірны дагавор, які завяршыў яго, аказалі істотны ўплыў на лёс беларускага народа ў 1920–1930-я гг. На сённяшні дзень у гістарычнай навуцы Беларусі, Расіі, Польшчы працягваюцца дыскусіі аб выніках вайны для яе ўдзельнікаў і для Цэнтральна-Усходняй Еўропы ў цэлым, аб тым, у якой ступені Рыжскі дагавор адпавядаў інтарэсам дзяржаў, якія яго падпісалі, як ён паўплываў на міжнародныя адносіны ў рэгіёне. На сённяшні дзень Цэнтральна-Усходняя Еўропа перажывае глыбокі крызіс міждзяржаўных адносін і гістарычны вопыт можа дапамагчы ў пошуку шляхоў яго пераадолення. Названыя абставіны абумоўліваюць актуальнасць вывучэння праблемы, якой прысвечаны дадзены артыкул. У гэтым даследаванні пастаўлена мэта выявіць асноўныя палажэнні расійскай і польскай гістарыяграфіі канца XX – першай чвэрці XXI ст., якія характарызуюць вынікі польска-савецкай вайны, і ажыццявіць іх параўнальны аналіз.

Праблема, якая стала прадметам даследавання ў гэтым артыкуле, закраналася шэрагам аўтараў. Некаторыя яе аспекты даследаваны І.С. Яжбароўскай і М. Корнатам у калектыўнай манаграфіі «Белыя плямы – чорныя плямы: складаныя пытанні расійска-польскіх адносін» [1]. Але названыя аўтары асноўную ўвагу завярнулі на гістарыяграфію падзей польска-савецкай вайны, а не яе вынікаў. Акрамя таго, з часу выдання ўказанай манаграфіі ўжо накапіўся новы гістарыяграфічны матэрыял. Тое ж можна адзначыць і ў дачыненні да манаграфій І.С. Яжбароўскай і В.С. Парсіданавай, якая ўтрымлівае значны па аб'ёму гістарыяграфічны агляд [2], і С.М. Палтарака [3]. Пасля іх выдання ўжо з'явілася значная колькасць публікацый расійскіх даследчыкаў па гісторыі Рыжскага дагавора.

Асноўная частка. У 1990-я гг. пасля падзення камуністычнага рэжыму ў новай польскай гістарыяграфіі атрымалі распаўсюджванне шэраг палажэнняў, якія замацаваліся ў ёй на наступны перыяд. Першае з іх указвала на няўдачу польскай палітыкі федэрацыі. У 1990 г. Т. і Д. Наленч выдалі біяграфіяграфічную працу, прысвечаную Ю. Пілсудскаму. Падводзячы ў

ёй вынікі польска-савецкай вайны, яны адзначалі, што мары аб стварэнні вялікадзяржаўнай Польшчы па ўзоры часоў Ягелонаў засталіся нерэалізаванымі [4, с. 106]. Тады ж фарміруецца гістарыяграфічная традыцыя, у рамках якой падкрэсліваецца істотны ўплыў вынікаў польска-савецкай вайны на сістэму міжнародных адносін. В. Матэрскі ў сваім артыкуле, апублікаваным у 1994 г., указаў на важнае значэнне Рыжскага дагавора для адносін у «трыкутніку» Берлін – Варшава – Масква. Яго падпісанне паклала канец надзеям Германіі і Расіі на ліквідацыю Польшчы. На думку польскага гісторыка, Рыжскі дагавор адыграў стабілізуючую ролю ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе. Польшка-савецкая вайна прадэманстравала ролю Польшчы як нефармальнага лідара, апоры для суверэннага існавання прыбалтыйскіх дзяржаў. Дагавор таксама даў Польшчы магчымасць аслабіць сваю залежнасць ад Антанты. Але, на думку В. Матэрскага, ён адлюстроўваў суадносіны сіл на момант яго падпісання [5, с. 65, 72, 73]. А. Айненкель у сваіх даследаваннях на яшчэ вышэйшую прыступку ўздымае ролю Рыжскага дагавора ў міжнародных адносінах. На яго думку, гэты дагавор на дваццацігоддзе стабілізаваў палітычныя адносіны і межы паміж Польшчай і Савецкай дзяржавай. Ён гарантаваў суверэннітэт Польшчы, а таксама незалежнасць прыбалтыйскіх дзяржаў. У цэлым Рыжскі дагавор з'яўляўся настолькі істотным элементам забеспячэння статус-кво ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе, што, як лічыць А. Айненкель, ёсць падставы гаварыць аб фарміраванні не Версальскай, а Версальска-Рыжскай сістэмы міжнародных адносін [6, с. 19].

Тэзіс аб правале польскай палітыкі федэрацыі быў замацаваны ў фундаментальным шматтомным выданні «Вялікая гісторыя Польшчы». Яго аўтары адзначылі, што заключаны па выніках польска-савецкай вайны мір перакрэсліваў польскія імкненні на ўсходзе. Не ўзнікла сапраўды незалежная Украінская дзяржава, што было важнейшай мэтай кіеўскага паходу. Польшча вымушана была прызнаць існаванне падначаленых Маскве Украінскай і Беларускай дзяржаў. Саступкі ж, зробленыя з боку Расіі, мелі тактычны характар [7, с. 35].

У 1990-я гг. закладваліся асноўныя палажэнні расійскай постсавецкай гістарыяграфіі польска-савецкай вайны 1919–1920 гг. Ужо ў першых публікацыях таго перыяду было сфармулявана палажэнне, згодна з якім гэтая вайна не прынесла перамогі ні аднаму з бакоў. Так, С.М. Палтарак выказвае меркаванне, што для абодвух удзельнікаў вынікі вайны былі «пераможным паражэннем», так як ні адзін з іх не дасягнуў сваіх мэтай у вайне. Для савецкіх рэспублік адзін з важных адмоўных вынікаў канфлікту з Польшчай, на думку названага аўтара, у тым, што мяжа прайшла каля Мінска. Акрамя таго, бальшавікі не рэалізавалі свае планы выкарыстоўваць Польшчу «як плацдарм для ажыццяўлення вырашальнага ўдару ў імя сусветнай рэвалюцыі». Вынікі канфлікту для Польшчы бачацца С.М. Палтараку супярэчлівымі. З аднаго боку, яна больш чым у два разы павялічыла сваю тэрыторыю ў параўнанні з 1918 г. Але вайна спарадзіла для Польшчы значныя знешнія і ўнутраныя цяжкасці, у прыватнасці – канфрантацыю з СССР. Названы аўтар выказвае думку, што ў выніку польска-савецкай вайны для Польшчы была закладзена аснова «трагедыі 1939–1945 гг.» [3, с. 217–218].

І.В. Міхуціна таксама звяртае ўвагу на тэрытарыяльныя саступкі Расіі па выніках вайны. Савецкаму ўраду давялося прызнаць за Польшчай не толькі Усходнюю Галіцыю, але таксама Заходнюю Беларусь і частку Валыні. Аднак, на думку І.В. Міхуцінай, гэтыя тэрытарыяльныя набыткі не варта разглядаць як выключна пазітыўныя для ўмацавання міжнароднага становішча Польшчы. У асяроддзі заходніх палітыкаў усталяваная Рыжскім дагаворам граніца атрымала негатывную ацэнку. Было распаўсюджана меркаванне, што яна стварала пагрозы новай вайны ва Усходняй Еўропе, бо Расія будзе імкнуцца вярнуць страчаныя тэрыторыі і дзеля гэтага пойдзе на збліжэнне з Германіяй, што, безумоўна, супярэчыла інтарэсам Польшчы. Пры гэтым І.В. Міхуціна вядзе разіову аб завяршэнні вайны на аснове кампрамісу, але вельмі зыбкага [8, с. 174]. Тую ж ідэю аб кампрамісным характары Рыжскага дагавора выказвае і В.А. Зубачэўскі ў артыкуле, апублікаваным у 1999 г. Але, з іншага боку, гэты ж аўтар адзначае, што вынікі польска-савецкай вайны надалі адносінам паміж дзвюма дзяржавамі канфрантацыйны характар на працяглы час [9, с. 48].

У пачатку XXI ст. палажэнне аб кампрамісным характары Рыжскага дагавора распаўсюджваецца і ў польскай гістарыяграфіі. А. Чубіньскі ў надрукаванай у 2002 г.

манаграфіі адзначае, што мяжа, устаноўленая Рыжскім дагаворам, была мяжой кампрамісу. Яна не задавальняла ў поўнай меры ні адзін з бакоў. Але пры гэтым падкрэслівае, што Рыжскі дагавор даваў Польшчы выгадныя межы, умацаваў яе аўтарытэт у Еўропе, стварыў добрыя перспектывы для ўрэгулявання адносін з Расіяй [10, s. 370]. Да негатывных наступстваў вайны А. Чубіньскі адносіць тое, што яна садзейнічала росту непрыязнасці паміж расіянамі і палякамі, выбуху нацыяналізму з абодвух бакоў. Зацвердзіўся вобраз ворага, які перашкаджаў паразуменню і нармалізацыі адносін паміж Польшчай і Расіяй. Да вынікаў вайны А. Чубіньскі адносіць і тое, што мільёны беларусаў і ўкраінцаў апынуліся на тэрыторыі Польшчы. У адносінах да іх праводзілася палітыка паланізацыі, што выклікала іх супраціўленне [10, s. 408, 416]. А гэта падрывала трываласць Польскай дзяржавы, што ставіла пад сумнеў пазітыўнасць для Польшчы такога выніку вайны, як пашырэнне яе тэрыторыі на ўсход. У наступнай манаграфіі А. Чубіньскага, выдадзенай у 2003 г., у якасці важнага выніку польска-савецкай вайны паказваецца заспакаенне рэвалюцыйных сіл у Еўропе [11, s. 138].

У расійскай гістарыяграфіі тэзіс аб кампрамісным характары рыжскай граніцы не атрымаў адназначнай падтрымкі. Л.М. Нежынскі ўказвае на тое, што, улічваючы тагачасныя рэальныя суадносіны сіл і актыўную падтрымку Польшчы Антантай, савецкі бок пайшоў на вялікую саступку палякам у тэрытарыяльным пытанні. Гэтая акалічнасць на многія гады стала перашкодай ў савецка-польскіх адносінах. Станоўчае значэнне Рыжскага дагавора ў цэлым для савецкіх рэспублік аўтар бачыць у тым, што ён азначаў для іх «пэўнае змякчэнне сітуацыі на заходніх межах». Л.М. Нежынскі адзначае супярэчлівасць палажэнняў Рыжскай дамовы адносна Украіны і Беларусі. З аднаго боку, абвясцілі іх незалежнасць. З другога – дамова фіксавала новую дзяржаўную мяжу, якая азначала аддзяленне ад Украіны і Беларусі іх заходніх абласцей на карысць Польшчы [12, с. 90]. Манаграфія Л.М. Нежынскага стала першай буйной гістарычнай працай у Расіі, аўтар якой паспрабаваў разгледзець вынікі польска-савецкай вайны з пункту гледжання інтарэсаў дзяржаўнага суверэнітэту Украіны і Беларусі.

І.С. Яжбароўская, В.С. Парсаданава таксама разглядаюць склаўшыся ў выніку польска-савецкай вайны межы як фактар, які зусім не гарантаваў «ўстанаўлення трывалага добрасуседства і аптымальнага развіцця двухбаковых адносін у далейшым». Няўстойлівасць граніц названыя аўтары тлумачаць тым, што яны былі ўсталяваны ўзброенай сілай, «у выніку нярэдка выпадковага збегу ваенных абставінаў, а не шляхам самавызначэння». І.С. Яжбароўская і В.С. Парсаданава паўтараюць тэзіс аб краху канцэпцыі федэрацыі ў выніку вайны, падкрэсліваюць, што Ю. Пілсудскі не змог «ажыццявіць сваю заповітную мару», не вырашыў «палітычную задачу ўсяго жыцця», г. зн. не змог аднавіць Польшчу канца XVIII ст. у новым федэратыўным варыянце [2, с. 270–271, 276]. Названыя аўтары развіваюць ідэю С.М. Палтарака аб адсутнасці пераможцаў у польска-савецкай вайне. Яны адзначаюць, што, нягледзячы на рашэнне ЦК РКП(б) аб згодніцкім міры, Польшча не выйшла з вайны пераможцам, які можа дыктаваць умовы міру [2, с. 261–262].

В. Матэрскі ў манаграфіі, выдадзенай у 2005 г., адстойвае палажэнне аб цяжкім для Расіі, а не кампрамісным характары Рыжскага дагавора. Праўда, пры гэтым адзначае, што з пункту гледжання праходжання мяжы ён быў лепшы, чым уласныя прапановы бальшавікоў у красавіку 1920 г. [13, s. 117].

Тэзіс аб паражэнні Расіі ў польска-савецкай вайне 1919–1920 гг. адстойвае ў сярэдзіне 2000-х гг. Р.П. Грышына. Галоўным вынікам гэтага паражэння, на яе думку, стала тое, што лявацкі настроеная частка камуністаў на час адступіла ад «тэорыі непасрэднага наступу» на капіталістычныя краіны і занялася ў якасці першачарговых ўнутранымі праблемамі. А гэта паставіла на парадак дня пытанні прарыву міжнароднай ізаляцыі, ўстанаўлення дыпламатычных адносін з капіталістычнымі краінамі [14, с. 152]. Тут яна блізкая да згаданай вышэй пазіцыі А. Чубіньскага. Г.Ф. Матвееў, звяртаючыся да тэрытарыяльных вынікаў польска-савецкай вайны, зноў паўтарае тэзіс расійскай гістарыяграфіі, згодна з якім заключэнне Рыжскага дагавора паставіла «тоўсты крыж» на ўсходнім праекце Ю. Пілсудскага, г. зн. на канцэпцыі федэрацыі. Гэта прывяло да таго, што Польшча атрымала на ўсходзе граніцы не з саюзнымі літоўска-беларускай і ўкраінскай дзяржавамі, а з БССР,

УССР і Літвой, якія мелі да яе тэрытарыяльныя прэтэнзіі. Праблемай стала і тое, што наяўнасць у складзе Польшчы мільёнаў украінцаў і беларусаў падрывала ўнутранае адзінства і згуртаванасць Польскай дзяржавы. Г.Ф. Матвееў адзначае і станоўчы момант вырашэння тэрытарыяльнага пытання для Польшчы. Была створана дастатковая з ваеннага пункту гледжання «стратэгічная вобласць» на ўсходзе [15, с. 41].

Польская гістарыяграфія ў пачатку 2010-х гг. працягвала рабіць акцэнт на ўплыў вынікаў польска-савецкай вайны на міжнародную сітуацыю ў цэлым. А. Новак бачыў гэты ўплыў у тым, што на працягу 20-ці гадоў не было гаворкі аб саветызацыі Чэхаславакіі, Венгрыі, Румыніі. Дзякуючы перамозе Польшчы (на думку А. Новака, вайна скончылася менавіта польскай перамогай) у сіле заставаліся трактаты бальшавікоў з буржуазнымі прыбалтыйскімі дзяржавамі. А. Новак лічыць, што Версальская сістэма на 20 гадоў была абаронена Варшаўскай бітвай. Важным вынікам вайны для самой Польшчы было тое, што яна змагла абараніць сваю незалежнасць, здабыла межы на ўсходзе. Тым самым была рэалізавана праграма-мінімум Ю. Пілсудскага, але не канцэпцыя федэрацыі [16, s. 141]. Д. Ліпінская-Наленч і Т. Наленч таксама ўказваюць на міжнароднае значэнне Рыжскага дагавора: ён закладваў асновы для стабілізацыі ва ўсёй Усходняй Еўропе [17, с. 67].

На думку В. Матэрскага, Рыжскі дагавор вызначыў польскую палітыку не толькі ў адносінах да СССР, але і ў дачыненні да прыбалтыйскіх дзяржаў і Румыніі. Польска-савецкая вайна прадэманстравала ролю Польшчы як ваенна-палітычнай апоры незалежнасці прыбалтыйскіх дзяржаў. Для самой Польшчы Рыжскі дагавор стаў базавым элементам канцэпцыі бяспекі. Аднак, лічыць В. Матэрскі, роля гэтай дамовы ў забеспячэнні бяспекі Польшчы аказалася невялікай з-за варожага стаўлення бальшавікоў да капіталістычнага свету і дагавораў, падпісаных з капіталістычнымі краінамі. На яго думку, такія дагаворы для бальшавікоў мелі факультатыўны характар. Да таго ж, Рыжскі дагавор быў дакументам моманту, адлюстроўваў суадносіны сіл на карысць Польшчы ў час яго падпісання. Відавочна, што пры змене суадносін сіл павінна была пахіснуцца ўстойлівасць таго міжнароднага парадку, які ўсталяваў гэты дагавор. Звяртаецца В. Матэрскі і да беларускай і ўкраінскай праблематыкі ў сувязі з падпісаннем Рыжскай дамовы. Ён лічыць памылкай Польшчы згоду на ўдзел у перамовах Савецкай Украіны. Тым самым Варшава адступіла ад палітыкі падтрымкі незалежнасці Беларусі і Украіны [18, с. 12, 13], што азначала адмову ад канцэпцыі федэрацыі.

У пачатку 2010-х гг. у расійскай гістарыяграфіі набірае сілу тэндэнцыя разглядаць завяршэнне і вынікі польска-савецкай вайны ў кантэксце ўнутрыпалітычных падзей у Расіі. В.Л. Чарнапёраў разглядае заключэнне Рыжскага дагавора і завяршэнне польска-савецкай вайны ў непарыўнай сувязі з пераходам бальшавікоў да новай эканамічнай палітыкі ўнутры краіны і новага знешнепалітычнага курса. У яго аснове была адмова ад ваенных аванцюр з мэтай падштурхнуць сусветную рэвалюцыю. Але гэта не азначала адмовы бальшавікоў падвергнуць рэвізіі той стан рэчаў, які ўсталяваў Рыжскі дагавор [19, с. 158].

У адным са сваіх артыкулаў 2014 г. І.С. Яжбароўская зноў падкрэслівае, што Рыжскі мір не зафіксаваў перамогу ні аднаго з бакоў. Пры яго заключэнні не было ў колькі-небудзь значнай меры рэалізавана права народаў на самавызначэнне. І пры гэтым ён не зняў шэрагу праблем і прэтэнзій бакоў аднаго да другога. Яна паўтарае ідэю, выказаную 10-годдзем раней у манаграфіі, што граніцы, якія былі ўсталяваны «ў выніку выпадковага збегу ваенных абставін», не гарантавалі ў далейшым развіцця добрасуседскіх адносін [20, с. 58, 59]. Звяртаючыся да пытання аб рыжскай граніцы, Ю.А. Барысёнак робіць выснову, што «лепшую граніцу» Польшча ў той момант атрымаць не магла [21, с. 59–60].

У калектыўнай манаграфіі «Першая сусветная вайна і лёс еўрапейскай цывілізацыі» яе аўтары адвяргаюць ідэю аб кампрамісным характары Рыжскага міру, робяць акцэнт на яго непрымальнасці для кіраўніцтва Савецкай Расіі. На іх думку, мір з Польшчай успрымаўся бальшавікамі як новы Брэсцкі мір, які павінен напаткаць той жа лёс [22, с. 483].

У расійскай гістарыяграфіі атрымоўвае далейшае развіццё канцэпцыя, згодна з якой у выніку польска-савецкай вайны бальшавікі ажыццяўляюць пераход ад рэвалюцыйнай геапалітыкі да рэальнай палітыкі дзяржаўных інтарэсаў. М.М. Нарынскі адзначае, што

Рыжскі дагавор быў адным з першых крокаў адмовы бальшавікоў ад канцэпцыі фарсіравання еўрапейскай рэвалюцыі. Пры гэтым названы аўтар адзначае і нетрывалася таго міжнароднага парадку, які ўзнік па выніках польска-савецкай вайны. Гэта ў першую чаргу тлумачыцца недаверам і варожасцю паміж Савецкай Расіяй і Польшчай, якія захаваліся [23, с. 45, 48].

Рыжскі мірны дагавор як кампрамісны характарызуе ў сваёй дысертацыі Д.А. Корткава. Яна піша, што бакі аддалі перавагу «міру пагаднення», а не праблематычнаму «канчатковаму выяўленню сапраўднага пераможцы ў барацьбе за дамінаванне ва Усходняй Еўропе». Важнейшым элементам кампрамісу стала прызнанне польскім бокам савецкіх рэспублік Беларусі і Украіны ўзамен на ўключэнне ў склад Польшчы тэрыторый з кампактна пражываючым беларускім і ўкраінскім насельніцтвам. Пры гэтым Д.А. Корткава лічыць, што ў савецкага кіраўніцтва не было выбару адносна саступак беларускіх тэрыторый, бо альтэрнатывай яму быў працяг польскага наступлення ў Беларусі [24, с. 208, 209]. Яна адзначае, што Рыжскі мір у поўнай меры не задаволіў ніводны з падпісаўшых яго бакоў, захаваў у іх палітычным арсенале ўзаемныя абвінавачванні ў несправядлівасці тэрытарыяльных пастановаў [24, с. 222].

У апошнія гады ў польскай гістарыяграфіі Рыжскі дагавор усё больш разглядаецца як фактар умацавання Версальскай сістэмы. Паводле пункту гледжання А. Новака, ён азначаў пачатак стабілізацыі ва Усходняй Еўропе і ў гэтым плане прымыкаў да Версальскай дамовы. Рыжскі дагавор, ужо прэлімінары, перакрэсліваў планы бальшавікоў па знішчэнні Версальскай сістэмы ў інтарэсах сусветнай рэвалюцыі [25, с. 484]. А. Новак таксама адзначае, разам з шэрагам расійскіх гісторыкаў, што ў выніку Рыжскага дагавора бальшавікі былі вымушаны адмовіцца ад падштурхоўвання сусветнай рэвалюцыі і перайсці да будаўніцтва сацыялізму ў адной краіне [25, с. 494]. А. Бялы, звяртаючыся да пытання пра ўплыў Рыжскага дагавора на міжнародную сітуацыю, робіць выснову, што ён быў лакальным і часовым урэгуляваннем адносін ва Усходняй Еўропе, не ўваходзіў у Версальскую сістэму, пакуль не атрымаў адабрэння вялікіх дзяржаў у 1923 г. [26, с. 86].

У расійскай гістарыяграфіі пераход бальшавікоў да рэальнай палітыкі абароны інтарэсаў Расійскай дзяржавы шляхам збліжэння з Германіяй замест рэвалюцыйнай геапалітыкі ў якасці важнейшага міжнароднага наступства Рыжскага дагавора адзначае ў апублікаванай у 2018 г. манаграфіі В.А. Зубачэўскі. Гэты паварот, на яго думку, стаў «буйнейшым правалам версальскіх міратворцаў» [27, с. 200].

Ідэю аб тым, што асноўным пунктам кампрамісу паміж Польшчай і Савецкай Расіяй стала прызнанне польскім бокам савецкіх Беларусі і Украіны ўзамен на савецкія тэрытарыяльныя саступкі Д.А. Корткава паўтарае і ў сваёй манаграфіі 2019 г. выдання. Прычым, як лічыць названы аўтар, дадзеныя тэрытарыяльныя саступкі з боку Савецкай Расіі былі абумоўлены прайгранай вайной [28, с. 170–171, 181]. Палажэнне аб паражэнні Расіі ў вайне з Польшчай фактычна падтрымаў Г.Ф. Матвееў. У артыкуле, апублікаваным у 2020 г., ён гаворыць аб фармальнай перамозе Польшчы ў вайне з Расіяй у 1919–1920 гг., але пры гэтым адзначае няўдачу Ю. Пілсудскага. Яму не ўдалося стварыць пояс саюзных буферных дзяржаў уздоўж усходняй мяжы Другой Рэчы Паспалітай. Тым самым, на думку Г.Ф. Матвеева, не ўдалося і карэнным чынам павысіць стратэгічную бяспеку Польшчы [29, с. 27]. Яшчэ ў адным артыкуле, апублікаваным у 2020 г., Г.Ф. Матвееў выступае супраць канцэпцыі, згодна з якой Рыжскі дагавор меў настолькі істотнае значэнне для фарміравання міжнароднага парадку ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе, што можна гаворыць аб Версальска-Рыжскай сістэме міжнародных адносін. Ён даказвае неабгрунтаванасць ужывання дадзенага тэрміна [30].

Заклучэнне. Такім чынам, польская гістарыяграфія з пачатку 1990-х гг. пры ацэнцы вынікаў польска-савецкай вайны асабліва акцэнт робіць на ролю Рыжскага дагавора ў фарміраванні міжнароднага парадку ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе. Тым самым падкрэсліваецца значнасць Польшчы як фактару фарміравання Версальскай сістэмы. У гэты ж час зацвердзілася канцэпцыя, згодна з якой адным з важнейшых вынікаў вайны стаў крах федэралісцкай канцэпцыі Ю. Пілсудскага. Польскімі гісторыкамі падкрэсліваецца кампрамісны характар Рыжскага дагавора, адзначаецца выгаднасць для Польшчы ўстаноўленых ім межаў. У цэлым вынікі вайны ацэньваюцца як перамога Польшчы. Гэта перамога

разглядаецца як важны фактар захавання Версальскай сістэмы і прадухілення распаўсюджвання пралетарскай рэвалюцыі на Еўропу. Некалькі адрозніваецца пазіцыя В. Матэрскага, які характарызуе Рыжскі дагавор як цяжкі для Расіі і не разглядае яго як фактар стабілізацыі сітуацыі ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе на працяглы час.

Праблемнае поле расійскай гістарыяграфіі па разгледжанай праблеме шмат у чым супадае з польскай гістарыяграфіяй. Ёсць супадзенні і некаторых канцэпцый. Так, расійская сучасная гістарыяграфія таксама адзначае крах федэралісцкай канцэпцыі Ю. Пілсудскага. Многія расійскія аўтары згаджаюцца з тэзісам аб кампрамісным характары Рыжскага дагавора. Але пры гэтым адзначаецца, што бальшавікі пайшлі Польшчы на значныя саступкі. У выніку Польшча атрымала выгадныя межы. Адны аўтары звязваюць гэтыя саступкі з жаданнем савецкага кіраўніцтва пазбегнуць цяжкай зімовай кампаніі, іншыя – з перамогай палякаў у Варшаўскай бітве. Польская і расійская гістарыяграфіі перасякаюцца ў пытанні пра ўплыў вынікаў польска-савецкай вайны на праводзімую бальшавікамі палітыку сусветнай рэвалюцыі. Прызнаецца, што зыход канфлікту з Польшчай падштурхнуў бальшавікоў да пераходу да рэальнай палітыкі. Непрымальным для расійскіх гісторыкаў з'яўляецца тэзіс іх польскіх калегаў аб выключна вялікай ролі польска-савецкай вайны, Рыжскага дагавора ў фарміраванні новага міжнароднага парадку ў Еўропе.

У цэлым, як у расійскай, так і ў польскай гістарыяграфіі ў разглядаемы перыяд не адбылося канцэптואльных змяненняў у ацэнках вынікаў вайны 1919–1920 гг. Таму не ўяўляецца магчымым вылучыць якія-небудзь асобныя перыяды ў яе развіцці. Як не даводзіцца гаварыць аб істотных адрозненнях унутры польскай альбо расійскай гістарыяграфіі і вылучаць асобныя гістарыяграфічныя напрамкі ў іх пры вывучэнні вынікаў польска-савецкай вайны. Рознагалоссе ў ацэнках вынікаў вайны прасочваецца паміж польскай і расійскай гістарыяграфіямі ў цэлым. Хоць па шэрагу пытанняў пункты гледжання гісторыкаў дзвюх краін супадаюць альбо блізкія.

Літаратура

1. Яжборовская, И. С. Современная историография советско-польских отношений / И. С. Яжборовская, М. Корнат // Белые пятна – Черные пятна : сложные вопросы в российско-польских отношениях ; под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. – М. : Аспект Пресс, 2010. – С. 737–813.
2. Яжборовская, И. С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. / И. С. Яжборовская, В. С. Парсаданова. – М. : Academia, 2005. – 404 с.
3. Полторацк, С. Н. Победоносное поражение. Размышления о советско-польской войне 1920 г. в канун ее 75-летия / С. Н. Полторацк. – СПб. : ТОО «Терция», 1994. – 368 с.
4. Наленч, Т. Юзеф Пилсудский легенды и факты / Т. Наленч, Д. Наленч. – М. : Изд-во полит. лит-ры, 1990. – 399 с.
5. Materski, W. Traktat ryski i jego waga międzynarodowy / W. Materski // Rola i miejsce Polski w Europie 1914–1957. – Warszawa : Wydawnictwo: Instytut Historii PAN, 1994. – S. 63–73.
6. Ajnenkiel, A. Od aktu 5 listopada do traktatu ryskiego / A. Ajnenkiel // Traktat ryski 1921 r. po 75 latach. – Toruń : Uniwersytet M. Kopernika, 1998. – S. 19–29.
7. Brzoza, C. Welka Historia Polska / C. Brzoza. – Kraków : Oficyna wydawnicza, 2001. – Т. 9. – 423 s.
8. Михутина, И. В. Некоторые проблемы польско-советской войны 1919–1920 гг. / И. В. Михутина // Версаль и новая Восточная Европе / Р. П. Гришина, В. Л. Мальков (отв. ред.). – М. : Институт славяноведения и балканистики, 1996. – С. 159–175.
9. Зубачевский, В. А. Геополитические планы Германии, Польши и Советской России в период польско-советской войны 1920 г. / В. А. Зубачевский // Славяноведение. – 1999. – № 4. – С. 41–49.
10. Czubiński, A. Walka Józefa Piłsudskiego o nowy kształt polityczny Europy Środkowo-Wschodniej w latach 1918–1921 / A. Czubiński. – Toruń : Wydawnictwo Adam Marszałek, 2002. – 444 s.
11. Czubiński, A. Historia powszechna XX wieku / A. Czubiński. – Poznań : Wydawnictwo poznańskie, 2003. – 860 s.
12. Нежинский, Л. Н. В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 годах / Л. Н. Нежинский. – М. : Наука, 2004. – 325 с.
13. Materski, W. Na widzenie: II Rzeczpospolita wobec Sowietów 1918–1943 / W. Materski. – Warszawa : Instytut Studiów politycznych PAN. Oficyna Wydawnicza PAN, 2005. – 776 s.

14. Гришина, Р. П. Штрихи к политике мировой революции в постверсальской Европе (начало – середина 1920-х гг.) / Р. П. Гришина // Восточная Европа после Версаля. – СПб. : Алетей, 2007. – С. 150–162.
15. Матвеев, Г. Ф. Начало / Г. Ф. Матвеев // Белые пятна – Черные пятна : сложные вопросы в российско-польских отношениях ; под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. – М. : Аспект Пресс, 2010. – С. 15–50.
16. Nowak, A. Ojczyzna ocalona / A. Nowak. – Kraków : Biały Kruk, 2010. – 167 s.
17. Липиньская-Наленч, Д. Начало / Д. Липиньская-Наленч, Т. Наленч // Белые пятна – Черные пятна : сложные вопросы в российско-польских отношениях ; под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. – М. : Аспект Пресс, 2010. – С. 50–73.
18. Materski, W. Traktat ryski – potencjalna baza regionalnego systemu bezpieczeństwa / W. Materski // Да 90-годдзя прыняцця Рызскага дагавора 1921 г. Матэрыялы з гісторыі беларуска-польскіх узаемаадносін у XX ст. : зб. Навук. прац III Міжнароднай навук.-тэарэт. канф., Мінск, 9–10 чэрвеня 2011 г. ; навук. рэд.: Е. Расоўская, А. Вялікі. – Мінск : ТАА «Ковчег», 2011. – С. 12–21.
19. Чернопёров, В. Л. Из истории политики большевиков на востоке Центральной Европы в 1919–1924 гг. / В. Л. Чернопёров // Геополитическая трансформация в Восточной Европе между двумя мировыми войнам (к 90-летию подписания Рижского мирного договора) : сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф., Брест, 17–18 марта 2011 г. ; редкол.: М. Э. Чесновский (гл. ред.) [и др.]. – Брест : БрГУ, 2011. – С. 156–162.
20. Яжборовская, И. С. От войны 1919–1921 годов к миру и изживанию ее синдрома / И. С. Яжборовская // Забытый мир : Рижский договор 1921 года : интерпретации и споры ; под ред. С. Дембского, А. В. Мальгина. – М. : ЗАО Изд-во «Аспект Пресс», 2014. – С. 51–66.
21. Борисёнок, Ю. А. Польский фактор в национальной политике советской власти в Белоруссии в 1920–1930-е гг. / Ю. А. Борисёнок // Новая и новейшая история. – 2013. – № 6. – С. 55–65.
22. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л. С. Белоусова, А. С. Маныкина. – М. : Изд-во Московского университета, 2014. – 816 с.
23. Наринский, М. М. Советско-польская война и Рижский мир 1921 года / М. М. Наринский // Забытый мир : Рижский договор 1921 года : интерпретации и споры ; под ред. С. Дембского, А. В. Мальгина. – М. : ЗАО Изд-во «Аспект Пресс», 2014. – С. 30–50.
24. Короткова, Д. А. Белоруссия в советско-польских отношениях в 1918–1921 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Д. А. Короткова. – М., 2015. – 252 с.
25. Nowak, A. Pierwsza zdrada zachodu 1920 – zapomniany appeasement / A. Nowak. – Kraków : Wydawnictwo Literackie, 2015. – 603 s.
26. Biały, A. Mniejszość polska na Białorusi Sowieckiej w latach 1921–1939 / A. Biały. – Przasnysz : Towarzystwo Przyjaciół ziemi Przasnyskiej, 2018. – 841 s.
27. Зубачевский, В. А. Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века) : Геополитический аспект / В. А. Зубачевский. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2018. – 396 с.
28. Короткова, Д. А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии двух держав. 1918–1921 гг. / Д. А. Короткова. – М. : Центрполиграф, 2019. – 222 с.
29. Матвеев, Г. Ф. Советско-польская война и два сценария для Восточной Европы / Г. Ф. Матвеев // Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020 : сб. ст. ; под общ. ред. В. Ю. Крашенинниковой. – М. : Изд-во «Кучково поле», 2020. – С. 19–28.
30. Матвеев, Г. Ф. [Рецензия] / Г. Ф. Матвеев // Славяноведение. – 2020. – № 3. – С. 129–131. – Рец. на моногр. : Мезга, Н. Н. Советско-польские отношения 1921–1926 гг. Новый этап противостояния / Н. Н. Мезга. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – 229 с.

Пераход ад традыцыйнай да кніжнай адукаванасці на беларускіх землях у IX–XIII стст. (Частка 2)

В.А. ПЛЕЦКІ

Праведзена даследаванне пераходу ад традыцыйнай да кніжнай адукаванасці на беларускіх землях у IX–XIII стст. пад уплывам зараджэння дзяржаўнасці і хрысціянізацыі насельніцтва ўсходнееўрапейскага рэгіёну.

Ключавыя словы: традыцыйная адукаванасць, гістарычная трансляцыя грамадскага досведу, пісьмёнасць насельніцтва, выхаваўча-адукацыйны працэс, кніжная адукаванасць.

A study has been conducted on the transition from traditional to book-based education in the Belarusian lands in the IX–XIII centuries under the influence of the emergence of statehood and the Christianization of the population of the Eastern European region.

Keywords: traditional education, historical translation of public experience, literacy of the population, educational process, book-based education.

(працяг артыкула, пачатак у № 4 (151), 2025 г.)

Цікава, што зыходзячы са зместу тых «навук», якія першапачаткова «выкладаліся» падчас гэтага «вучэння кніжнага», зусім не было таго, што можна было б неяк звязаць з паняццем «перадача жыццёвага (ці навуковага) сацыяльнага досведу».

Адбывалася звычайная катэхізацыя. Тое, што ў царкоўнай практыцы называюць «абрадам абвяшчэння» (рус. «оглашения») [1]. Падчас яе вырашалася задача: змяніць свядомасць, вобраз жыццядзейнасці, комплекс маральных, культурных і светапоглядных арыенціраў чалавека, які знаходзіўся ў палоне язычніцкага светаўспрымання. Паставіць яго на шлях хрысціянізацыі. «Катэхізацыя ... (адзначаў член французскай акадэміі, тэолаг і гісторык, Жан Даніэлу – В.П.) накіравана на тое, каб прывесці канкрэтнае жыццё (катэхумена – В.П.) у адпаведнасць з верай, якой ён прытрымліваецца. Верыць у Хрыста – значыць змяніць сваё жыццё...» [2, р. 125].

Змест гэтай катэхізацыйнай падрыхтоўкі уключаў базавыя (элементарныя) веды, якія знаёмы любому шэраговаму хрысціяніну. Вучылі асновам веры, якія сфармуляваны ў т. зв. «Сімвале веры». Малітву «Ойча наш». Засвойвалі «Закон Божы» (Декалог) у выглядзе «Дзесяці біблейскіх заповедзяў». Тлумачылі абавязкі хрысціяніна ў адносінах да Бога, да людзей і да самога сябе. Прывучалі пасціцца ў названыя царквой перыяды. Важнай часткай было «вучэнне» пра грахоўнасць чалавека. Пра «першародны грэх». Знаёмілі з паняццем «страх Божы». Называліся сем смяротных грахоў. Заклучнай часткай было знаёмства з сутнасцю царкоўных сакрамантаў (хрышчэнне, памазанне, пакаянне, прычашчэнне, шлюб, святарства і сабораванне) і абраднасцю, звязанай з імі.

Навучанне прасцейшым (элементарным) «навукова-рацыянальным» ведам (найперш чытанню і спевам) царква распачала не адразу і не з нагоды нейкіх альтруістычных мэтай (накштальт «павышэння ўзроўню адукаванасці грамадства»). А з неабходнасці ўмення чытаць напісаныя тэксты малітваслоўя і прымаць удзел у царкоўных песнапеннях падчас багаслужэнняў. Спачатку для ніжэйшых царкоўных служак (іпадыяканаў, псаломшчыкаў, дзякаў, чытальнікаў, пеўчых), а потым і для простых вернікаў.

Важным пытаннем у размове пра перадачу міжпакаленнага сацыяльнага досведу з’яўляецца праблема засваення кніжнай граматы дзецямі з ваенна-феадальнага асяроддзя. Калі (на якім этапе жыцця)? Дзе? І якія веды? засвойвалі будучыя землеўласнікі (і прадстаўнікі кіруючага саслоўя). Адказы на гэтыя пытанні таксама сведчаць пра асаблівасці практычнай рэалізацыі выхаваўча-адукацыйнага працэсу.

Пачнём з таго, што хрысціянізацыя ўсходнееўрапейскіх тэрыторый, як было сказана вышэй, паставіла на парадак дня «вучэнне кніжнае». І нам вядома з розных тагачасных гістарычных крыніц, што дзеці прывеліяваных пластоў насельніцтва (і найперш нашчадкі

князёў) даволі часта валодалі граматай. Так, адзін з сыноў Яраслава Мудрага (нашчадка полацкай княжны Рагнеды) ведаў пяць замежных моў. Вядомы пячаткі князёў («кніжніка» Ізяслава, полацкага князя), а таксама княгінь (маці Еўфрасінні Полацкай і самой Еўфрасінні). Ёсць звесткі пра «Барысавы» камяні і «Рагвалодаў камень», «берасцяныя граматы». Існуюць тэксты твораў нашага знакамітага «златавуста» Кірылы Тураўскага, што жыў у XII ст. Шырока вядомы факты пра адукаванасць і дзеянні па адкрыцці школ нашай «нябеснай апякункі Беларусі» Еўфрасінні Полацкай. Факты з жыцця, адукаванасць, кар’ерныя перыпетыі Кліма Смаляціча і Аўраамія Смаленскага і многае іншае. Усё гэта сведчыць пра відавочную распаўсюджанасць пісьменнасці на беларускіх землях у азначаны гістарычны перыяд (аргументуем гэта ніжэй).

Дзе набываліся такія веды? «Аповесць мінулых гадоў» сведчыць, што самымі першымі з дзяцей усходнееўрапейскага рэгіёну (і Беларусі ў тым ліку), хто трапіў у навучанне, былі дзеці нейкай «нарочитое чади». Менавіта іх, па распараджэнні князя, пачалі «поимати... и даяти ... на оученье книжное...» [3, с. 51]. Чые гэта былі дзеці?

(Даведка: Тэрмін «нарочитое чади» складаецца з двух лексічных адзінак, якія ў слоўніку Ізмаіла Сразнеўскага тлумачацца наступным чынам: «нарочит[-ыи]» – «...важный, почётный, знатный...» [4, с. 323]; «чад[-ь]» – «дети», «народь», «дружина» [5, с. 1469–1470] (канец Даведкі).

Інакш кажучы, дзеці, якіх «поимали... на оученье книжное», па загаду кіраўніка дзяржавы адразу ж пасля хрысціянізацыі былі дзецьмі прадстаўнікоў найбліжэйшага атачэння князя. Хутчэй за ўсё нашчадкамі дружыннікаў і баяр.

І гэта зразумела. Пераход на новае веравызнанне, якое павінна было ідэалагічна ахоўваць феадальна-антаганістычны лад. Дзе грамадства было падзелена на два саслоўна-класавыя пласты. Феадалаў і залежных сялян смердаў (а таксама гараджан, рамеснікаў, купцоў). Было надзвычай важнай грамадскай акцыяй.

Новую ідэалогію, канешне ж, павінны былі «прывіваць» насельніцтву тыя, хто быў найбольш зацікаўлены ў ёй. Прадстаўнікі феадальнага саслоўя. А «вучэнне кніжнае», як сказана вышэй, было разлічана найперш на падрыхтоўку служыцеляў царквы. І канешне, іх кадравы склад павінен быў рэкрутавацца за кошт феадальнага асяроддзя.

Тым больш вядома, што прадстаўнікі царкоўнай адміністрацыі ў хрысціянстве заўсёды былі феадаламі. Навукова-гістарычная літаратура падзяляе феадальнае саслоўе на «свецкіх» і «духоўных» феадалаў. «Супольнасць служыцеляў Госпада, ...здавалася б, павінна была быць (ададаленай ад – В.П.)... зямны[-х] клопата[-ў], але пры гэтым яна знайшла сваё месца ў спецыфічнай феадальнай структуры грамадства...», – пісаў вядомы французскі даследчык феадалізму Марк Блок [6, с. 339]. «...абаты, біскупы, ... арцыбіскупы. Па сваім багацці, магчымасяцях і ўладзе гэтыя магутныя князі царквы ані як не саступалі самым уплывовым свецкім баронам...» [6, с. 339].

Якую адукацыю (з якім зместам?) атрымлівалі дзеці – прадстаўнікі ваенна-феадальнага саслоўя? Канешне, пачаткова, як сказана вышэй, гэтае «вучэнне» было выключна катэхізацыяй. Яна тлумачыла царкоўна-дактрынальныя пастулаты і «...пры[-водзіла] канкрэтнае жыццё (катэхумена – В.П.) у адпаведнасць з верай, якой ён прытрымліваецца...» [2, р. 125].

Сам тэрмін «вучэнне (ці: чытанне – В.П.) кніжнае», які звычайна ўспрымаецца нашымі сучаснікамі (жыхарамі XXI ст.) як непасрэднае навучанне (ці: чытанне кніг) з мэтай засваення нейкай інфармацыі (вучэбна-навуковай, пазнавальнай, забаўляльнай, ці інш.), на той час азначаў зусім іншую рэчаіснасць.

Царкоўна-хрысціянскі «рытуал» чытання датычна той эпохі меў выключна ідэалагічны характар і часцей за ўсё нават не меў нічога агульнага з разуменнем прачытанага. Ён, як правіла, быў адной з форм катэхізацыі. Быў разлічаны на тое, што хрысціянін падчас працэса чытання будзе ўспрымаць «слова Божае». Прычым яго не абавязкова было разумець (і імкнуцца ўявіць гэта ў сапраўднасці). Яно ўвогуле магло мець міфалагічны сюжэт, зусім не звязаны з грамадскай рэчаіснасцю. У яго патрэбна было верыць.

Царкоўна-хрысціянская дактрына прапаноўвала чалавеку, які рыхтаваўся стаць хрысціянінам, спецыяльны статус: «адрачэнне ад сябе». Інакш адварнуцца «ад любові да сябе»; «ад сваіх прыхільнасцяў»; «ад сваіх мэтай і жаданняў»; «ад сваіх перакананняў»; «ад сваёй маёмасці» [7]. Вядомы біблейскі тэзіс, выкладзены ў Евангеллі ад Лукі, сведчыць пра тое, што Хрыстос, звяртаючыся «...да ўсіх сказаў: калі хто хоча ісьці за Мною, адкінь (адрачыся ад – В.П.) сябе, і вазьмі крыж свой, і ідзі за Мною. Бо хто хоча душу сваю зьберагчы, той страціць яе; а хто страціць душу сваю дзеля Мяне, той зьберажэ яе...» [8].

Даволі трапны погляд адносна «вучэння кніжнага» выказаў А.А. Штэц (докт. пед. навук, прафесар Мурманскага інстытута): «...асноўная функцыя кнігі (у той час была – В.П.) – не пазнавальная, а “душакарысная” (рус.: “душеполезная”). Яна у “вучэнні кніжным” (была – В.П.) “надобная іконе – гэта духоўны аўтарытэт і духоўны кіраўнік”. Чытанне кніг успрыма[лася] як богаўгодная справа і як маральны абавязак...» [9].

Наглядным прыкладам гэтага можа быць вядомы многім эпізод з сучаснага жыцця (XXI ст.). Калі каля якога небудзь храма альбо ў пераходзе метро стаіць (сядзіць) старэнькая жанчына (каля скрыні для збору царкоўных ахвяраванняў) і бесперапынна чытае Біблію. Для чаго яна гэта робіць? Няўжо для разумення прачытанага? Ці, усё-ж, для ўздзеяння на тых, хто праходзіць міма? Ну, відаць, хутчэй апошняе. Каб «уразіць» прахожага вась такой «адданасцю святасці» і вымусіць зрабіць ахвяраванне.

Чытанне (ці: вучэнне) кніжнае, як дзейснае паняцце перыяду хрысціянізацыі, дыяметральна адрознівалася, па сутнасці, ад сённяшняга свайго разумення.

Але так працягвалася не доўга. Паступова адукаванасць пачынала ўваходзіць у жыццё грамадства і першадзяржаўных утварэнняў (княстваў). І папаўнялася акрамя чытання і спеваў (неабходных для ўдзелу ў літургіі) элементарнымі ведамі адукацыйнага кшталту: пісьмом і прасцейшымі арыфметычнымі дзеяннямі. Якія, акрамя вырашэння царкоўна-ідэалагічных задач, былі запатрабаваны патрэбамі сацыяльна-эканамічнага развіцця. Найперш, гандлю, мытнай службы і падатковай сферы.

Мы ўжо прыводзілі вытрымку з Дагавора з Візантыяй ад 907 г., падпіснага пасля чарговага ваеннага паходу і перамогі над Візантыяй, дзе Полацк разам з гарадамі Кіеўскага княства, атрымаў права на даніну. Якую хтосці сярод палачан (прычым, не адзін ці два чалавекі, а цэлая дзяржаўная служба) павінен быў лічыць, а таксама займацца вызначэннем колькасці ўнутраных феадальных данін на карысць дзяржавы.

Развіваўся гандаль. Ён быў даволі актуальны на той час, найперш, з-за наяўнасці геапалітычнага месцараспалажэння. Вядома, што этнаграфічна беларускія землі (Полацкае, Тураўскае, Смаленскае княствы) геапалітычна былі размешчаны на перакрываванні міжнародных гандлёвых шляхоў [10]. А гэта таксама стымулявала патрэбу ў валоданні прыкладной граматай (лічэнне, пісьмо, валоданне замежнымі мовамі).

Самых вядомых гандлёвых шляхоў на той час было некалькі: па рацэ Заходняя Дзвіна на Поўначы [11]; у паўднёвай частцы Беларусі (па рацэ Прыпяць і сістэме рэк Піна, Мухавец, Заходні Буг) [12]; з Поўначы на Поўдзень (шлях з Варагаў у Грэкі) [13]. А таксама ўнікальны шлях, што праходзіў праз рэкі Прыпяць, Ясельда, Шчара, Нёман (па дыяганалі тэрыторыі Беларусі з Поўдневага Усходу на Паўночны Запад). І быў самай кароткай гандлёвай артэрыяй, якая звязвала г. Кіеў з востравам Готланд. А апошні, як вядома, пачынаючы з XII–XIII стст., быў адным з цэнтраў паўночна-еўрапейскага гандлёвага саюза «Ганзы» [14]. Канчатковае афармленне гэтага шляху закончылася пазней будаўніцтвам Агінскага канала [15, с. 32].

Усе названыя накірункі звязвалі праз беларускія тэрыторыі дзесяткі народаў з розных рэгіёнаў Еўропы і Азіі. Па гандлёвых шляхах ішлі бясконцыя патокі грузаў, якія, відаць, з дапамогай мытні (што пацвярджаецца, у тым ліку, і знаходкамі *свінцовых пломбаў* на месцы горада Дарагічына на Беласточчыне [16]), эканамічна кантраляваліся полацкімі, тураўскімі і смаленскімі князямі.

За праход суднаў па тэрыторыі княстваў збіралі даніну і размяркоўвалі яе на дзяржаўныя патрэбы. Некаторыя гісторыкі лічаць, што сродкі, атрыманыя за кошт гандлёвых шляхоў, былі адным з важнейшых фактараў, што паскараў станаўленне дзяржаўнасці ва ўсходнееўрапейскім рэгіёне [17, с. 55–57]. Няўжо тут ніхто не ўмеў лічыць і займацца з дапамогай лічэння пытаннямі эканомікі першадзяржаўных утварэнняў? Канешне, адукаваныя людзі меліся, тым больш, што ў многіх з тых краін, з якімі ажыццяўляўся гандаль, адукацыя была развіта за многа стагоддзяў да названых падзей, яшчэ з эпохі антычнасці.

Як і дзе вучыліся дзеці князёў? Дакладна нам гэта не вядома. Хутчэй за ўсё гэта адбывалася падчас хатняга выхавання ў межах «перыяду грыдніцы». Хто іх вучыў? Не выключана, што былі нейкія спецыяльна прызначаныя людзі, якія займаліся праблемай навучання грамаце будучых спадчыннікаў дзяржаўнага прастола. Як яны называліся ў той час, сказаць цяжка. Разам з тым гістарычная крыніца 1313 г.: «*Ярлык ... Кіпчакскага Цара*

Узбека (гг. кір.: 1313–1341 – В.П.) *Пятру Мітрапаліту.....аб нечыненні крыўд цэрквам і святарам, аб недамыкальнасці іх маёмасці...»* [18, с. 8] сведчыць аб тым, што ў «слоўнікавым запасе» жыхароў усходнеўрапейскіх тэрыторый Х–ХІІІ ст. меліся такія тэрміны, як «учителны[-е] людски[-е] повѣстник[-и]» і «книжник[-и]».

Тэрмін «кніжнік», канешне, больш шырокі. Ён, хутчэй, датычны да царкоўнай гісторыі. Пазначае дасведчанага чалавека, знаўцу і тлумачальніка Святога пісання. А што да слова «повстнік», то яго значэнне, калі ўлічыць меркаванне навуковых крыніц, даволі блізкае да справы навучання і падахвочвання да авалодвання навукамі.

(*Даведка*: У слоўніку І.І. Сразнеўскага маюцца наступныя тэрміны:

- «повстникъ» (альбо: «пооустникъ») – «...побудитель, поощритель, (наставник)...»;
- «повчати» (альбо: «поучати») – «...научать, обучать...»;
- «повчатиса» – «...учиться, научаться...» [4, с. 323] (*канец Даведкі*).

Тым больш, калі тэрмін гэты дадзены ў складзе такой красамоўнай лексемы, як «учителны[-е] людски[-е] повѣстник[-и]». Дзе даволі дакладна бачна, што гэта былі нейкія прафесіяналы са спецыфікацыяй, накіраванай на навучанне людзей. Каго яны вучылі? На якіх умовах? Якія веды выкладалі? Усё гэта пакуль (з-за недахопу гістарычных крыніц) застаецца «закрытай» на сённяшні дзень інфармацыяй. Але тое, што яны былі. Што грамадства ведала такіх штучных спецыялістаў. Нейкіх «майстроў граматы» (можа вандроўных) – гэта даволі красамоўны факт для даследавання праблемы перадачы грамадскага досведу ў той далёкі перыяд.

Ці маглі яны быць прыцягнуты да выканання такой справы, як навучанне грамаце будучых пераемнікаў княжацкай улады? Так, канешне. Дзеці князёў былі найбольш магчымымі іх навучэнцамі. Тым больш, што вынікі такога навучання (адукаванасць менавіта спадкаемцаў княжацкіх прастолаў) маюць пераканаўчае пацверджанне ў гісторыі нашай краіны.

Так, у «Павучанні Манамаха» сказана, што сын кіеўскага князя Яраслава Мудрага Усевалад, жывучы ў Кіеве, вывучыў пяць замежных моў. «...умеючи ... не забывайте доброго, а ... не умеючи ... (учитесь – В.П.), якоже бо отець мой (Всеволод Ярославич / 1030–1093/ – В.П.) дома сидя, изуменяше 5 языкъ, в томъ бо честь есть от инехъ земель...» [19, с. 57]. Ёсць меркаванне, што ён ведаў грэчаскую, лацінскую, польскую, шведскую і нарвежскую мовы. Сам Яраслаў Мудры, як вядома, быў сынам полацкай князёўны Рагнеды.

Была пісьмэннай і дачка Яраслава Мудрага Ганна (унучка Рагнеды), якая стала пазней каралевай Францыі (у 1049–1075 гг.), жонкай французскага караля Генрыха І. Захаваўся нават яе аўтограф, якім яна падпісвалася, будучы ўжо каралевай. Можна выказаць здагадку, што адукаванымі людзьмі былі і іншыя сыны Яраслава: Ізяслаў і Святаслаў Яраславічы, пра якіх сведчыць знакамiты «Ізборнік вялікага князя Святаслава» [20].

Адукаваным быў і сын Рагнеды, полацкі князь Ізяслаў (каля 978–1001). Нездарма складальнік Патрыяршага (альбо Ніканаўскага) летапісу заўважыў: «...бысть же сам князь тихъ, и кротокъ, и смирен, и милостивъ, и любя зело и почитая священнический чинъ и иноческый, и прилежаще прочитанію божественныхъ писаній...» [21, с. 68] (*дадзена мовай арыг.; падкрэсл. мною – В.П.*).

Пра адукаванасць прадстаўнікоў княжацкіх родаў і іх бліжэйшага акружэння таксама сведчыць і матэр'яльна-культурная спадчына тагачасных зямель сучаснай Беларусі. Маюцца рэчавыя пацверджанні ведання граматы прадстаўнікамі эліты полацкага грамадства. Так, вядома пячатка полацкага князя Ізяслава (канец Х ст.), знойдзеная ў 1954 г. у Ноўгарадзе, дзе маецца адбітак знака Рурыкавічаў «трызубец» з характэрнай адзнакай і надпіс «Ізяславос», выкананы на грэчаскі манер.

(*Даведка*: У жніўні 2024 г., дарэчы, беларускімі археолагамі падчас раскопак на гарадзішчы летапіснага Менска знойдзена донца глінянага гаршка з тым жа геральдычным знакам (гербам), што належаў полацкаму князю Ізяславу. Заяву для СМІ пра гэта зрабіў кіраўнік археалагічных раскопак кандыдат гістарычных навук А.В. Вайцяховіч [22] (*канец Даведкі*)).

На сённяшні дзень вядомы пячаткі полацкіх княгін. Што таксама паказчык, прычым нават жаночай, адукаванасці. Пячаткі Еўфрасінні Полацкай [23, с. 13–18] і яе маці Сафіі, пра дзейнасць якіх расійскі даследчык У.Л. Янін гаварыў, як пра пэўны перыяд у эвалюцыі

полацкай дзяржаўнасці – «полацкі матрыярхат» [24, с. 17–19]. Знойдзены і пячаткі епіскапаў Дыянiса і Мiны (12 ст.). Усяго пяць пячатак полацкай гiсторыi як сведчанне пашырэння адукацыi сярод яе дзяржаўных і рэлігійных дзеячоў.

Матэрыяльным сведчаннем адукаванасці людзей на тэрыторыі Беларусі ў эпоху існавання першых дзяржаўных утварэнняў з’яўляюцца берасцяныя граматы, Барысавы камяні, графіці (надпісы), створаныя мясцовымі жыхарамі як на тэрыторыі Беларусі, так і ў суседніх рэгіёнах, а таксама археалагічныя знаходкі прылад для пісьма – «пісалаў».

Вядома, адукаванасць беларускіх рэлігійна-асветных дзеячоў (прадстаўнікоў феадальнага саслоўя): Кірылы Тураўскага [25, с. 57–63], Аўраамія Смаленскага і Клімента Смаляціча, пра што сказана ў царкоўна-жыццёвай літаратуры і пацверджана іх творамі, некаторыя з якіх дайшлі да нашых дзён [26]. Прычым гэта была не элементарная, а сярэдняя (а можа і вышэйшая) па тагачасных мерках адукацыя. Што ўключала ў сябе веданне граматыкі, рыторыкі і дыялектыкі (г.зн.: вядомага на той час у Еўропе: «трывіуму»).

Украінскі даследчык А.П. Талочка, напрыклад, абапіраючыся на артыкул вучонага з Гарварда («*Франклін, С. Кнігазнаўства і кніжнікі ў Кіеўскай Русі ...*» [27, р. 838–843]), выказаў меркаванне, што Клімент Смаляціч, якога называлі «*Філасаф*» («*такъ якоже в Роуской земли не бАшетъ*»), у маладосці да свайго прызначэння мітрапалітам «*...прайшоў фармальнае навучанне ў адной са школ Канстантынопаля*» [28].

Унікальнай з’явай для той эпохі была жаночая адукаванасць. І тут беларускія землі не саступалі многім іншым краінам Еўропы і Свету. Вядома, што ў Полацкім княстве існавала першая ва Усходняй Еўропе манастырская школа для дзяўчынак. Заснаваная беларускай хрысціянскай першаасветніцай Ефрасінняй Полацкай у XII ст. Сама Ефрасіння (г.ж.: каля 1104 – каля 1167), унучка полацкага князя Усяслава Брачыславіча (Чарадзея), пра якога пісаў аўтар «Слова пра паход Ігаравы», атрымала адукацыю ў Полацку.

Аб яе гарачай любові да хрысціянскага самаўдасканалення сказана ў царкоўна-жыццёвым літаратурным творы «Аповесць пра Ефрасінню Полацкую» [29]. Яе прыхільнасць да рэлігійнай этыкі і цяга да вучобы нават прыводзілі ў здзіўленне бацькоў. Яна была вельмі здольная да «кніжнай навукі», прычым выявіла гэта яшчэ не дасягнуўшы паўналецця. Родныя шчыра здзівіліся такім яе здольнасцям і настойлівасці ў дасягненні мэты. Аўтар падкрэслівае, што слава пра яе прыгажосць, душэўнае характэрна і прагу да навук далёка разышлася па гарадах і вёсках Полацкай зямлі [30, с. 196]. Наперакор бацькам, якія хацелі аддаць яе замуж, Ефрасіння пастрыглася ў манахі, атрымала адукацыю, пачала перапісваць кнігі і займацца асветніцтвам. Праз некаторы час яна ўзначаліла манастыр і яшчэ больш пашырыла актыўную асветніцкую дзейнасць.

Каля 1124 г. у мястэчку Сяльцо пад Полацкам яна заснавала жаночы Спаса-Ефрасіннеўскі манастыр, дзе арганізавала школу для дзяўчынак. Вядомы і першыя вучаніцы гэтай школы (таксама выхадцы з княжацкага асяроддзя) – яе малодшая сястра Гардзіслава (Еўдакія) і стрыечная сястра Звеніслава Барысаўна (Еўпраксія). Каля 1132 г. пачалося будаўніцтва мужчынскага манастыра. Пры ім ігумення таксама заснавала школу, але на гэты раз для хлопчыкаў. Заснаваныя ёю манастыры сталі асяродкам асветы ў Полацкім княстве, пры іх працавалі не толькі школы-вучэльні для дзяцей, дзе выкладалі чытанне, пісьмо, нотную грамату, магчыма, грэчаскую мову, але былі і бібліятэкі, скрыпторыі, верагодна, іканапісная і ювелірная майстэрні.

Сучасная беларуская даследчыца І.Л. Калечыц, якая рознабакова і пераканаўча прааналізавала надпісы на сценах полацкай Спаса-Праабражэнскай царквы, пабудаванай па замове Еўфрасінні Полацкай у XII ст., у першай главе свайго чарговай манаграфіі [31, с. 8–11], што выдадзена ў 2025 г., ставіць наватарскае пытанне: «Ці была Прападобная Еўфрасіння – аўтарам “суправаджальных” надпісаў (тых што змешчаны пад выявамі аздаблення сцен храма)?» Адказ на яго, заснаваны на прадстаўленых навуковых дадзеных, даволі пераканаўчы. Так, была!

Зразумела, што такое сцверджанне яшчэ не з’яўляецца канчатковым. Пэўная гіпатэтычнасць тэорыі, безумоўна, прысутнічае. Але тое, што ўрадзэнка тэрыторыі Беларусі XII ст., выбітная асветніца, кіраўнік хрысціянскай абіцелі (ігумення), магла быць (ці была) распрацоўшчыцай зместу надпісаў (а можа нават, у асобных выпадках і ўласнаручнай іх выканальніцай), якія сведчаць пра глыбокае веданне царкоўнай гісторыі (на ўзроўні «філасафа», ці «кніжніка») і дактрынальных дагматаў тагачаснага хрысціянства – паказчык вельмі красамоўны.

І ён найперш – пра адукаванасць. Глыбокую («кніжную»), адпаведную тагачасным правілам. Вынікі якой «фізічна» захаваліся да нашых дзён і ўяўляюць сабой унікальную (непаўторную) гістарычную крыніцу, што пераканаўча сведчыць велічнасць гісторыі нашага беларускага народа.

Заклучэнне. Завяршаючы гаворку пра пераход ад традыцыйнай да кніжнай адукаванасці на беларускіх землях у IX–XIII стст., неабходна адзначыць, што:

– гістарычны ракурс дзеяння тэрміна «адукаванасць» ахоплівае два яе віды, якія мелі месца ў жыцці чалавецтва. «Традыцыйную», існуючую ў гісторыі любога грамадства і ў любы гістарычны перыяд, і «кніжна-пісьмовую». Якая сфарміравалася пазней і паступова выцесніла паняцце «традыцыйная адукаванасць» з навуковага і сацыяльна-жыццёвага ўжытку;

– традыцыйная адукаванасць эпохі першабытнасці, што набывалася падчас ажыццяўлення гістарычнай трансляцыі сацыяльнага досведу шляхам ініцыяцый, ляжала ў аснове гістарычнага прагрэсу як цэнтральная (вызначальная) рыса грамадска-гістарычнай эвалюцыі чалавецтва;

– працэс пераходу ад аднаго да другога, названых вышэй, відаў адукаванасці на беларускіх землях адбыўся ў прамежку IX–XIII стст.;

– важнейшымі матывацыйнымі фактарамі, што прымусілі грамадства да пераходу ад традыцыйнай да кніжна-пісьмовай адукаванасці, былі зараджэнне дзяржаўнасці на этнаграфічна беларускіх землях і хрысціянізацыя ўсходнееўрапейскага рэгіёна;

– хрысціянства ў працэсе пераходу ад традыцыйнай да кніжнай адукаванасці, як заўважыў Г.М. Філіст, «ажыццяўляла працяг» і было «паскаральнікам» (рэтранслятарам) такой важнай з’явы, як кніжная адукаванасць. Выконваючы царкоўна-палітычныя задачы па экспансіі царквы на новыя тэрыторыі, яно рыхтавала з ліку мясцовага насельніцтва царкоўных слўжак і тым самым спрыяла пашырэнню элементарных асноў пісьмества;

– важнымі матывацыйнымі фактарамі пераходу, акрамя зараджэння дзяржаўнасці і хрысціянізацыі, былі надзённыя патрэбы функцыянавання мясцовых зямель-княстваў (гандлёва-мытныя задачы, падатковая сістэма, ды інш.), што абапіраліся на спрыяльныя геапалітычныя магчымасці беларускіх зямель (найперш рачныя шляхі зносін);

– прамежковым, пры пераходзе ад «традыцыйнай» да «кніжна-пісьмовай» адукаванасці, быў перыяд разлажэння першабытных адносін. Яго рысамі былі з’яўленне саслоўна-класавага падзелу насельніцтва і ўсталяванне язычніцтва ў якасці асноўнай грамадскай ідэалогіі. Змены ў выхаваўча-адукацыйным працэсе гэтага перыяду выявіліся ў пераходзе ад агульна-родавых ініцыяцый, да падрыхтоўкі моладзі ў межах сваіх сацыяльна-прафесійных групавак. Прычым, чытанне, пісьмо і лічэнне у той час яшчэ не былі часткай зместу адукацыі. Перадаваліся толькі прафесійныя і сацыяльна-статусныя каштоўнасці.

Літаратура

1. Оглашение [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://azbyka.ru/oglashenie>. – Дата доступа : 09.11.2024.
2. Daniélou, J. La catéchèse aux premiers siècle / J. Daniélou // Rédigé par Régine du Charlat / Collection Ecole de la foi. – Paris : Fayard-Mame, 1968. – 267 p.
3. ПСРЛ. – СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1846. – Т.1 : Лаврентиевская и Троицкая летописи. – 267 с.
4. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. – СПб. : Тип. Императорской АН, 1902. – Т. 2 : Л–П. – 1802 с.
5. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. – СПб. : Тип. Императорской АН, 1903. – Т. 3 : Р–Я. – 1684 с.
6. Блок, М. Феодальное общество / М. Блок ; пер. с фр. М. Ю. Кожевниковой, Е. М. Лысенко ; под ред. Н. С. Малевич. – М. : Изд. им. Сабашниковых, 2003. – 504 с.
7. Отвергни себя [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://goo.su/fo4wuk>. – Дата доступа : 23.01.2025.
8. От Луки святое благовествование [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.bible.com/ru/bible/400/LUK.9.SYNO>. – Дата доступа : 24.02.2025.

9. Штец, А. А. Обучение грамоте в Древней Руси (X–XV века) [Электронный ресурс] / А. А. Штец // Режим доступа : <https://russianclassicalschool.ru/bibl/slovesnost/obuchenie-gramote/item/1601-a-a-shtets-obuchenie-gramote-v-drevnej-rusi-kh-khv-vv.html>. – Дата доступа : 24.02.2025.
10. Жучкевич, В. А. Дороги и водные пути Белоруссии : ист.-геогр. очерки / В. А. Жучкевич. – Минск : Изд. БГУ им. В.И. Ленина, 1977. – 144 с.
11. Алексеев, Л. В. По Западной Двине и Днепру в Белоруссии / Л. В. Алексеев. – М. : Искусство, 1974. – 295 с.; Павулан, А. А. Хозяйственное и политическое значение даугавского торгового пути в XIII–XVII вв. / А. А. Павулан // Экономические связи Прибалтики с Россией : сб. ст. – Рига, 1968. – 257 с.
12. Перхавко, В. Б. Припятско-Бугский путь в IX–XIII вв. / В. Б. Перхавко // Основные проблемы исторической географии России на современном этапе : тез. докл. ; отв. ред. Л. Г. Бескровный. – М. : Изд-во Ин-та истории СССР, 1980. – 191 с. ; Иоў, А. В. Днепра-Бугскі водны гандлёвы шлях / А. В. Иоў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.] ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн, 1996. – Т. 3. : Гімназіі–Кадэцыя. – 527 с.
13. Бернштейн-Коган, С. В. Путь из варяг в греки / С. В. Бернштейн-Коган // Вопросы географии : сб. 20. – М. : Наука, 1950. – 311 с. ; Савачкін, П. З. Шлях з «Варагаў у грэкі» / П. З. Савачкін // Беларуская энцыклапедыя : У 18 т. – Мінск : БелЭн, 2003. – Т. 17 : Хвінявічы–шчытні. – 512 с.
14. Подалаяк, Н. Г. Могутня Ганза. Комерцыйны прастір, міське жытця і дыпламатыя XII–XVII століць / Н. Г. Подалаяк. – Київ : Темпора, 2009. – 360 с.
15. Казлоў, Л. Р. Агінскі канал // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Л. Р. Казлоў ; рэдкал. М. В. Біч [і інш.] ; прадм. М. А. Ткачова. – Мінск : БелЭн, 1993. – Т. 1 : А–Беліца. – 494 с.
16. Зайкоўскі, Э. М. Калі на Беларусі з’явілася пісьмо? / Э. М. Зайкоўскі // Спадчына. – 1992. – № 2. – С. 13–17.
17. Ермаловіч, М. І. Старажытная Беларусь : Полацкі і новагародскі перыяды / М. І. Ермаловіч. – 2-е выд. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2001. – 366 с.
18. Ярлык данный от Кипчакского Царя Узбека Петру Митрополиту всея России (ок. 1313 г.) // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Часть вторая, служащая дополнением к первой. – М. : Тип. Селивановского, 1819. – 289 с.
19. О Русская земля! / Сост., предисл. и примеч. В. А. Грихин. – М. : Сов. Россия, 1982. – 368 с.
20. Изборник Святослава 1073 г. : сб. ст. / Научный совет по истории мировой культуры АН СССР ; отв. ред. Б. А. Рыбаков ; ред. Л. П. Жуковская [и др.]. – М. : Наука, 1977. – 313 с.
21. ПСРЛ. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1862. – Т. 9 : Патриаршая или Никоновская летопись. – 256 с.
22. В Белоруссии найден уникальный археологический артефакт [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://goo.su/k5gCU6n>. – Дата доступа : 23.01.2025.
23. Дук, Дз. У. Пячатка Еўфрасінні Полацкай / Дз. У. Дук, І. Л. Калечыц, А. Л. Коц // Беларускі гістарычны часопіс. – 2015. – № 7. – С. 13–18.
24. Янин, В. Л. Полоцкий «матриархат» / В. Л. Янин // Знание сила. Ежемесячный научно-популярный и научно-художественный журнал для молодежи. – 1970. – № 12. – С. 17–19.
25. Пілецкі, В. А. «Адрочаныя» кнігі Кірылы Тураўскага як адна са з’яў паўсядзённасці і культуры Беларусі XII ст. / В. А. Пілецкі // Беларуская кніга ў кантэксце сусветнай кніжнай культуры : вывучэнне і захаванне : зб. навук. арт. : у 2 т. / Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў ; рэдкал. : М. А. Мажэйка (адказ. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУКМ, 2012. – Т. 2. – 254 с.
26. Мельнікаў, А. А. Кірыл, епіскап Тураўскі : Жыццё. Спадчына. Светапогляд / А. А. Мельнікаў. – Мінск : Беларуская навука, 1997. – 462 с.
27. Franklin, S. Booklearning and Bookmen in Kievan Rus’: A Survey of an Idea / S. Franklin // Harvard Ukrainian Studies. – 1988–1989. – V. 12–13. – P. 830–848.
28. Толочко, А. П. Клим Смолятич после низвержения из митрополии [Электронный ресурс] / А. П. Толочко. – Режим доступа : <https://goo.su/wHunUd>. – Дата доступа : 07.03.2025.
29. Кніга жыццй і хаджэнняў / Уклад., прадм. і каментарыі А. Мельнікава ; пер. са старажытнарус., старабеларус. і польск. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1994. – 503 с.
30. Еўфрасіння Полацкая / аўтар-уклад. У. А. Арлоў. – Мінск : Польша, 2000. – 272 с.
31. Калечыц, І. Л. Палеаграфічная спадчына полацкай Спаса-Праабражэнскай царквы : суправаджальныя надпісы на фрэсках і пытанне аўтарства / І. Л. Калечыц. – Мінск : Бел. навука, 2025. – 135 с.

Культурная внешняя политика Советской России и Германии(1922–1932 гг.) в белорусской современной исторической науке

С.Н. РОЖКОВА

В статье представлена характеристика постсоветского этапа в развитии белорусской историографии, касающейся культурной политики в отношениях между Советской Россией и Германией. Рассматриваются концепции, разработанные белорусскими историками, которые освещают особенности и изменения в советско-германских культурных взаимодействиях за этот период.

Ключевые слова: культурная политика, Советская Россия, Германия, белорусская историография, международные отношения.

The article presents a characteristic of the post-Soviet stage in the development of Belarusian historiography concerning cultural policy in relations between Soviet Russia and Germany. The concepts developed by Belarusian historians, which highlight the features and changes in Soviet-German cultural interactions during this period, are considered.

Keywords: cultural policy, Soviet Russia, Germany, Belarusian historiography, international relations.

Введение. Версальская система поставила Веймарскую республику в исключительно трудное положение. Державы-победительницы, наряду с политическими и торгово-экономическими санкциями, развернули в начале 1920-х гг. активную культурно-политическую борьбу против Германии. Она выразилась в политике «тотального молчания» и «психологической войны» против немецкой науки и культуры. Франция и Англия создали в Лиге Наций специальные органы для бойкота германской науки. В подобной ситуации Берлин выбрал восточную культурную политику, которая должна была противодействовать планам Антанты. Научно-технический и культурный обмен с Советским Союзом стал важнейшим инструментом такой политики.

Рапалльский договор 1922 г. не только нормализовал дипломатические отношения, но и заложил основу для культурного сотрудничества между Советской Россией и Германией. Оба государства стремились к взаимному признанию и обмену, чтобы противостоять изоляции (Германия – после Версальского договора, СССР – после революции).

Основная часть. В современной белорусской германистике особое внимание уделяется культурному сотрудничеству периода Рапалло. Германия активно использовала культурные связи для восстановления международного престижа и экономического обмена. Веймарская республика видела в СССР партнёра для «культурного моста» между Востоком и Западом.

В.А. Космач в этой связи пишет: «Основную роль в организации научно-технических и культурных связей с СССР в осуществлении основных целей внешней культурной политики в отношении социалистического государства играли Министерство иностранных дел Германии (МИД), культурные отделы германского посольства в Москве, Общество изучения Восточной Европы (ОИВЕ) и Общество взаимопомощи немецкой науки (НДВ). Активно участвовали в научном и культурном обмене с Советским Союзом многие другие организации и общества (Общество немецкой книги, “Русско-германский клуб”, Союз германских инженеров и т. д.), государственные и частные институты, музеи, библиотеки, архивы, фирмы и т. д.» [1, с. 140]. В июле 1923 г. в Берлине было создано «Общество друзей новой России». В 1923–1925 гг. Общество организовало 25 докладов о Советском Союзе, отчеты о его деятельности публиковались в 15 крупнейших немецких газетах. В 1925 г. на Учредительном конгрессе рабочих организаций Германии был создан Союз друзей Советского Союза и образован Комитет Союза друзей СССР. Данная организация состояла в подавляющем большинстве из рабочих и интеллигенции. Они ставили своей главной задачей пропаганду хозяйственных и культурных достижений СССР и организацию поездок рабочих делегаций в СССР [2, с. 12].

В 1925 г. в Москве было создано Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), которое сосредоточило все научные связи СССР с зарубежными странами, в том

числе с Германией. С Германией связи ВОКСа были интенсивными и плодотворными. Только в 1926–1930 гг. ВОКС организовал 38 выставок о социалистическом строительстве и культурных достижениях в СССР.

Советско-германское культурное сотрудничество осуществлялось на основе Рапалльского, Московского и Берлинского договоров и являлось плодотворным и взаимовыгодным для обеих сторон. Советские и немецкие ученые провели ряд совместных научных экспериментов и мероприятий почти во всех отраслях науки, отмечает В.А. Космач. Особенно важные результаты дали: Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1923 г. в Москве (в ее работе приняли участие 94 немецкие фирмы); празднование 200-летия АН СССР в Ленинграде в 1925 г.; неделя естественных наук в 1927 г.; неделя истории в 1928 г.; неделя германской техники в 1929 г. в Москве, неделя медицины в 1932 г. в Берлине. Встречи ученых обеих стран позволили решить целый ряд научных проблем, которые воплотились в публикации совместных изданий, проведении экспедиций, конгрессов, встреч, организации выставок, обмене научной литературой и архивными источниками, издании журналов и т. д. Все это убедило большинство немецких ученых в том, что научные и культурные связи с СССР «важнее, чем западный культурный комплекс», утверждает В.А. Космач [2, с. 14]. Большое взаимовлияние ощущалось в области музыкального искусства, театра и кинематографа. Советский театр, особенно В. Мейерхольда и А. Таирова, движение синематиков, социалистический кинематограф и литература непосредственным образом повлияли на формирование и развитие политического театра Э. Пискатора и немецкого народного театра (фольксбюне), работу агитпропа, идейное и организационное сплочение революционных писателей и художников Германии. Все это усиливало эффективность культурной политики КПП и укрепляло прогрессивные тенденции в развитии немецкого искусства в целом. В своей борьбе против реакции и фашизма КПП и революционное искусство опирались на лучшие достижения советской культуры.

Германо-советское научно-техническое сотрудничество проходило в следующих формах: подписание и реализация соглашений о технической помощи или книгообмене; эмиграция немецких инженеров и рабочих в СССР; проведение совместных недель различных наук, экспедиций, ярмарок и выставок; издание печатных публикаций; обмен научной литературой, констатирует ученый [2, с. 15].

Особенно важное значение имели организованные в 1922–1929 гг. выставки работ русских художников в Берлине (1922 г.), советского искусства в Германии (1922–1923 гг.), немецкого искусства в СССР (1924 г.), картин К. Кольвиц, Г. Фогелера и других немецких художников в СССР. За 1926–1930 гг. ВОКС организовало в Германии 38 советских выставок. Впечатляющий след в истории германо-советских культурных контактов оставили выставки «Русско-византийской живописи», древнерусской иконной живописи, грузинского искусства в Германии. Международная музыкальная выставка в Франкфурте-на-Майне, выставка книги в Лейпциге, выставка прессы в Кёльне продемонстрировали высокий авторитет русского и советского искусства за границей. Распространенными формами германо-советского культурного обмена являлись также: гастроль театральными самодеятельными и профессиональными коллективами; концерты; индивидуальные и групповые выступления известных деятелей культуры; обмен литературой и другими художественными ценностями; проведение совместных вечеров и встреч; празднование юбилейных дат; организация и деятельность различного рода обществ; поездки писателей, художников и других работников культуры [2, с. 15].

Официальную культурную политику германских правящих кругов поддерживали Немецкая народная партия, Центр, Немецкая демократическая партия. Лидеры этих партий, особенно их правые силы, пропитанные духом антикоммунизма, рассматривали Рапалло не как принципиальную дружественную к СССР политику, а как средство выхода из внешнеполитической изоляции, трудного экономического положения и инструмент давления на Запад [1, с. 145].

В.А. Космач определил основные задачи внешней культурной политики Германии. В связи с этим он пишет, что основная задача германской внешней культурной политики в 1920 – начале 1930-х гг. была определена довольно конкретно – стабильная поддержка всех духовных контактов с немцами за границы с акцентом на культурное и традиционно-историческое единство всех немцев с их исторической родиной. Как задача стратегического плана она объедини-

ла либерально-демократические и патриотически-консервативные силы Веймарской Германии в рейхстаге и правительстве, а также в многочисленных союзах и организациях, работавших с немцами за границы, что, на наш взгляд, являлось довольно опасной тенденцией для исторической перспективы Веймарской демократии и Веймарской республики в целом.

Что касается основных каналов, практических форм и методов реализации этой ключевой задачи германской внешней культурной политики, то они были довольно разнообразными. Отметим в этой связи лишь то, что немецкие школы за границы снова выходили на первое место и как бы получали второе дыхание, вновь возрождаясь в качестве важнейшего компонента германской внешней культурной политики [3, с. 25].

С 1923 г. при МИДе Германии созывался даже специально созданный Государственный совет по высшей школе за границы, а с 1920 г. действовал попечительский Комитет по немецкому школьному образованию за границей, также имевший государственную поддержку. Наконец, в 1927 г. в Дармштадте был образован Союз немецких педагогов за границы. Но это была лишь небольшая часть тех усилий, которые предпринимались Берлином в этой области. Более солидная поддержка немецким школам за границы шла через негосударственные структуры (союзы, общества и т. д.). Основная масса немецких школ за границей продолжала оставаться частными. Их численность составляла более 7 тысяч, что в сравнении с довоенным временем заметно выросло. Заграничное школьное образование развивалось за пределами Германии в основном за счет частных пожертвований. В их общей массе самым весомым был вклад «Союза для немцев за границей» – 2,0 миллионов рейхсмарок в конце 1920-х гг.

Вторая важнейшая задача германской внешней культурной политики в рассматриваемый период состояла в том, чтобы как можно скорее прорвать духовную блокаду вокруг немецкой науки и культуры, организованную Антантой после Первой мировой войны. Отсюда ориентация Берлина прежде всего на активную борьбу с антантовской политикой «тотального молчания», идей и ее различными вариантами о «единоличной ответственности» Германии за развязывание Первой мировой войны [3, с. 26].

В третьих, что следует подчеркнуть, говоря об основных целях и задачах германской внешней культурной политики 1919–1933 гг., можно назвать стремление демократических правительств Веймарской республики совместно с правительствами других демократических государств Западной Европы и США создать своеобразный «духовный барьер» против активного экспорта идей мировой пролетарской революции, разлагающего влияния Пролеткульта и большевистско-советской культуры со стороны Советского Союза прежде всего в Европу, включая саму Германию, и другие страны мира [3, с. 27].

Таким образом, В.А. Космач показывает, что германское стремление к культурному сотрудничеству с СССР было многогранным, продиктованным как внешнеполитическими обстоятельствами, так и внутренними потребностями и опасениями.

Изучая внешнюю культурную политику европейских стран в межвоенный период, Д.А. Кривошей выделяет, что в начале 1920-х гг. в Германии в Министерстве внутренних дел был учрежден отдел по делам немцев за рубежом и культурным вопросам. Его деятельность проводилась по четырём ключевым направлениям: вопросы миграции и церковные дела, немецкие школы за границей, искусство и спорт, немецкая литература, а также поддержка научных исследований и академического обмена. Советское руководство также уделяло значительное внимание развитию культурных связей за границей. В 1922 г. был создан специальный комитет, посвященный организации гастролей артистов и художественных выставок. Деятельность этого комитета была направлена на продвижение позитивного имиджа страны за рубежом, как подчёркивает исследователь [4, с. 115].

Несмотря на рапалльское соглашения, идеологическое противостояние между Германией и Советским Союзом сохранялось. В.А. Космач указывает, что немецкие правящие элиты активно использовали внешнюю культурную политику для борьбы с советской идеологией. Он же отмечает, что обвинения в адрес большевиков в подготовке революции в Германии негативно влияли на двусторонние отношения [1, с. 41]. Основными формами антисоветской империалистической политики являлись: а) пропаганда превосходства немецкой науки и культуры; б) идеологическая диверсия против страны Советов; в) распространение буржуазный культур-

ных ценностей и образа жизни; г) антисоветская агитация среди национальных меньшинств; д) сбор научно-технической информации. Для осуществления этих задач применялись следующие методы: а) обмен учеными, студентами и творческими работниками; б) распространение антисоветской литературы; в) посылка доверенных лиц германских спецслужб в СССР; г) создание немецких школ и учреждений на территории Советского Союза; д) религиозная пропаганда; е) использование немцев Поволжья и немецких переселенцев для проведения антисоветских акций, в том числе в области культуры; ж) организация специальных обществ для ведения борьбы против социалистической и прогрессивной немецкой культуры.

Антисоветская культурная политика германских правящих кругов испытывала воздействие стремления немецкого рабочего класса и прогрессивной интеллигенции и ряда реалистически мыслящих политических деятелей к взаимовыгодному сотрудничеству с СССР. Все это смягчало антисоветскую направленность культурной политики Германии, придавало ей двойственный характер и обуславливало плодотворность научно-технических и культурных контактов, особенно в периоды улучшения советско-германских отношений [3, с. 19].

Н.Н. Мезга также подчеркивает деструктивное влияние идеологического фактора, указывая на двойственную политику Москвы: поддержание диалога с немецким правительством и одновременное содействие антиправительственной деятельности немецких коммунистов [5, с. 106].

В противовес этому, Д.А. Мигун полагает, что именно «реакционные силы» в Германии стремились дискредитировать рапальскую политику, обвиняя СССР в антигерманской пропаганде [6, с. 120], [7, с. 5].

В целом, белорусские историки, признавая наличие трудностей, оценивают советско-германские отношения в рапальский период как достаточно стабильные.

Они также акцентируют внимание на белорусском аспекте этих отношений. П.С. Романович, Д.А. Мигун, В.А. Космач и Д. Романовский отмечают, что рапальское соглашение 1922 г. распространялось на союзные республики РСФСР, что привело к юридическому признанию БССР Германией. Кроме того, белорусские исследователи выделяют культурные связи как важную составляющую сотрудничества между БССР и Германией в этот период [8, с. 24], [9, с. 147], [10, с. 55].

Белорусские исследователи отмечают значительную активность в издании белорусской литературы на территории Германии [11, с. 49], [12, с. 7], [13, с. 20]. И.А. Сороковик подчеркивает, что в период с начала 1920-х до середины 1930-х гг. между Германией и Советской Беларусью осуществлялся активный обмен научными изданиями. Белорусский государственный университет по запросу университетов Гамбурга, Кёнигсберга и Берлина отправлял свои «Труды БГУ», получая взамен немецкие научные публикации [14, с. 213, 214].

В.А. Космач также обращает внимание на то, что развитие культурных контактов между Советской Беларусью и Германией было ограничено строгой регламентацией. «Командируемым ставилась задача продвигать белорусскую культуру с целью попытки расколоть белорусскую политическую и культурную эмиграцию в Германии». По мнению исследователя, это усложняло процесс духовного сближения двух народов [10], [15, с. 46].

Заключение. В русле постсоветской историографии белорусские ученые подчеркивают активную внешнюю культурную политику Германии в отношении СССР в 1920–1930 гг. В условиях тотального молчания вокруг немецкой науки и культуры Германия сделала ставку на СССР. В этих условиях ключевыми факторами, способствовавшими активизации научно-технических и культурных отношений между двумя странами, стали подписание Рапальского договора и стремление Советского Союза к сотрудничеству. Культурная изоляция Германии выступила катализатором для усиления взаимодействия с СССР.

Германо-советское сотрудничество проявлялось в разнообразных формах: от подписания и реализации соглашений о технической помощи и книгообмене до миграции немецких инженеров и специалистов в Советский Союз. Проводились недели различных наук, экспедиции, ярмарки и выставки, издавались печатные материалы, осуществлялся обмен научной литературой. Сильное взаимовлияние ощущалось в сферах музыкального искусства, театра, кинематографа и живописи.

В то же время, историки БССР отмечают антисоветскую направленность германской культурной политики, выразившуюся в антибольшевистских провокациях. Несмотря на это, богатые традиции культурных и научных связей, а также тесная связь между немецким пролетарским искусством и советской культурой способствовали культурному обогащению обеих стран.

После подписания дополнительного советско-германского соглашения от 5 ноября 1922 г. Рапальский договор распространил свое действие на союзные РСФСР республики. В результате этого правительство Германии признало Белорусскую ССР де-юре. Современные белорусские историки выделяют культурные связи как ключевое направление сотрудничества между БССР и Германией. Внешняя культурная политика обеих стран обогатилась новыми формами взаимодействия: проводились недели наук, совместные экспедиции, научные эксперименты, налажен регулярный книгообмен, а также осуществлялось участие в выставках и ярмарках.

Литература

1. Космач, В. А. До и после Рапалло / В. А. Космач. – Витебск, 2003. – 178 с.
2. Космач, В. А. Германо-советские научно-технические и культурные связи в 1922–1932 гг. (из истории культурной политики Германии в отношении СССР) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / В. А. Космач. – Минск : БГУ, 1984. – 20 с.
3. Космач, В. А. Накануне и после Рапалло : Беларусь и Германия в 1920-е – начале 1930-х гг. (страницы истории) / В. А. Космач. – Псков, 2017. – 354 с.
4. Кривашэй, Д. А. Інстытуцыяналізацыя знешняй культурнай палітыкі краін Еўропы ў міжваенны час (1919–1939 гг.) / Д. А. Кривашэй // От Версаля и Веймара до образования двух Германий (ФРГ и ГДР), 1919–1949 гг. : Актуальные вопросы исторической германистики, отечественной и всеобщей истории, геополитики и истории международных отношений, социально-гуманитарных наук и права : матер. Междунар. науч. конф., Витебск, 3–4 октября 2019 г. / редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГПУ им. П.М. Машерова, 2019. – С. 115–117.
5. Мезга, Н. Н. В тисках Рапалло : германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов / Н. Н. Мезга. – Гомель : УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2010. – 195 с.
6. Мигун, Д. А. Германо-советский торговый договор 1925 г. и его значение / Д. А. Мигун // Вестнік Брэсцкага універсітэта. – 2009. – № 4 (39). – С. 119–122.
7. Мигун, Д. А. БССР в германо-советских политических и экономических отношениях 20-х гг. XX ст. / Д. А. Мигун // Веснік ГДУ ім. Я. Купалы. – 2010. – № 3 (101). – С. 3–8.
8. Мигун, Д. А. Рапальский договор 1922 г. и его влияние на германо-белорусские связи в 20-е гг. XX ст. / Д. А. Мигун // Беларусь і Германія : гісторыя і сучаснасць : матэр. Міжнар. навук. канф. – Мінск, 2015. – С. 23–25.
9. Рамановіч, П. С. Тэрыторыя і палітычна-прававы статус ССРБ у 1919–1922 / П. С. Рамановіч // Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі : стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця : матэр. рэспуб. навук. канф. : у 4 ч. ; пад. рэд. І. П. Крыня [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2003. – Ч. 4. – С. 145–148.
10. Романовский, Д. «Белорусский вопрос» во внешней политике Веймарской Германии. Деятельность IV отдела министерства иностранных дел – секция «Weissruthenien» / Д. Романовский // Актуальные проблемы германской, российской и белорусской истории и культуры в контексте развития цивилизаций и мировой политики 20 века: опыт и уроки для современности : Белорусско-германско-российская Междунар. конф. : сб. матер. – Витебск, 2013. – С. 53–58.
11. Ермаловіч, В. З гісторыі беларуска-нямецкага грамадскага супрацоўніцтва ў 20-х гадах XX ст. / В. Ермаловіч // Беларуска-нямецкае грамадска-культурнае ўзаемадзеянне : гісторыя, сучаснасць, перспектывы : матэр. Міжнар. «круглага стала». – Мінск, 1996. – С. 46–50.
12. Соколовский, В. Л. Белорусско-немецкие литературные взаимосвязи периода Веймарской республики (1919–1933) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 10.01.03 / В. Л. Соколовский. – Минск, 1997. – 21 с.
13. Ковалева, Л. А. Внешнеполитическая деятельность Советской Беларуси в 1919–1929 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Л. А. Ковалева. – Минск, 1998. – 26 с.
14. Саракавік, І. А. Беларуска-германскія навуковыя сувязі (1920–1930 гг.) / І. А. Саракавік // Беларусь і Германія : гісторыя і сучаснасць : матэр. Міжнар. навук. канф. – Мінск, 2017. – С. 212–216.
15. Космач, В. А. Палітыка Рапала і беларуска-германскія гаспадарча-эканамічныя, навукова-тэхнічныя і культурныя сувязі ў 1922–1932 гг. : стан, праблемы і вопыт / В. А. Космач // Беларуска-нямецкае грамадска-культурнае ўзаемадзеянне : гісторыя, сучаснасць, перспектывы : матэр. Міжнар. «круглага стала». – Мінск, 1996. – С. 39–46.

Кантроль за дзейнасцю валасных судов з боку мясцовай улады ў пачатку XX ст. у беларускіх губернях

Г.А. СТРАЛЕНЯ

Адмена прыгоннага права пацягнула за сабой значныя змены, у тым ліку была створана новая структура мясцовай улады, куды ўвайшлі таксама органы сялянскага самакіравання і суда. Важным элементом у створанай сістэме з'яўляліся валасныя суды. Пасля ўвядзення пасады земскіх начальнікаў, якія валодалі не толькі адміністрацыйнымі, але і судовымі паўнамоцтвамі, кантроль над валаснымі судамі быў узмоцнены. У артыкуле разглядаецца дзейнасць земскіх начальнікаў па рэгуляванні працы валасных судов, прыводзяцца матэрыялы рэвізій і статыстычныя звесткі.

Ключавыя словы: земскія начальнікі, адміністрацыйныя і судовыя ўстановы, беларускія губерні, сялянскае самакіраванне, валасныя суды.

The abolition of serfdom led to significant changes, including the creation of a new local government structure, which also included peasant self-government bodies and courts. An important element in the created system was the volost courts. After the introduction of the post of district captains, who had not only administrative but also judicial powers, control over the volost courts was strengthened. The article examines the activities of district captains in regulating the work of volost courts, provides audit materials and statistical information.

Keywords: district captains, administrative and judicial institutions, Belarusian provinces, peasant self-government, volost courts.

Пасля адмены прыгоннага права важную ролю ў сістэме прававых адносін у беларускай вёсцы адыгрывалі органы сялянскага самакіравання і суда. Даследчыкі вылучаюць двухузроўневую структуру сялянскага самакіравання, дзе да першага ўзроўню адносіцца сельскі сход разам з сельскім старастам, а да другога – органы валаснога кіравання і суда [1, с. 37–38]. У той жа час стваралася новая структура мясцовай улады, куды ўвайшлі і органы кантролю і нагляду за сялянскім самакіраваннем, у якасці якіх выступілі міравыя пасрэднікі, а потым земскія начальнікі. Увядзенне інстытута земскіх начальнікаў, якія сумяшчалі судовую і адміністрацыйную ўладу, істотна паўплывала на функцыянаванне органаў самакіравання і суда і павялічыла кантроль за іх дзейнасцю.

Новыя органы ўлады валодалі даволі шырокімі магчымасцямі па рэгуляванні працы валаснога і сельскага самакіравання, а таксама суда. Адным з асноўных напрамкаў іх работы быў кантроль за дзейнасцю валасных судов, у тым ліку праверка законнасці вынесеных імі прысудаў. Паўнамоцтвы земскіх начальнікаў і валасных суддзяў рэгуляваліся «Временными правилами о волостном суде в местностях, где введено Положение о земских участковых начальниках» [2, с. 528–532]. Пад наглядом земскіх начальнікаў знаходзілася прызначэнне валасных суддзяў. Валасны суд складаўся з чатырох суддзяў. Кожная сельская грамада выбірала аднаго кандыдата на пасаду валаснога судзі, агульная колькасць якіх павінна быць не менш за восем. З агульнага складу земскі начальнік павінен быў зацвердзіць на пасадзе чатырох суддзяў тэрмінам на тры гады. Астатнія прызначаліся кандыдатамі на гэту пасаду. Земскія начальнікі таксама прыводзілі валасных суддзяў да прысягі [2, с. 528]. Такім чынам, згодна з «Временными правилами» непасрэдны нагляд за ўсімі валаснымі судамі земскага ўчастка ўскладаўся на мясцовага земскага начальніка, які абавязаны быў праводзіць рэвізію кожнага з іх не менш за два разы на год [2, с. 529]. Скаргі на рашэнне валаснога суда падаваліся земскаму начальніку на працягу 30 дзён з дня яго абвешчання. У сваю чаргу, ён павінен быў накіроўваць у двухтыднёвы тэрмін у павятовы з'езд скаргі па справах, дзе вінаваты прысуджаны валасным судом да арышту звыш трох дзён, цялеснага пакарання, грашовага спагнання звыш пяці рублёў, а таксама па спрэчках, па якіх прысуджана звыш трыццаці рублёў. Акрамя таго ў павятовы з'езд павінны былі накіроўвацца прысуды, дзе

валасным судом вынесена неправамернае рашэнне або перавышаны службовыя паўнамоцтвы [2, с. 530]. Земскія начальнікі таксама былі абавязаны «восстановить подлежащую подсудность своей властью, по делам неправильно принятым волостным судом к своему производству и еще им не разрешенным» [2, с. 530]. У той жа час існавала ўмоўнасць пакаранняў, да якіх магла быць прысуджана адна асоба ў залежнасці ад падсуднасці земскаму начальніку ці валасному суду [3, с. 100].

У дачыненні да валасных суддзяў земскія начальнікі таксама мелі шырокія паўнамоцтвы. У выпадку выяўлення парушэнняў мясцовай ўлады маглі ўжываць у якасці пакарання штраф, арышт або часова адхіліць валаснога суддзю ад пасады. Прапановы аб звальненні службовых асоб сельскага і валаснога кіравання таксама накіроўваліся ў павятовыя з'езды [2, с. 517]. У абавязкі павятовага з'езда ўваходзіў таксама разгляд скаргаў на рашэнні валаснога суда, земскіх начальнікаў і гарадскіх суддзяў.

Пазней парадак узаемадзеяння органаў мясцовай улады і валасных суддзяў быў больш выразна размежаваны. Згодна з новым рэгламентам, земскія начальнікі мелі права накіроўваць па-за чаргой на разгляд валаснога суда справы, якія былі распачаты па ініцыятыве паліцыі. Пры гэтым яны маглі пазначаць валасным суддзям артыкулы для вынясення прысуду, але не мелі права ўмешвацца ў высвятленне абставін справы і ўплываць на фактычнае рашэнне валаснога суда [4, с. 155].

Акрамя непасрэднага кантролю за працай валасных судаў земскія начальнікі былі прыцягнуты да абмеркавання змяненняў у іх дзейнасці. У адпаведнасці з указам імператара 8 студзеня 1904 г. ствараліся губернскія нарады пад старшынствам губернатара па пераглядзе заканадаўства аб сялянах, у склад якіх уваходзілі не менш за чатыры земскія начальнікі [5, с. 8–9]. На пасяджэннях губернскіх нарад востра стаяла пытанне аб рэфармаванні валасных судаў, якое неаднаразова ўздымалася земскімі начальнікамі. У прыватнасці, у Мінскай губерні пры абмеркаванні новых праектаў законапалажэнняў аб сялянах выклікала рознагалоссе пытанне аб захаванні валаснога суда як ніжэйшай судовай інстанцыі. Гучалі меркаванні аб неабходнасці рэфармавання валаснога суда. У падтрымку гэтай думкі земскі начальнік 5-га ўчастка Пінскага павета І.А. Папа-Афанасапула прывёў прыклады адсутнасці неабходных юрыдычных ведаў і хабарніцтва з боку валасных суддзяў, што выклікала незадаволенасць сельскіх жыхароў [6, арк. 17]. У падтрымку існуючых валасных судаў выказаўся абавязковы член губернскай прысутнасці В.А. Шчапоцьёў, які сцвярджаў, што валасныя суды адпавядаюць свайму прызначэнню. Ён звярнуў увагу на нязначны працэнт абскарджаных прысудаў і падкрэсліў, што «народ любит свой выборный, близко стоящий к нему суд, который лучше знает их нужды, чем чиновник, подчас не знающий вовсе народной жизни». Меркаванні В.А. Шчапоцьева падтрымалі земскія начальнікі 1-га ўчастка Слуцкага павета П.І. Більчанка і 5-га ўчастка Навагрудскага павета А.Д. Пятроў [6, арк. 21].

У адпаведнасці з цыркулярнымі распараджэннямі МУС рэвізіі справаводства валаснога суда павінны былі праводзіцца не менш за два разы ў год. Па выніках рэвізій земскія начальнікі прадстаўлялі справаздачу ў губернскую прысутнасць. Некаторыя з іх нерэгулярна праводзілі праверкі і падавалі справаздачы па іх выніках. У такой сітуацыі губернскай прысутнасцю нават была ўзбуджана дысцыплінарная вытворчасць у адносінах да земскага начальніка 3-га ўчастка Пружанскага павета, яму была абвешчана вымова і прапанавана прадставіць рэвізійную справаздачу ў месячны тэрмін [7, арк. 8]. На практыцы аказалася, што кантроль за дзейнасцю валасных судаў патрабаваў ад мясцовай улады значна большай увагі. У той жа час правядзенне рэвізій давала магчымасць выкрываць недахопы ў працы валаснога суда. Да прыкладу, земскі начальнік 3-га ўчастка Слуцкага павета Я. Робуш 22 чэрвеня 1907 г. правёў рэвізію валасных судаў. Пры рэвізіі Чапліцкага валаснога суда ён адзначыў у пратаколе, што ўваходныя і выходныя рэестры вядуцца без памылак. Але ў кнігах, куды запісваліся скаргі, якія паступаюць на рашэнні валаснога суда, адсутнічалі адзнакі пра час іх падачы земскаму начальніку [8, арк. 4]. Алфавіты па грамадзянскіх і крымінальных справах за 1907 г. не былі заведзены. На гэту заўвагу справавод адказаў, што «благодаря массе работы не успевают завести за текущий год» [8, арк. 4]. Было адзначана, што частка пастаноў валаснога суда па крымінальных справах не прыведзена ў выкананне: адна справа за 1905 г. і тры справы

за 1907 г. Валасны старшыня патлумачыў, што па справе № 135 за 1905 г. «обвиняемый отлучился и в настоящее время находится на ст. Старые Дороги, куда и будет сообщено о приведении решения суда в исполнение. По делу № 13 обвиняемая больна, почему приговор и не приведен в исполнение, и по делам № 28 и 31 выписки даны 10 мая и решения суда ими не исполнены» [8, арк. 4]. Былі выяўлены парушэнні і па грамадзянскіх справах, дзе пастановы суда прыводзяцца ў выкананне часткамі. Да прыкладу, па некаторых справах маёмасць даўжнікоў апісана, але не была прададзена [8, арк. 4].

Пры разглядзе крымінальных спраў было таксама выяўлена, што валасны суд 11 сакавіка 1907 г. прыняў рашэнне адкласці справу № 5 «Па абвінавачванні Міхунова па 169 арт. статута аб пакараннях» да выкліку сведак, якія не з'явіліся. На момант рэвізіі справа так і не была прызначаная да разгляду паўторна. Земскі начальнік прапанаваў валасному суду неадкладна гэта выправіць. Акрамя таго, ён выявіў і парушаную падсуднасць па справе № 8 «Па абвінавачванні Фёдара Герасімава ў парубцы лесу Якава Жукоўскага», паколькі дадзеныя пытанні валасному суду не былі падсудныя і справу неабходна было накіраваць непасрэдна земскаму начальніку. Па справе № 50 «Па абвінавачванні Праскоўі Козак і яе сына ў нанясенні пабояў Ксеніі Козак» ад 7 чэрвеня 1907 г. валасны суд пастанавіў арыштаваць Праскоўю Козак на 5 сутак, а яе сына Прохара Козака «как несовершеннолетнего признать невиновным и по суду оправданным» [8, арк. 4–5]. У сваю чаргу, земскі начальнік адзначыў, што ў справе не было сведчанняў пра ўзрост абвінавачанага Прохара Козака. Ён узяў гэтую справу на асабісты разгляд. Па выніках рэвізіі быў складзены пратакол і перададзены для неадкладнага выканання валасному суду [8, арк. 5].

Паказальнай з'яўляецца і рэвізія Цімкавіцкага валаснога суда, праведзеная 14 чэрвеня 1907 г. земскім начальнікам Я. Робушам. Пры праверцы ён адзначыў правільнасць вядзення справаводства, але выявіў недахопы пры разглядзе крымінальных спраў [8, арк. 6]. У прыватнасці, справы № 1 «Па абвінавачванні селяніна Рамана Ільніча Гарбуза па арт. 169 статута аб пакараннях» і № 2 «Па абвінавачванні селяніна м. Цімкавічы Мацвея Масько ў крадзяжы гадзінніка ў мешчаніна м. Цімкавічы Рувіма Кантара» спыненыя «за нерозыском обвиняемых» [8, арк. 6]. Падобныя рашэнні, як адзначыў земскі начальнік, былі неправамернымі, паколькі, у выпадку немагчымасці адшукаць абвінавачанага, суд абавязаны быў прыпыніць справу «впредь до розыска обвиняемого» [8, арк. 5–6]. Акрамя таго, у другой справе была парушана падсуднасць.

Яшчэ адным істотным недахопам у працы суда была названа адсутнасць кантролю за выкананнем яго прысудаў. Я. Робуш адзначыў, што згодна са справаводствам, старшыня даў загады сельскім старостам па прывядзенню рашэнняў суда ў выкананне, але ніякіх мер для гэтага прынята не было. У такой сітуацыі за 1905 г. не прыведзены ў выкананне 11 прысудаў па крымінальных справах, за 1906 г. – 16 прысудаў, за 1907 – 2 прысуды. Земскі начальнік пастанавіў Цімкавіцкаму валасному старшыні А. Маргайліку «поставить на вид столь небрежное приведение в исполнение решений суда, потребовав от сельских старост объяснений неисполнения приказов его старшины» [8, арк. 6].

На працу валасных суддзяў уплывала не толькі адсутнасць у некаторых з іх неабходнай адукацыі, але і неабходнасць адначасова весці гаспадарку і займацца сельскагаспадарчай працай. Земскі начальнік 4-га ўчастка Слуцкага павета У. Цвеціновіч пры правядзенні рэвізіі Кіявіцкага валаснога суда паказаў, што з 51 нявырашанай справы 23 справы нават не былі разгледжаны, як было адзначана, «по недавнему вступлению в суд, не назначены разбором ввиду рабочей поры» [9, арк. 12]. Акрамя таго, ён адзначыў, што валасны суд у сваіх прысудах недастаткова падрабязна паказвае, паводле чаго было прынята тое ці іншае рашэнне, а «в протоколах суда показания свидетелей записаны настолько туманно и неясно, что теряется даже смысл показаний» [9, арк. 12]. У. Цвеціновіч звярнуў увагу, што велізарная колькасць рашэнняў суда была адменена павятовым з'ездам, што «указывает на недостаточность внимания судей при разборах дел, о чем мною неоднократно лично указывалось судьям» [9, арк. 12].

Недахопы ў дзейнасці валаснога суда выяўляліся і пры разглядзе скаргаў на іх рашэнні. Характэрнай з'яўляецца скарга селяніна вёскі Жыліхава Быстрыцкай воласці Слуцкага павета Андрэя Кедрыка, які і сам з'яўляўся былым валасным старшынёй. Ён падаў скаргу земскаму начальніку 4-га ўчастка Слуцкага павета 19 мая 1902 г. на бяздзейнасць валаснога праўлення і валаснога суда. А. Кедрык быў выкліканы ў валасны суд 30 сакавіка 1902 г. па справе сялян

вёскі Блеўчыцы Іллі Кобрына і Гардзея Чэрніка. У Быстрыцкім валасным праўленні паміж былым валасным старшынёй і сям'ёй Чэрнік паўстаў канфлікт. Як паказваў А. Кедрок «ругали меня неприличными словами, говорили “арестант, вор, бродяга и пчельник”» [10, арк. 1]. Пры гэтым ён адзначыў, што службовыя асобы, сельскі стараста Нікіфар Сямашка і валасны суддзя вёскі Дзярэчына Максім Панцялейка, не прыпынілі спрэчку. Сітуацыю змог вырашыць толькі Быстрыцкі валасны старшыня. Але пры разглядзе справы спрэчка аднавілася, селянін скардзіўся, што «опять меня ругали перед всем народом, говорили “арестант, вор, бродяга”» [10, арк. 1]. А. Кедрок падкрэсліў, што прысутнічалі сведкі – сяляне вёскі Блеўчыцы Ілля Кобрын, Іван Варчэня, Васіль Антончык і Васіль Бельскі. Пасля пасаджэння валасны старшыня пасадзіў у арыштанцкую Гардзея Чэрніка з братам Фёдарам, а іх бацька Васіль схаваўся. Як адзначыў селянін А. Кедрок, «они посидели в арестантской не более 5 минут и ушли ввиду того, чтобы меня на дороге убить. Я узнав о этом должен был остаться в волостном правлении ночевать» [10, арк. 1].

Земскі начальнік правёў дазнанне па гэтай скарге 22 лістапада 1902 г., але сама справа была разгледжана толькі 8 ліпеня 1903 г. У. Цвеціновіч выклаў абставіны справы і падкрэсліў, што пры канфлікце прысутнічалі Блеўчыцкі сельскі стараста і валасны суддзя, «которые не приняли никаких мер к прекращению беспорядков, несмотря на то, что Андрей Кедрок обращался к их содействию» [10, арк. 4]. Ён таксама адзначыў, што прадстаўнікі сям'і Чэрнік былі пасаджаныя пад арышт, але практычна адразу пакінулі арыштанцкую. Падчас разбору высветлілася, што сям'ю Чэрнік адпусцілі дадому павячэраць і апошнія ў той жа вечар вярнуліся пад арышт, дзе і прабылі да наступнага дня. Земскі начальнік таксама звярнуў увагу, што ў абавязкі ўсіх службовых асоб уваходзіць неабходнасць прадухіліць канфліктую сітуацыю, таму сельскі стараста і валасны суддзя абавязаны былі прыняць меры, каб спыніць сварку. Акрамя таго, валасны старшыня не меў права адпускаць арыштаваных ім сялян павячэраць, а павінен быў паслаць за вячэрай вартаўніка пры валасным праўленні [10, арк. 4–5]. У. Цвеціновіч пастанавіў зрабіць вымову Быстрыцкаму валасному старшыні Фёдару Юрчэні, Блеўчыцкаму сельскаму старасце Нікіфару Сямашку, а таксама валасному судзі Максіму Панцялейка. Пастанова была перададзена пад распіску селяніну А. Кедрок і Быстрыцкаму валасному праўленню [10, арк. 5].

Даследчыкі адзначаюць, што ў дадзены перыяд змяняюцца адносіны сялян да абароны сваіх правоў [1, с. 40]. Гэтаму спрыяла і змяненне стаўлення да адукацыі. Пашырэнне пісьменнасці з'яўлялася адным з фактараў трансфармацыйных працэсаў у беларускім грамадстве [11, с. 82]. Гэта паўплывала і на значную колькасць скаргаў, якія падаваліся ў валасныя суды. Да прыкладу, селянін мястэчка Семежава Васіль Цімафеевіч Мінец падаў скаргу земскаму начальніку 4-га ўчастка Слуцкага павета на адмову ў абскарджанні рашэння суда. Валасны суд па яго справе адбыўся 14 чэрвеня 1902 г., Васіль Мінец застаўся не задаволены яго рашэннем. Ён сцвярджаў, што падаў скаргу 14 ліпеня 1902 г. і суд адмовіўся яе прыняць, паколькі выйшаў тэрмін абскарджання [12, арк. 3]. Суд жа сцвярджаў, што скарга была пададзена 15 ліпеня і адмова ў яе прыняцці была законнай. Пры правядзенні дазнання 18 лістапада 1902 г. былі заслуханы сведкі. Жыхар вёскі Падмажжа Герасім Сямёнавіч Стасевіч адзначыў, што ён сам і дапамог пісаць гэту скаргу. Селянін В.Ц. Мінец узяў у яго прашэнне за дзень да заканчэння тэрміну падачы. Селянін Антон Іванавіч Карповіч адзначыў, што пры ім В.Ц. Мінец узяў скаргу ў Г.С. Стасевіча. Селянін мястэчка Семежава Сямён Аляксеевіч Шчэрба сцвярджаў, што пры ім Васіль Мінец падаваў скаргу, але не 14 ліпеня, а 15 ліпеня. У той жа час Кіявіцкі валасны пісар ганаровы грамадзянін Міхаіл Ільіч Пігулеўскі падкрэсліў, што скарга была пададзена 15 ліпеня, але тэрмін не быў прапушчаны, «ибо 14 июля приходилось в воскресенье и отказать в принятии жалобы неправильно» [12, арк. 2]. Земскі начальнік пастанавіў адмяніць пастанову Кіявіцкага валаснога суда ад 16 ліпеня 1902 г. [12, арк. 4].

У той жа час крытыцы падвяргалася і дзейнасць саміх валасных суддзяў, якая неаднакратна выходзіла за рамкі правядзення судовага працэсу [13, с. 40–41]. Акрамя таго, па прычыне адсутнасці ў некаторых з іх неабходнай адукацыі дапускаліся розныя злоўжыванні з боку валасных пісараў [13, с. 98]. Да прыкладу, земскі начальнік 5-га ўчастка Бабруйскага павета Мінскай губерні ў чэрвені 1903 г. разгледзеў справу па скарге сялянкі вёскі Слабодкі Рудабельскай воласці Марыі Філіповіч на марудлівасць валаснога суда пры разборы справы і неправамерныя дзеянні валаснога пісара. Судовае разбіральніцтва па

скарзе сялянкі адкладалася па розных прычынах на працягу года. Земскі начальнік У. Касторскі загадаў старшыні валаснога суда разгледзець гэтую справу ў першую чаргу, а валасному пісару зрабіў заўвагу [14, арк. 15–16].

Пры гэтым неабходна ўлічваць загружанасць валасных судаў значнай колькасцю спраў, шта таксама магло аказаць уплыў на эфектыўнасць іх працы. Паводле даных па Мінскім павеце за 1906 г. колькасць крымінальных спраў, якія паступілі на разгляд, даходзіла да 434 спраў у Койданаўскім валасным судзе (табліца 1) [15, арк. 15]. Колькасць грамадзянскіх спраў, якія паступілі на разгляд суда ў 1906 г., вар'іравалася ад 163 справы ў Сенніцкім валасным судзе да 621 спраў у Койданаўскім (табліца 2) [15, арк. 17].

У абавязкі земскіх начальнікаў уваходзіла зацвярджэнне на пасадзе абраных валасных старшын, суддзяў валасных судаў, прызначэнне аднаго з суддзяў старшынёй суда. На практыцы земскім начальнікам неаднаразова даводзілася вырашаць спрэчкі аб абранні кандыдатаў на пасаду валаснога суддзі. Напрыклад, сяляне Вайханскай воласці Гарадоцкага павета Віцебскай губерні Рыгор Навумаў, Іван Герасімаў і Радыён Іваноў падалі скаргу 15 кастрычніка 1901 г. на рашэнне Яшкаўскага сельскага сходу аб абранні кандыдатам у валасныя суддзі селяніна Мікалая Аляксандрава. Рашэнне сельскага сходу яны лічылі незаконным і сцвярджалі, што абраны кандыдат не валодае маёмасцю ў іх сельскай грамадзе, абраны на пасаду падлікоўца валаснога праўлення і знаходзіцца ў бліжнім сваяцтве з сельскім старастам, таму не мае права абірацца на пасаду валаснога суддзі. Выбары сяляне прасілі прызнаць незаконнымі і прызначыць на гэтую пасаду І. Герасімава. Земскі начальнік 1-га ўчастка Гарадоцкага павета Віцебскай губерні В. Заблоцкі, атрымаўшы тлумачэнні ад валаснога праўлення, прыняў рашэнне скаргу сялян адхіліць, паколькі падлікоўцы, абраныя сходам для ўліку службовых асоб, самі такімі не з'яўляюцца. Не было гэтак жа абмежаванняў, што сваякі сельскага старасты не могуць быць абраныя на пасаду валаснога суддзі, а заява, што М. Аляксандраў не меў маёмасці ў Яшкаўскай сельскай грамадзе не пацвердзілася [16, арк. 1–5].

Такім чынам, ва ўведзенай пасля адмены прыгоннага права сістэме сялянскага самакіравання важнае месца займалі валасныя суды. Дзейнасць валасных суддзяў неаднаразова падвяргалася крытыцы з-за адсутнасці неабходнай адукацыі і парушэнняў у іх працы. Кантроль за працай мясцовых судовых органаў быў узмоцнены пасля ўвядзення пасады земскіх начальнікаў, якія мелі досыць шырокія паўнамоцтвы ў дачыненні да сялянскага самакіравання. Своечасовае правядзенне рэвізій дапамагала выявіць парушэнні ў працы валасных суддзяў. У той жа час павялічвалася залежнасць валаснога суда ад органаў мясцовай улады.

Табліца 1 – Ведамасць аб ліку крымінальных спраў за 1906 г. у валасных судах Мінскага павета [15, арк. 15]

Назва валаснога суда	Засталося спраў да 1 студзеня 1906 г.	Паступіла спраў ў справаздачным годзе	Усяго было спраў	Усяго вырашана спраў у справаздачным годзе	Засталося нявырашаных спраў
Сеніцкі	54	159	213	167	46
Самахвалавіцкі	63	204	267	248	19
Беларуцкі	142	157	299	157	142
Астрашыцка-Гарадоцкі	144	189	333	276	57
Сёмкава-Гарадоцкі	45	128	173	161	12
Старасельскі	7	130	137	132	5
Заслаўскі	3	229	232	231	1
Ракаўскі	35	299	334	292	42
Койданаўскі	429	434	863	802	61
Станькаўскі	64	265	329	304	25
Рубяжэвіцкі	229	359	588	444	144
Івянецкі	149	175	324	164	160
Пяршайскі	37	113	150	130	20
Засульскі	11	117	128	122	6
Стаўбцоўскі	22	224	246	232	14
Свержанскі	9	217	226	226	–
Усяго	1443	3399	4842	4088	754

Табліца 2 – Ведамасць аб колькасці грамадзянскіх спраў за 1906 г. у валасных судах Мінскага павета [15, арк. 17]

Назва валаснога суда	Засталося спраў да 1 студзеня 1906 г.	Паступіла спраў ў справаздачным годзе	Усяго было спраў	Усяго вырашана спраў у справаздачным годзе	Засталося нявырашаных спраў
Сеніцкі	29	163	192	157	35
Самахвалавіцкі	81	361	442	422	20
Астрашыцка-Гарадоцкі	204	213	417	315	102
Сёмкава-Гарадоцкі	33	223	256	246	10
Беларуцкі	351	311	662	279	383
Заслаўскі	10	485	495	491	4
Ракаўскі	51	504	555	472	83
Старасельскі	18	327	345	319	26
Койданаўскі	496	621	1117	1038	79
Станькаўскі	78	292	370	330	40
Івянецкі	202	428	630	421	209
Пяршайскі	96	250	346	292	54
Рубяжэвіцкі	426	554	980	746	234
Стаўбоцоўскі	32	305	337	311	26
Засульскі	43	184	227	197	30
Свержанскі	6	250	256	256	–
Усяго	2156	5471	7627	6292	1335

Літаратура

1. Бригадин, Д. П. Крестьянское самоуправление и волостные суды во второй половине XIX – начале XX в. / Д. П. Бригадин // Журнал Бел. гос. ун-та. – 2018. – № 4. – С. 36–43.
2. Высочайше утвержденное Положение о земских участковых начальниках : 12 июля 1889 г., № 6196 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3 : в 33 т. – СПб., 1891. – Т. 9. – С. 508–535.
3. Кремлев, А. О некоторых недостатках реформы 12 июля 1889 г. / А. Кремлев // Журн. Юрид. о-ва при Императ. С.-Петербур. ун-та. – 1894. – № 4. – С. 90–108.
4. Д. Л. Наказ земским начальникам / Д. Л. // Вестник права. – 1899. – № 8. – С. 149–157.
5. Именной Высочайший указ, данный Сенату «Об учреждении Губернский Советаний по пересмотру законодательства о крестьянах» : 8 янв. 1904 г., № 23860 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3 : в 33 т. – СПб., 1907. – Т. 14. – С. 8–9.
6. Дело Минского губернского совещания по пересмотру законодательства о крестьянах // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 68. Воп. 1. Д. 2.
7. Циркуляры МВД, министерства финансов, гродненского губернатора, протоколы заседаний гродненского губернского присутствия и др. о порядке проведения ревизий волостных правлений, переселении крестьян на свободные земли // НГАБ у г. Гродна. – Ф. 512. Воп. 1. Д. 1.
8. Дело о произведенной земским начальником 3 участка Слуцкого уезда ревизии волостных судов // НГАБ. – Ф. 1595. Воп. 1. Д. 1144.
9. Дело о ревизии земским начальником Киевичского, Быстрицкого и Вызнянского волостных правлений и судов Слуцкого уезда // НГАБ. – Ф. 1595. Воп. 1. Д. 1487.
10. Дело по жалобе крестьянина Андрея Кедрика на бездействие Быстрицкого волостного правления и суда // НГАБ. – Ф. 283. Воп. 1. Д. 122.
11. Каханоўскі, А. Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.) / А. Г. Каханоўскі. – Мінск : БДУ, 2013. – 333 с.
12. Дело по жалобе крестьянина Василия Минец на Киевичский волостной суд за отказ приятия его жалобы в ведение суда // НГАБ. – Ф. 283. Воп. 1. Д. 81.
13. Скоробогатый, П. Очерки крестьянского суда / П. Скоробогатый. – М., 1882. – 101 с.
14. Дело по жалобе крестьян и других лиц на земских начальников, уездные съезды // НГАБ. – Ф. 1595. Воп. 1. Д. 331.
15. Дело о количестве административных, продовольственных и судебных дел в уездных съездах и волостных судах Минского и Речицкого уездов // НГАБ. – Ф. 1595. Воп. 1. Д. 1179.
16. Дело по жалобе крестьян Войханской волости деревни Смоляны // НГАБ. – Ф. 2714. Воп. 1. Д. 2.

Попытки формулирования единых методических указаний по организации антирелигиозной пропаганды в советском государстве (1917–1941 гг.)

И.И. ЯНУШЕВИЧ

В статье проводится анализ содержания антирелигиозной пропаганды в советском государстве до 1941 г. Определено, что идеалистическое мировоззрение обозначалось ключевым препятствием в процессе строительства коммунизма. Проанализированы попытки создания новых идеологических штампов, требующих веры в идею построения нового совершенного общества, основанного на коммунистических идеалах. Установлено, что антирелигиозный аппарат на местах не получал систематизированной и адаптированной к политическому моменту методической помощи. Теоретические выкладки классиков марксизма-ленинизма, высказывания ответственных партийных деятелей и профессиональных безбожников не стали эффективным инструментом для атеистического воспитания населения.

Ключевые слова: антирелигиозная пропаганда, атеизм, коммунистическая партия, Православная церковь.

The article analyzes the content of anti-religious propaganda in the Soviet state before 1941. It is determined that the idealistic worldview was a key obstacle in the process of building communism. The article analyzes the attempts to create new ideological stamps that require faith in the idea of building a new perfect society based on communist ideals. It has been established, that the anti-religious apparatus in the field did not receive systematic and politically relevant methodological assistance. The theoretical findings of the classics of Marxism-Leninism, as well as the statements of responsible party officials and professional atheists, did not become an effective tool for the atheistic education of the population.

Keywords: anti-religious propaganda, atheism, Communist Party, Orthodox Church.

Приход к власти в России сторонников агрессивного материализма требовал от новых руководителей сформированного антирелигиозного аппарата обозначения своего понимания места религии в советском государстве. Теоретические выкладки о «логичности» и «обоснованности» отказа от религиозных верований, «перспективности» и «актуальности» построения коммунистического государства, «иллюзорности» Бога были достаточно обширны. Из всего этого многообразия необходимо было выбрать то, что сообразовалось бы с государственным строительством в перспективе и вопросом удержания власти в конкретный политический момент. Предлагаемая потребителям информация в тоже время должна была стать органической частью мировоззрения советского человека. На идеологический аппарат возлагалась функция выработки потока информации, оказывающей максимальное содействие реализации внутренней и внешней политики [1, с. 14]. Советский гражданин должен был стать атеистом. Религия как часть мировоззрения человека выбивалась из общего контекста народнохозяйственной и социально-политической агитации. «Освящение», легитимация власти были одной из ее функций, а в России фактически вся жизнь человека была пронизана религиозными действиями и установками. Значение Русской православной церкви (РПЦ) в жизни общества было колоссальным. Стремящиеся к максимальному ограничению влияния Православной церкви либеральные российские круги ни в коем случае не предполагали вывести ее из системы управления массами. Большевики же предлагали сломать все противоречащие коммунистическому учению устои буржуазного прошлого. В рамках этого процесса предстояло ликвидировать идеалы и институты, объединяющие потенциальных противников нового режима [2, с. 4–7]. В Российской империи оплотом державности, стабилизирующим фактором являлась РПЦ и иные традиционные культы. Следовало возвести в ранг государственной идеологию, разрушающую и православие, как составную часть мировоззрения более чем ста миллионов людей, и их религиозность как фактор естественного состояния общества. Большевики не могли позволить себе нейтральное отношение к религии в силу того, что на пути к коммунизму вера в сверхъестественные силы должна была исчезнуть [3, с. 41–42]. Членом коммунистического общества мог быть только атеист-материалист.

Важнейшей промежуточной задачей являлось обоснование и информационное сопровождение идеи возможности и даже обязательности формирования «общества свободного от религии». К. Маркс утверждал: «Упразднение религии, как иллюзорного счастья народа, есть требование его действительного счастья» [4, с. 9]. Классики марксизма-ленинизма в своих трудах обозначили пути достижения данного результата. Одним из условий было осуществление «коммунистической революции» и переход власти к правительству трудящихся. В России этот шаг в 1917 г. был осуществлен. Новое политическое руководство обосновывало неминуемость дальнейшей трансформации общественно-политической и социально-политической ситуации в стране в соответствии с коммунистическим учением. В.И. Ленин указывал: «Марксизм есть материализм» [5, с. 142]. «Беспощадно враждебный религии» материализм являлся одной из главных идеологием большевизма. В тоже время антирелигиозники понимали, что религия и Православная церковь, в свою очередь, в царской России выполняли не только традиционную функцию по духовному окормлению верующих, но и охватывали практически все стороны жизни человека, в том числе политическое участие. Чтобы успешно конкурировать с религией, постулаты марксизма, по меньшей мере, должны были дать человеку аналогичные мировоззренческие установки. Их насаждение фактически привело к созданию «религиозной атеистической секты», предложившей свой вариант «смысла жизни» [6, с. 129–132]. Имевшую место легитимацию власти православного царя в многоконфессиональном государстве в рамках идеологических установок официальной народности предполагалось выразить в формировании культа вождей большевизма. Человек определенной политической ориентации наделялся сверхъестественными способностями. Безбожие становится «религией без мнимых богов». Новые вожди и их идеи пропагандой обозначались как гарантия построения коммунизма, то есть принципиально новой «социальной системы», не требующей наличия религии как «общей теории» «превратного мира» в «популярной форме». Коммунизм становится религией, стремящейся заменить собой христианство [6, с. 384–386].

Для управления массами требовался новый действенный механизм, новая идеология, иное миропонимание, а материал для построения безрелигиозного общества был в абсолютном большинстве своем религиозен или, по крайней мере, принимал участие в тех или иных религиозных действиях. Классики марксизма-ленинизма однозначно указывали, что социально-бытовые условия жизни, ее качество основополагающим образом влияют на мировоззрение человека [5, с. 142–143]. В случае с Советской Россией резкого поднятия уровня экономического развития и благосостояния граждан в ближайшей перспективе не просматривалось, а государственное строительство необходимо было вести ускоренными темпами. В религиозной части идеологической работы следовало дать четкие установки по двум основным направлениям. Первое, обозначить причины, по которым современный человек должен быть именно атеистом, и второе, продемонстрировать опасность «контрреволюционной», «антинародной» природы религии. Замещение религии и церкви безбожием или материализмом в сочетании с «религией без мнимых богов» представлялось эффективным и понятным инструментом [7, с. 42]. Следует отметить, что без искренней убежденности в своей правоте 300 тысяч большевиков не смогли бы увлечь или нейтрализовать своими действиями по строительству нового мира миллионы граждан. И эта убежденность или роль были сродни вере в непогрешимость, правильность, выверенность марксизма. И в достижение своих целей приверженцы «коммунистической религии» готовы были заимствовать у религии и церкви наиболее популярные и распространенные символы. Доходило вплоть до изображения К. Маркса в виде бога-отца на небесах с «Капиталом» в руках вместо скрижалей. Сакральность и культ почитания В.И. Ленина, иных вождей партии и особенно В.И. Сталина становится элементом государственной идеологии наряду с коммунизмом как высшей ценностью. Главной проблемой для руководства компартии, особенно антирелигиозного аппарата, являлось то, что подобные убеждения, вера в коммунизм должны были сначала стать массовыми, а затем и овладеть всеми гражданами страны Советов. Внятного же ответа, почему верующий человек не мог быть полноценным строителем социализма и коммунизма, несмотря на многочисленные вопросы населения и аксиомы пропагандистов, так и не было получено [8, л. 577–583], [9, л. 23].

Как уже отмечалось, на пути превращения советского гражданина в атеиста секуляризация, «общество свободное от религии» рассматривались в качестве промежуточного этапа. Он, безусловно, требовал соответствующего информационно-пропагандистского сопровождения, содержательное наполнение которого развивалось по двум основным направлениям. В первую очередь необходимо было убедить население, особенно партийный и советский аппарат, в неминувости построения коммунизма. Весь ход человеческой истории, согласно марксизму-ленинизму, указывал на то, что существующие формы государственного устройства исчерпали себя и стоят на грани трансформации, а в Советской России этот процесс уже запущен [10, с. 13]. Религия же жизнеспособна только в обществах уходящих, в основывающихся на эксплуатации человека человеком формациях. Если господствующие классы низвергнуть, а потом и полностью их ликвидировать, то и простой человек сможет жить в соответствии со своими собственными интересами, а не по указке «попа», как свободный индивид, а не «раб божий». «Коммунистическая революция... самым решительным способом» порвала с идеями, унаследованными из прошлого, что обосновывалось как залог правильности направления движения советского государства и общества [10, с. 13]. У человека появилась возможность обладать средствами производства и, низвергнув правящие классы, опровергнуть «социальные принципы христианства», самостоятельно обеспечивать свою жизнь благодаря новой политической системе. Здесь же пропаганда указывала на основные угрозы данному процессу. Реставрационные настроения, главным образом «бывших людей», обозначались существенным препятствием в сохранении достижений Октябрьской революции. Публично отрекаясь от Бога, отказываясь от религиозных обрядов и таинств, человек якобы обеспечивал и себе, и государству безопасную, достойную жизнь на земле. Безбожие возводилось в возможность идти по пути самого справедливого общественного строя – коммунизма, «требующего принудительного единства мысли» [11, с. 269].

Подобная мотивация, безусловно, могла воздействовать и быть эффективной по отношению к человеку неверующему или не воцерковленному. Резолюция XII съезда РКП(б) 1923 г. констатировала, что «религиозные верования еще долго будут сохранять под собой почву», а работа партии «по окончательному разрушению религиозных верований... приобретает прежде всего характер углубленной систематической пропаганды» [10, с. 5]. Однако материализм рассматривался как одна из составных частей лояльности Советской власти [12, с. 418]. Атеизм же в государстве, где 80–90 % населения являлись верующими, мог носить только ярко выраженный наступательный характер.

Низовые идеологические структуры нуждались в четких указаниях. Партийные решения 1921 г., 1923 г., 1924 г. антирелигиозным аппаратом на местах не могли быть восприняты иначе как смена курса [13, л. 230]. Репрессивные действия 1930-х гг. привели большинство руководящего состава на местах к мысли о неактуальности агитационно-пропагандистской работы, явно проигрывающей действиям органов госбезопасности. Декларируемые публично ленинские требования избегать оскорбления религиозных чувств верующих и сталинские «терпеливо и настойчиво» не соотносились с антирелигиозным ресурсом идеологической вертикали. Такие политические деятели как Л.Д. Троцкий, П.А. Красиков, И.И. Скворцов и др. давали сигналы на места о необходимости проведения жесткого курса, вплоть до авантюрных мер. В руководящих документах четко указывалось: «обеспечить отрыв молодежи от церкви». Следует отметить, что и К. Маркс, и Ф. Энгельс, и В.И. Ленин из общего объема работ религии уделяли весьма незначительное внимание. Еще меньше высказывал свою позицию И.В. Сталин, особенно, что касалось религиозности, веры в Бога. В.И. Ленин рассматривал борьбу против религии «не как особую задачу пролетариата и его партии, стоящую отдельно от других задач, а как составную часть всей общепролетарской борьбы за уничтожение капитализма, построение социализма и коммунизма» [10, с. 3]. Отношение к религиозным организациям идеологическим активом должно было соотноситься с «политическим моментом». Фактически одновременно шла установка с требованием «научности» в атеистической пропаганде, «терпения» к «религиозным предрассудкам» и усиления красного террора, вскрытия мощей, грабежа молитвенных помещений и насилия над пастырями. С одной стороны, красной нитью проходила логическая последовательность пути перехода атеиста на антирелигиозные рельсы: получение

информации о религии, обозначающей неисторичность библейских персонажей, в том числе Иисуса Христа, «земное происхождение праздников», экономический характер деятельности религиозных структур; изменение социально-бытовых условий; развитие культуры, образования и науки. Все это должно было захватить человека, вовлечь в общественную деятельность, привить советскую обрядность и традиции, тем самым заменив религию, церковь, семью. В теории эти институты были не нужны, кроме реабилитированной здравомыслящими коммунистами семьи. Государство, партия обозначали, что весь спектр функций религии берут или могут взять на себя, освятив их знаменем коммунизма. Здесь же важно отметить, что в конце 1920-х гг. достаточно жестко был поставлен вопрос о моральном облике самих активистов-безбожников. Совершенно необходимо было отбросить ранее насаждаемые разного рода посягательства на интимную сторону взаимоотношений единомышленников [14, л. 106–107]. От них требовался максимально возможный отказ от алкоголя [15, л. 40]. Безбожников призывали к участию в соответствующих мероприятиях, к ударному труду, овладению знаниями, в том числе в области религии, истории церкви [16, л. 20].

С другой стороны, в реальности к декларируемым пропагандистским аппаратом постулатам о несостоятельности религиозных верований в социально благополучном обществе необходимы были и практические указания. Они звучали совершенно по-иному: «религия – тормоз революции», «религия – враг социализма», «разрушим черные гнезда» и т. д. Именно на основании подобных материалов и установок делегат конференции безбожников Минской области 6 января 1939 г. заявил: «Религия – это величайший дурман, величайший обман нашего населения. Это все равно, как зверь, попавший в капкан, крутится, вертится, но не сдается, но все-таки крах приходит ему» [17, л. 1].

И такие выступления низшего звена антирелигиозных работников основывались на методических указаниях свыше. В то же время спектр материалов, потенциально предназначенных для формирования безрелигиозного общества, распространения атеизма, имелся широчайший. От классических трудов основоположников марксизма-ленинизма, произведений атеистов XVIII–XX вв. до демагогических требований Л.Д. Троцкого, М.М. Костеловской, Е.М. Ярославского. Научно-экспертные труды П.А. Красикова, Н.К. Крупской, В.Д. Бонч-Бруевича, А.В. Луначарского, попытки здравого осмысления ситуации М.И. Калининым, А.И. Рыковым, Н.И. Бухариным, М. Горьким вносили неопределенность в содержание пропагандистских установок антирелигиозного аппарата [18, л. 5–11]. На рубеже 1920–1930 гг. звучали и требования «выбить религиозный дурман из голов трудящихся», и уточнение из чьих голов надо выбивать. Трудовой элемент являлся одновременно и тормозом коммунизма в силу своей религиозности, и его строителем в силу своей производственной деятельности. В то же время все непосредственные указания к действию вырабатывались в Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б), в VI отделе ВЧК-ОГПУ и лично В.И. Лениным, Л.Д. Троцким, И.В. Сталиным и фактически на практике нивелировали всю имевшую место теорию [19, с. 359–361], [20, с. 17, 34, 56, 77].

Успехи в репрессивной и административной кампании начала 1930-х гг. вызвали к жизни новые идеологические установки по отношению к религии и церкви. Религиозные организации уже не представляли реальной политической силы, в то время как идеалистическое мировоззрение, религиозность советских граждан диссонировала с задачами государственного строительства. В 1932 г. XVII конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б) взяла курс на полное уничтожение любых капиталистических элементов и классов в целом в советском обществе. Предстояло полностью ликвидировать предпосылки к возникновению классовых различий, исключить эксплуатацию человека человеком. Новое бесклассовое общество должно было объединять лишенных любых капиталистических ориентиров сознательных строителей социализма и коммунизма [21, с. 5], [8, с. 360]. Предложить что-то конкретное в отношении преодоления веры человека в Бога было проблематично. Основная масса установок была провозглашена ранее, и поэтому антирелигиозная пропаганда стала основываться исключительно на задачах обеспечения безопасности советского государства и общества. Для широких масс это было изложено в докладах по поводу убийства С. Кирова, принятия новой Конституции 1936 г. и при обнаружении «политической близорукости» среди партийных и советских руководителей.

В «Кратком курсе истории ВКП(б)» и особо в разделе «О диалектическом и историческом материализме» авторский коллектив под курацией И.В. Сталина обосновывает закономерность широкого распространения материализма, превосходства пролетариата над буржуазией и неминуемости победы коммунизма в советском государстве под руководством ВКП(б) [22]. Изданный в 1934 г. 6 000 000 тираж ассоциировался с именем вождя народов, который однозначно обозначал, что «религиозные предрассудки» – это пережиток буржуазного прошлого, а «победы социализма наносят по ним сокрушительный удар» [23, л. 21–22]. Фактически И.В. Сталин очередной раз давал указание на необходимость максимальной вовлеченности всех граждан в социалистическое строительство, защиту Отечества. Безусловно, это подразумевало и борьбу с врагами, однако перепись 1937 г. показала, что верующих в стране не менее 60 %. Мог вождь предполагать и о более высоких показателях религиозности. В тоже время «Краткий курс» закачивается следующим высказыванием: «Я думаю, что большевики напоминают нам героя греческой мифологии, Антея. Они, так же, как и Антей, сильны тем, что держат связь со своей матерью, с массами, которые породили, вскормили и воспитали их. И пока они держат связь со своей матерью, с народом, они имеют все шансы на то, чтобы остаться непобедимыми» [22, с. 249]. Конфронтация с «матерью», «народом» по вопросам веры в Бога не принесла значимых результатов. Сталинский призыв в конце 1930 гг. бороться «с религиозными предрассудками» фактически явился калькой «Казнить нельзя помиловать». Что необходимо было делать антирелигиозному активу? Какие идеологические установки направлять вниз, если в «советском обществе религии нет места», социализм в стране был в основном построен и находился на заключительном этапе, а религиозность населения «зашкаливала» [24, с. 211]. На местах видели, что СВБ развалился, нелегальная религиозная деятельность массово проявляется, а антирелигиозная работа не находит понимания ни среди партийных работников, ни среди рядовых граждан.

Таким образом, приоритетной задачей антирелигиозного аппарата советского государства было обеспечение максимально широкого распространения коммунистического учения среди населения. В рамках данного процесса гражданин должен был осознать свои персональные перспективы после принятия предполагаемой программы действий. Выдвижение самого человека и коммунистической партии в качестве основных акторов создания нового благополучного общества всеобщего благоденствия противопоставлялось иллюзорности сверхъестественных сил. Одновременно веру в Бога, допускающего существование несправедливых общественных и социально-экономических отношений, предлагалось заменить верой в прогрессивное коммунистическое учение и его непосредственных исполнителей. Следует отметить, что задачи государственного строительства, отдельные решения съездов компартии, выступления большевистских лидеров, «политический момент» не позволяли сформировать единый подход к атеистическому воспитанию населения, к его содержательному наполнению. Главное методическое указание, что верующий человек не мог быть сознательным строителем социализма и коммунизма, противоречило имевшим место достижениям народно-хозяйственного комплекса СССР во второй половине 1930-х гг. Общепринятого, понятного верующим обоснования, почему человек должен был стать атеистом, сформулировано не было.

Литература

1. Луначарский, А. В. Об антирелигиозной пропаганде / А. В. Луначарский // Революция и церковь. – 1919. – № 1. – С. 13–16
2. Ленин, В. И. Странички из дневника / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – М., 1970. – Т. 45. – С. 363–368.
3. Бухарин, Н. Азбука коммунизма : популярное объяснение программы Рос. коммунист. партии большевиков / Н. Бухарин, Е. Преображенский. – Самара : Изд-во Самарского губкома Р.К.П., 1920. – 284 с.
4. Маркс, К. К критике гегелевской философии права. Введение / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. – М. : Гос. изд. полит. лит., 1955. – Т. 1, 2-е изд. – С. 414–429.
5. Ленин, В. И. Социализм и религия / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – М., 1968. – Т. 12. – С. 142–147.

6. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев ; АН СССР, Науч. совет по пробл. культуры. – Репринт. воспроизведение. – М. : Наука, 1990. – 220 с.
7. Алексеев, В. А. Штурм небес отменяется? Критический очерк по истории борьбы с религией в СССР / В. А. Алексеев. – М. : Россия молодая, 1992. – 246 с.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 6204.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. А353. Оп. 8. Д. 8.
10. Платонов, Р. П. Идеологическая работа КПБ в годы социалистической индустриализации : (1926–1929) / Р. П. Платонов ; науч. ред. Ф. П. Шмыгов. – Минск : Изд-во М-ва высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1962. – 89 с.
11. Иларион (Алфеев; митр. Волоколамский). Церковь в истории. Православная Церковь от Иисуса Христа до наших дней / Митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев). – 2-е изд. – М. : Изд-во Московской Патриархии РПЦ : Познание, 2017. – 359 с.
12. Ленин В. И. Об отношении рабочей партии к религии / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – М., 1968. – Т. 17. – С. 415–426.
13. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3097.
14. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 161. Оп. 1. Д. 193.
15. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Ф. 2. Оп. 1. Д. 40.
16. ГАГО. – Ф. 623. Оп. 1. Д. 22.
17. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1 Д. 13897.
18. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 89. Оп. 4. Д. 172.
19. Янушевич, И. И. Основные направления деятельности антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) (1922–1925 гг.) / И. И. Янушевич // Научные труды Республиканского института высшей школы : сб. науч. ст. – Минск, 2020. – Вып. 20, ч. 2 : Исторические и психолого-педагогические науки. – С. 354–362.
20. Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) – ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. / сост. В. В. Лобанов. – М. : Изд-во Православного Свято-Тихоновского гум. ун-та, 2014. – 381 с.
21. ВКП(б). Конференция (1932; Москва). XVII конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б) : стенографический отчёт. – М. : Партийное изд-во, 1932. – 396 с.
22. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс – М. : Госполитиздат, 1938. – 249 с.
23. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 15595.
24. XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической Партии(б) : 10–21 марта 1939 г. : Стеногр. отчет. – М. : Госполитиздат, 1939. – 744 с.

Пятрогліфы П. Васючэнкі і зномы А. Разанава: стратэгія мастацкага завяршэння

Т.А. АЛЯШКЕВІЧ

У артыкуле разглядаюцца зномы А. Разанава і пятрогліфы П. Васючэнкі на прадмет спецыфікі іх жанравай формы і ўнутранага зместу. Мініяцюрныя па сваёй форме творы пісьменнікаў асвойваюць самыя розныя прадметы, з’явы чалавечага свету. У працэсе пазнання рэчаіснасці і спосабах яе адлюстравання ў аўтарскіх жанрах у А. Разанава і П. Васючэнкі адзначаюцца агульныя заканамернасці – тэматыка, фармальная арганізацыя, аўтарскае я і яго праяўленне ў тэксце. Аднак працэс канстатавання сэнсу часам спалучаны з адрозненнямі ў рэфлексійным, ідэйна-змястоўным аспектах іх твораў.

Ключавыя словы: пятрогліфы, зномы, эсэ, мініяцюра, афарыстычнасць.

The article examines the znomys of A. Ryazanov and the petroglyphs of P. Vasyuchenka for their genre specificity. Miniature in form, the works of the writers explore a variety of objects, phenomena of the human universe. In the process of cognition of reality and the ways of displaying it in the authors' genres, A. Ryazanov and P. Vasyuchenka note common patterns – themes, formal organization, the authors' selves and their manifestation in the text. However, the process of ascertaining meaning is sometimes associated with the differences in the reflective and substantive aspects of their works.

Keywords: petroglyphs, znomys, essays, miniatures, aphorisms.

Уступ. Беларуская літаратура канца ХХ – пачатку ХХІ ст. вызначаецца шэрагам асаблівасцей. Адною з такіх асаблівасцей з’яўляецца жанравая дыфузія і жанравая нявызначанасць аўтарскіх твораў. Больш за тое, з’яўляюцца наватарскія жанры, вынайдзеныя самімі творцамі. Такая сітуацыя прадугледжвае пошук адпаведнага аналізу такіх твораў, вывятленне генезісу іх жанравай прыроды. Аднымі з найбольш паказальных у гэтым плане бачацца жанры, вынайдзеныя А. Разанавым. Сярод іх вершаказы, квантэмы, вершасловы, зномы, пункціры, версэты. Наватарскі характар кожнага з іх праяўляецца ў рознай ступені. Многія з іх, усё ж, генетычна ўзыходзяць да нейкага іншага жанру ці выступаюць такім самым жанрам з назвай у аўтарскай інтэрпрэтацыі. У шэрагу творцаў-«вынаходнікаў» варта згадаць П. Васючэнку і яго пятрогліфы, філалагемы, што таксама вызначаюцца наватарскім статусам.

У дадзеным артыкуле здзейснім спробу разгледзець пятрогліфы П. Васючэнкі і зномы А. Разанава на прадмет спецыфікі іх жанравага завяршэння.

Асноўная частка. Найперш звернемся да вызначэння, што ёсць зномы і пятрогліфы. Лічыцца, што пятрогліфы – гэта малюнкi насценнага жывапісу, якія выбівалі ці малявалі фарбамі на каменных сценах старажытных людзі ў той час, калі мовы не існавала і чалавек не размаўляў. Хутчэй за ўсё такія малюнкi неслі ў сабе функцыю перадачы інфармацыі. Гэта былі выявы жывёл, мясцовасці, прыкладнай схемы палявання, і рэдка калі быў намаляваны сам чалавек. А. Грыгор’еў, доктар геаграфічных навук, адзначаў: *«Петроглифы и их группы только на первый взгляд представляются некими бытовыми картинками. Однако во многом они являются знаковыми изображениями»* [1]. А. Грыгор’еў выказаў здагадку, што старажытны чалавек мог пакінуць такія малюнкi па розных прычынах, напрыклад, магічнай, мемарыяльнай (як ушанаванне і памяць аб знакамітых падзеях), абрадавай, мастацка-творчай. Некаторыя схільныя бачыць сувязь паміж імем пісьменніка і тымі ж пятрогліфамі ў іх паходжанні (яны паходзяць ад ст.-грэч. *πέτρος* – камень). Да разумення, што ёсць пятрогліфы П. Васючэнкі, нас скіроўвае і сам аўтар у адным са сваіх аднаіменных твораў: *«Сутнасць*

пятрогліфаў – іх фрагментарнасць. Пятрогліфы можна параўнаць з металічным пілаваннем, якое шыхтуецца ў магутным полі інтэлекту» [2]. Звярнуўшыся да нешматлікай колькасці артыкулаў па творчасці пісьменніка, мы заўважылі, што пры згадванні названых твораў і іх жанравай арганізацыі яны суадносяцца з адмысловымі крытычнымі мініяцюрамі.

Зномы, або філасафемы А. Разанава ўяўляюць сабой нішто іншае, як эсэістычныя мініяцюры, з моцным афарыстычным пачаткам, часам цалкам сціснутыя да афарызму ці афарыстычнага выслоўя. Зномы, прадстаўленыя ў кнізе «Сума немагчымасцяў» (2009 г.), уяўляюць сабой «кнігу сэнсаў», якія аўтар трансліруе чытачу. Як і П. Васючэнка, А. Разанаў тсаксама тлумачыць прыроду сваіх твораў, падкрэсліваючы, што «зно» – гэта мысліцельная рэчаіснасць: «Той, хто спазнае, і тое, што спазнаецца, твораць новую рэчаіснасць – Зно. У гэтай рэчаіснасці знікае падзел на суб’ект і аб’ект, і яна новая не таму, што настae пасля нечага, а таму, што ніколі не была старой» [3, с. 73]. У творах абодвух аўтараў відавочная самарэфлексія над жанрам, што, усё ж, скіроўвае да ўспрыняцця пятрогліфаў і філасафемаў (знамаў) як наватарскіх жанраў. Атрымліваецца, што аўтары, спрычыняюцца да пазнання чалавечага ўніверсуму найперш праз спецыфіку самога жанру.

Лічым, адмысловы характар зномаў і пятрогліфаў праяўляецца не толькі ў асаблівай аўтарскай намінацыі такіх твораў, але і ў іх спецыфічнай жанравай структуры і выражэнні эмпірычнага, рэфлексійнага, суб’ектыўна-аб’ектыўнага зместу.

Калі гаварыць пра фармальную будову згаданых твораў, то яны ўяўляюць сабой, як было сказана вышэй, мініяцюры пэўнага характару. Пятрогліфы – гэта крытычнае эсэ, якое скіравана на ацэнку самых розных з’яў, асоб, прадметаў. Гэта ўласна аўтарская вынаходка, якая можа быць інтэрпрэтавана як літаратурна-крытычны жанр, а яго фармальна-змястоўная будова найлепшым чынам укладаецца ў формулу чатырох «З»: «звышпаканічнасць, звыш’емістасць, звышэканомія, звышглыбіня» [2]. Звернемся да прыкладаў: «Тэсты адказваюць на пытанні “так” або “не”, “ёсць” або “няма”, “добра” або “дрэнна”, але пры іх дапамозе ніколі не адкажаш на “гарэчкія” пытанні “што яно?”, “адкуль яно?”, “навошта?”, “за што?» [4, с. 155]; «“Хараство выратуе свет”, – спадзяваўся калісь Фёдар Дастаеўскі. XXI стагоддзе ставіць іншае пытанне: хто выратуе хараство?» [4, с. 158]. Інтэрпрэтацыя з’яў рэчаіснасці ў такой форме набліжае пятрогліфы да зномаў. Апошнія вызначаюцца невялікім памерам, філасафічнасцю, трапнасцю думкі, ёмістасцю, афарыстычнасцю: «Паэзія – асаблівая веда. Мастацтва – асаблівая памяць» [3, с. 117]; «Прастата, якая не прайшла стадыі складанасці, – прымітыў» [3, с. 53]. У той жа час зномы А. Разанава, як і пятрогліфы П. Васючэнкі, неаднастайныя па форме. Часам яны больш вялікія па памеры. У такім выпадку гэта эсэ, якое мае ў канцы афарыстычную думку, ці сам па сабе ўвесь твор выступае афарыстычным выслоўем: «Магчыма, у будучыні – касмічнай, галаграфічнай – кінематограф здолее рабіць фільмы і на вершах, бо верш, як ніяк іншы літаратурны жанр насычаны шматмернасцю; у ім жывуць, пакутуюць, кахаюць і шукаюць ісціну героі верша – сэнсы, гукі, словы...// Навука зазірнула ў глыб атама, у глыб ядра – і адкрыла, паводле назвы адной кнігі, “немінучасць дзіўнага свету.” // **Субатамны свет слова, паэзіі тойць у сабе таксама свае таямніцы і адкрыціі**» [3, с. 4]. Асобным творах П. Васючэнкі часам уласціва афарызатыцыя, якая служыць падагульненнем, своеасаблівай мараллю, як, напрыклад, у пятрогліфе «Тры лініі лёсу»: «Яны праглядаюцца ў антычнай трагедыі. Паводле Эсхіла, лёс – закон, Зеўсава праўда. Чалавек – трагічны герой – караецца за беззаконьне, сваё або продкаў. Паводле Сафокла, лёс – боская загадка. Лёс – усьмешка Сфінкса. Пачвары рассыпаецца, усьмешка Сфінкса застаецца. Нарэшце пачвары смяецца і з Эдыпа, свайго пераможца. Лёс чалавека – цяжкі, сьцяўшы зубы. Лёс паводле Эўрыпіда – выпадак, гульня. Гульня або алімпійскіх багоў, або іншага чагось. **Лёс чалавека – прымаць не да канца зразумелыя правілы гульні. Не супрацьстаяць, а гуляць з лёсам**» [2]; «У дзяцінстве мяне раздражнялі незавершаныя тэксты. Таму я не любіў вывучаць творы па хрэстаматых. Няпоўны тэкст, здавалася мне, – усё адно што калечаная істота, у якой не стае аднаго лёгкага або ныркі, нагі. Хаця Кастусь Цьвірка лічыць, што хрэстаматыя валодае здольнасцю гіда – правадніка ў сьвет літаратуры incognito. Можна быць, з раздражнення ад незавершанага тэксту пачынаецца жаданьне запоўніць прагалы ўласнай творчасцю? **Фрагментарнасць становіцца, такім чынам, падмуркам новай цэласнасці**»

[2]. Філасофскі змест пятрогліфаў П. Васючэнкі адбіваецца на іх форме. Па форме названыя творы – гэта штось «кавалкавае, фрагментарнае» [5, с. 258], таму рэфлексіі пісьменніка ўкладаюцца ў кампактныя «філалагемы», і яшчэ карацейшыя «пятрогліфы». Змест таксама можна назваць фрагментарным – кніга «Ад тэксту да хранатопу», у якой адзін раздзел складаюць пятрогліфы, прысвечана не асобнаму творцы і нават не беларускаму літаратурнаму руху, а, хутчэй, усяму, што «траплялася ў сферу інтарэсаў аўтара, апантанага любоўю да літаратуры ўвогуле і беларускай літаратуры ў прыватнасці» [5, с. 258]. Творы П. Васючэнкі эсэістычныя, хоць кожная думка вылучаецца ў асобны фрагмент – такое драбленне можна патлумачыць «да таго ж разлікам на нетрывалую чытацкую аўдыторыю, на меркаваннях крытыкаў, няздатную агораць вялікія кавалкі тэксту» [5, с. 258].

Зместавая класіфікацыя пятрогліфаў умяшчаецца ў наступныя тэматычныя блокі: «Тэорыя», «Сусветная літаратура», «Беларуская літаратура», «Літаратура і жыццё». Адпаведная тэматызацыя назіраецца і ў А. Разанава. Аднак П. Васючэнка практыкуе ў змесце захапляльнасць, парадаксальнасць, выкарыстоўвае па-журналісцку майстэрскія загалоўкі – «Літаратура як шлях да неўміручасці», «Каханне паводле Лорэнса», «Журавель, чапля і любоўны раман», «Дэ Капрыё», «Хічкававыя птушкі», «Дэн Браўн і ягоны “Код да Вінчы”», «Злачынства Скруджа» і інш. А. Разанаў задумваецца над пазачасавымі, вечнымі пытаннямі, якія скіроўвае да чытача-рэцыпіента, што якраз і пацвярджае глыбокую філасафічнасць, мудрасць зномаўскай формы: «У творы ёсць і змест і форма, але “гліна”, з якое твор лепіцца, не мае ні зместу, ні формы, яна – зместаформа, і жыццё яе радовішча» [3, с. 94].

Асноўнае, на што скіравана энергія разанаўскіх зномаў, – тварэнне сэнсу, што служыць рэгулюючай асновай духоўных зносінаў аўтара і чытача. Менавіта сэнс, які вынікае са знома, дапамагае пераадолець аўтару прастору, час і культурную адлегласць. Зном робіцца пазаформай і пазазместам, таму што сэнс, заключаны ў ім, надае яму статус філасофскага метажанру.

Глыбокай сэнсаёмістасці не пазбаўлены і пятрогліфы. П. Васючэнка апеліруе да ведаў, свядомасці і падсвядомасці чытача. Таму спасцігнуць ягоныя сэнсы мажліва ў сітуацыі поўнага пагружэння ў сітуацыю, падзею, абставіны, вобраз, форму. Толькі ў такой сітуацыі свядомасць рэцыпіента зможа распазнаць яго, раскадзіраваць знак і, нарэшце, канстытуіраваць сэнс. З другога боку, фрагменты П. Васючэнкі часам падаюцца іранічнымі, з налётам карэкатурнай крытыкі. Статус Васючэнкі-крытыка апраўдваецца яго роляй пісьменніка, якая, на думку даследчыцы М. Аляшкевіч, бачыцца цікавай: «Крытыка пісьменнікаў заўсёды цікавая: па-першае, гэта своеасаблівае самарэфлексія літаратуры, па-другое, аўтары валодаюць прыёмам і падтрымання чытацкай увагі, таму пісьменніцкая крытыка часцяком цікавейшая за чыста літаратурнаўчую» [5, с. 259]. Сярод такіх пятрогліфаў «Някрасаў і расейская птушка шчасця», «Малацілка Льва Талстога», «90 раманаў Агаты Крысьці», «Чытаючы Шапэнгаўэра» і іншыя: «Ён, як і Шоу, у прадмове падрабязна інструктуе, як чытаць ягоныя тварэнні. Раіць чытаць сабе два разы. Фолкнер раіў чытаць ягоны “Шум і ярасць” шэсць разоў. Ён лічыць, што мае права ставіць чытачу ўмовы, патрабаваць ад яго нешта» [2]. Фрагментарнасць зместу пятрогліфаў П. Васючэнкі, аднак, стварае сапраўды стракатую мазаічную карціну свету. Вялікая колькасць іменаў, фактаў, з’яў, на якія спакушаецца адрэагаваць творца, робяць пятрогліфы бясконцым інтэртэкстам. Аўтар спрабуе ўбачыць новыя сэнсы ў тым, пра што ўжо было сказана не раз, і падзяліцца з гэтым чытачом. Апошняму прыходзіцца расчытваць іх як палімпсест, пастаянна робячы адсылкі і звароты да зыходных тэкстаў, каб зразумець ключавую думку творцы і суаднесці яе з інтэрпрэтацыяй П. Васючэнкі.

Паколькі мы вызначылі, што зномы і пятрогліфы па сваёй жанравай прыналежнасці выступаюць творами эсэістычнага характару, то гэта дае падставы ўспрымаць адпаведным чынам і арганізацыю іх суб’ектнай структуры. Эсэ вылучаецца асаблівым праяўленнем аўтаркага «я» ў мастацкім тэксце: фармальна яно не выражана, аднак змест дадзеных твораў ёсць асоба аўтара – яго думкі, яго бачанне, экзістэнцыяльная рэфлексія. Менавіта сам творца выступае прызмай для разгляду навакольнага свету як асноўнага элементу, вакол якога арганізуецца тэкст. Выражаючы сваю светапоглядную канцэпцыю, аўтар імкнецца

перавесці яе з узроўню суб'ектыўнасці ва ўзровень аб'ектыўнасці, інакш кажучычы – пераканаць чытача. Афарыстычнасць думкі выступае яскравым паказчыкам аб'ектыўнасці сэнсу, які трансліруецца творцам. Такая з'ява вельмі паслядоўна, нават заканамерна, праяўляецца ў зномах А. Разанава: «*Кожны чалавек мае свой непаўторны голас: голас – гукавы твар чалавека. // Свой гукавы твар мае і народ – мову*» [3, с. 82]. Афарыстычнасць службыць спецыфічным спосабам матывацыі да асэнсавання прачытанага з апорай на асобу аўтара, вобраз якога ўзнікае ў свядомасці чытача, прычым у кожнага свой.

Пятрогліфы таксама не пазбаўлены персуазыўнасці, якая рэалізуецца ў названых творах праз афарызацыю думкі пісьменніка, напрыклад: «*Рыфма – гэта шлюб словаў, народжаных адно дзеля аднаго, а паэт, які піша вершы з рыфмамі, выступае ў якасці свата або зводніка. Верлібр – платанічнае каханне ў сферы слоў*» [4, с. 164]; «*Гісторыя памірае, калі час або чалавек знішчаюць яе матэрыялізаваныя адбіткі. Прагал запаўняецца міфалогіяй*» [4, с. 162]. Такая акалічнасць характарызуе факальнасць зномаў і пятрогліфаў як унутраную, хоць фармальныя крытэрыі для гэтага адсутнічаюць. У названых жанрах мае месца зрух у факалізацыі – ад знешняй да ўнутранай: увесь свет пазнаецца праз аўтарскую свядомасць, якая цалкам маркіравана яго спосабам светасузірання: эмацыянальная вобразнасць спалучаецца з лагічнасцю высноў. Адрасат як бы падпарадкоўваецца такой аўтарскай перспектыве. Аднак у яго існуе і свая чытацкая кампетэнцыя, якая, пры дапамозе зномаў і пятрогліфаў, мяняецца, дапаўняецца альбо пацвярджаецца. Факальны персанаж, у дадзеным выпадку ім выступае сам аўтар, пазбягаючы пазіцыі нейтралітэту, выбудоўвае перспектыву ўспрыняцця, расстаўляючы інтэлектуальныя каардынаты зместу.

Высновы. Эсістычная прырода пятрогліфаў і зномаў ёсць вынікам аўтарскай стратэгіі мастацкага завяршэння. Менавіта магчымасці жанру эсэ адказваюць аўтарскім запатрабаванням у выражэнні суб'ектыўнага погляду на рэчы, свабодзе выкладу думкі і яе генералізацыі. Аднак А. Разанаў, тым самым, стварае аб'ектывізаваную карціну свету, што магчыма дзякуючы афарызацыі думкі, якую трэба лічыць субстанцыяльнай асновай разанаўскага эсэ.

П. Васючэнка, усё ж, прэтэндуе на дасягненне іншага эфекту: імкнецца дапоўніць існуючыя вобразы і з'явы сваім уласным бачаннем, наўмысна «выпуклым», нетрывіяльным, рэфератыўна перадаць інфармацыю пра свет шляхам бясконцых алюзій. У пятрогліфах аўтар спрабуе «раскапаць» таямніцы пісьменнікаў, вучоных, дзеячаў мастацтва і кінематографу ў іх творчасці і біяграфіі. Тэматыка пятрогліфаў разнастайная. Ён параўноўвае літаратуру і літаратурныя творы з мармурам, пірамідамі, зубрам, праецыруе і праводзіць паралелі з сучаснымі творами мастацтва: «Тэрмінатар» [4], «Матрыца» [4], «Клон» [4], «Ягня Доллі» [4], «Хічкок» [4]. Творах названага жанру характэрны майстэрскія, па-журналісцку захапляльныя загаловкі, якія матывуюць да новага расчытвання як літаратурных мастацкіх тэкстаў, так і з'яўлення нестандартнага погляду на вядомыя факты гісторыі, філасофіі, культуры, літаратуры.

У цэлым і зномы, і пятрогліфы адказваюць агульнай тэндэнцыі развіцця сучаснай літаратуры – імкненню да мініяцюрызацыі і эсэізацыі. Уласна фрагментарная кампазіцыйная форма названых мастацкіх мініяцюр падпарадкоўваецца больш трываламу зместу, ядро якога ўтвараюць роздум і ўяленні аўтара, што афармляюцца ў сітуацыі асабістага выбару.

Літаратура

1. Петроглиф [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.culture.ru/s/slovo-dnya/petroglif/>. – Дата доступа : 19.04.2025.
2. Васючэнка, П. Пятрогліфы і філалагемы / П. Васючэнка // Дзеяслоў. – 2004. – № 9 (41). – С. 213–228.
3. Разанаў, А. Сума немагчымасцяў : зномы / А. Разанаў. – Мінск : І.П. Логвінаў, 2009. – 122 с.
4. Васючэнка, П. В. Ад тэксту да хранатопа : артыкулы, эсэ, пятрогліфы / П. В. Васючэнка. – Мінск : Галіяфы, 2009. – 200 с.
5. Аляшкевич, М. Улюбёная гульня / М. Аляшкевич // Дзеяслоў. – 2011. – № 1 (50). – С. 254–283.

Interpretation of the concepts of metacognitive and intercultural approaches in teaching professional English communication

P.K. BOTIROVA

The metacognitive and intercultural approaches in teaching professional English develop strategic thinking and cultural awareness. The former helps learners manage their learning and communication consciously, while the latter enables effective interaction in intercultural contexts. Their combination strengthens language competence and prepares learners for global professional communication.

Keywords: metacognitive approach, intercultural approach, professional English communication, cultural differences, intercultural education, metacognitive processes, cultural changes, teaching strategies.

Метакогнитивный и интеркультурный подходы к обучению профессиональному английскому способствуют развитию стратегического мышления и культурной осведомлённости. Первый помогает студентам осознанно управлять обучением и коммуникацией, второй – эффективно взаимодействовать в межкультурной среде. Их сочетание усиливает языковую компетенцию и готовит к глобальному профессиональному общению.

Ключевые слова: метакогнитивный подход, интеркультурный подход, профессиональная коммуникация на английском языке, культурные различия, интеркультурное образование, метакогнитивные процессы, культурные изменения, стратегии преподавания.

Introduction. In recent years, Uzbekistan has experienced significant shifts in its socio-economic landscape, one of the most important of which has been the growing demand for skilled professionals, particularly in the fields of logistics and engineering. This has been facilitated by the country's active participation in global trade, the development of a market economy, and a focus on the education reform to meet international standards. As a result, the need for highly qualified specialists in logistics has risen, and this requires enhanced educational programs and training strategies for future professionals.

According to the requirements of educational laws and regulations, a modern logistics specialist must be qualified in their field, possess a range of professional skills, be flexible and mobile, capable of working effectively according to international standards, and be ready for both professional and personal development. At the same time, the intensification of competition in the global labor market and the growing demand for specialists able to adapt to modern world standards require new approaches to training highly qualified personnel.

The main task of modern technical higher education institutions is to increase students' effectiveness, prepare them for future professional activities, and develop personnel who are ready to work in the modern social environment. In the context of academic mobility, where the issue of forming active individuals is especially urgent, future logisticians must demonstrate a high level of mobility both during their education and in their professional careers.

According to educational laws and regulations, a modern logistics specialist must be qualified in their field, possess a set of professional skills, be flexible and mobile, capable of working effectively according to international standards, and be ready for both professional and personal development. Furthermore, the intensifying competition in the global labor market and the growing demand for specialists able to adapt to modern world standards require new approaches to training highly qualified personnel.

Academic mobility is an integration process in education that enables students, doctoral candidates, and teachers to participate in various educational or research programs, receive high-quality education in their chosen fields, broaden their knowledge across cultural areas, and feel fully independent. The main objectives of such programs are to improve the quality of education, develop intercultural exchange, and train future qualified logistics specialists.

The growing importance of ensuring the quality of education and developing professional competencies in students requires the active integration of innovative pedagogical and information

technologies, educational programs, and teaching materials based on international standards. In this regard, it is crucial to implement advanced international practices to expand academic mobility opportunities among students, thus improving their quality of knowledge acquisition.

In Uzbekistan, the reform of higher education and integration into international education systems have prioritized the development of these competencies. This transformation has made academic mobility a pivotal part of the educational process. Within this framework, the integration of new teaching methodologies, particularly those that focus on metacognitive and intercultural approaches, has proven to be a powerful tool in preparing students for the global workforce.

Main body. What is the Academic Mobility Program? How Does it Work? What Are its Objectives?

– Academic mobility is a new system that allows mutual educational exchanges in better conditions and has been developed as an efficient alternative to transferring studies between universities.

– Academic mobility means that students or teachers, under agreements, study or teach for a specified period at domestic or foreign higher education institutions. Students under the academic mobility program are generally divided into two groups:

– Free movers: students who independently decide and arrange to study elsewhere.

– Program-based students: students participating in exchange programs developed by universities or faculties in collaboration with other institutions.

Programs can operate at both the national and international levels. Academic mobility has always been considered a key element of internationalization in education.

The concept of «metacognition» was first introduced to science by John Flavell in 1976. According to him, «metacognitive» refers to the domain of knowledge that encourages the control of general knowledge about one's cognitive processes. The term «metacognitive» is derived from two words: «meta» and «cognitive». According to the dictionary sources, «meta» is a Greek-origin word meaning «after», «beyond», or «through». John Flavell defines metacognition as «knowledge about one's own cognitive processes, their products, or anything related to them». The prefix «meta» indicates «about itself». Therefore, the concept of metacognition refers to «knowledge about knowledge» or «thinking about one's own thinking» [1].

The word «cognitive» comes from the English (Latin) word «cognize», «meaning» «to know, to understand, to perceive, and to think», or from «cognition», meaning «knowing, understanding». Flavell describes cognitive activity as «a phenomenon related to a person's direct perception and sensing of reality».

John Flavell identifies four components of metacognition:

- metacognitive knowledge;
- metacognitive experiences;
- metacognitive goals;
- metacognitive strategies.

According to the English scholar A. Brown, metacognition is the knowledge individuals have about their own cognitive processes. He suggests studying metacognition based on two categories:

1. knowledge about cognition – a set of activities involving reflective processes that consciously manage cognitive behaviors and abilities;
2. regulation of cognition – a set of behaviors and activities that coordinate the sense of striving for knowledge in didactic processes [2].

A. Brown emphasizes that metacognitive approaches help coordinate and control educational processes and consist of several systems:

- the process of planning activities (formulating plans, anticipating outcomes, analyzing identified shortcomings);
- the process of controlling activities;
- the process of evaluating the effectiveness of cognitive activities.

Similarly, the English scholar R. Kluwe divides metacognitive approaches into two systems that coordinate and manage cognitive activity:

- monitoring process – the process that identifies the given task, assesses one's own activities, plans future activities, and ensures effectiveness;

– regulation process – the process that helps allocate resources and determines the algorithm for completing a given task.

Researchers D. Riggle, P. Schatz, R. Glanz, and S. Weinstein describe metacognitive skills as the process of applying reflection aimed at consciously studying one's own knowledge, recognizing it as a set of behaviors aimed at organizing the strategy of thinking. According to these scholars, planning, setting behavioral strategies, and monitoring cognitive processes play an important role in a person's conscious learning activities.

S. Tobias and H.T. Everson propose a hierarchical model of metacognitive skills, highlighting the importance of assessing knowledge, evaluating the quality of teaching, planning future learning activities, and setting learning strategies. They state that knowledge monitoring is a crucial step in developing metacognitive skills, helping individuals to reflect on what they already know and what they still need to learn.

The Russian scholar M.A. Kholodnaya, like other authors, notes that the processes of metacognition cannot be limited only to the conscious control of knowledge. In her research on the intellectual development of preschool-aged children, she identifies three main stages in the formation of mental abilities:

- cognitive knowledge (experience) – mental structure responsible for systematizing, interpreting, and perceiving incoming information;
- metacognitive knowledge – managing intellectual activities by directly and indirectly controlling the received information, providing intellectual monitoring and contributing to the development of metacognitive knowledge;
- intentional knowledge (experience) – mental structures that guide intellectual tendencies.

Research shows that students who possess metacognitive skills have higher intellectual abilities when entering university. Metacognitive skills enhance students' levels of thinking and develop their metacognitive processes. While completing tasks, students learn to focus their attention, sort information, and evaluate their own activities [1], [3].

Manifestations of human metacognitive activity are reflected in J. Piaget's complete theory, J. Bruner's cognitive concept, the theories of thinking by A. Newell, J. Shaw, P. Lindsey, H.A. Simon, and the concepts of activating mental processes by P.Ya. Galperin, N.F. Talyzina, and others [4]–[5], [2].

The analysis of these scientific views, theories, and concepts highlights the importance of developing metacognitive skills in teaching English communication to logistics students. One of the important components of metacognition is metacognitive strategies. According to Flavell, these strategies serve to monitor and control one's own learning goals.

Scientific views of D. Kuhn and V.A. Molyako focus on the structure of personal cognitive strategies. Researchers A. Wenger, N.N. Poddyakov, N.G. Salmina, and others emphasize the importance of developing students' professional and intellectual skills through the use of metacognitive strategies [3], [6], [5, p. 65].

As a result of the literature analysis, we were able to define metacognitive strategies as follows: metacognitive strategies are thinking strategies that guide dialectical mental actions and control the structure of thought. These strategies coordinate cognitive processes and encourage the following mental activities:

1. realizing that the current mental strategy is insufficient and that there is a need to develop a new structure, leading to the development of alternative strategies;
2. transforming the current strategy, that is: a) developing a new strategy to replace the outdated one; b) combining two or more strategies through mental generalization, and so on.

According to A. Venden, this approach implies a «set of metacognitive knowledge» in language learning. From this, it can be concluded that the metacognitive approach teaches students to anticipate about how they think and how they approach learning. In addition to developing social skills and strategies, this approach also fosters the ability to independently solve personal and interpersonal problems. Successful acquisition of metacognitive strategies is crucial because it allows students to better manage their cognitive abilities and identify weaknesses that can be addressed by creating new cognitive skills. Any student who possesses a certain skill is capable of metacognition, meaning they think about how they are performing that skill [7, p. 400].

Promoting metacognition starts with developing students' understanding of what metacognition is, how it differs from knowledge, and how it enhances academic success. Metacognitive strategies play a more significant role than other strategies. If a student understands how to regulate their learning through the application of metacognitive strategies, language acquisition will proceed more efficiently. Metacognitive strategies help students in self-awareness, management of the overall learning process, and the achievement of their specific learning goals. One group of metacognitive strategies helps individuals to better understand themselves as language learners. Self-discovery strategies include identifying personal interests, needs, and preferred learning styles.

Conclusion. Technology plays an important role in developing metacognitive skills among students of the logistics education field. By using various digital tools, students can enhance their ability to reflect on their thinking processes, which leads to improved learning outcomes.

Metacognitive knowledge significantly contributes to learning outcomes and can be taught through instructional processes that incorporate metacognitive knowledge and facilitate metacognitive experiences. Academic achievement, the use of web-based learning, and the development of metacognitive abilities encourage students' engagement. Therefore, web-based learning proves to enhance students' metacognitive skills as they explore the vast amount of information available online. Moreover, when developing such web-based programs, it is crucial to assess students' levels of metacognitive knowledge.

Metacognitive and intercultural approaches to teaching professional English communication are essential in preparing students for the complexities of modern workplaces. Through fostering self-awareness, critical thinking, and cultural competence, educators can equip students with the skills necessary to thrive in diverse professional environments. This integrated approach not only enhances language proficiency but also develops empathetic and adaptable communicators capable of navigating an increasingly interconnected world [7]–[8].

Both metacognitive strategies and web-based learning play vital roles in reinforcing each other. Therefore, web-based education should be adopted as a new-generation educational strategy that supports the development of all students.

References

1. Venden, A. Metacognitive strategies in language learning : A reflection on teaching practices / A. Venden // *Journal of Language and Education*. – 2006. – № 23 (4). – P. 45–67.
2. García-Sánchez, L. The role of metacognition in second language learning and teaching / L. García-Sánchez, M. Sánchez-Silva // *Language Teaching Research*. – 2013. – № 17 (3). – P. 341–358.
3. Schraw, G. Assessing metacognitive awareness / G. Schraw, R. S. Dennison // *Contemporary Educational Psychology*. – 1994. – № 19 (4). – P. 460–475.
4. Zare, P. The impact of metacognitive strategies on EFL learners' writing skill / P. Zare, S. Nasrollahi // *International Journal of Applied Linguistics and English Literature*. – 2016. – № 5 (6). – P. 159–168.
5. Solano-Flores, G. Understanding metacognition in the context of language learning / G. Solano-Flores // *Language Teaching Research*. – 2008. – № 12 (2). – P. 195–211.
6. Baker, L. Metacognition and cognitive monitoring : A new era of cognitive-developmental inquiry / L. Baker // *Educational Psychology Review*. – 2002. – № 14 (3). – P. 349–367.
7. Raskin, L. Metacognition and the influence of web-based learning on student achievement / L. Raskin // *International Journal of Educational Technology*. – 2008. – № 5 (4). – P. 44–59.
8. Peverly, S. T. Metacognitive skills and their role in learning and academic achievement / S. T. Peverly // *Journal of Educational Psychology*. – 2006. – № 98 (4). – P. 732–741.

Сторителлинг как жанр медийного дискурса (на материале белорусских и британских интернет-изданий)

К.Н. ВЕТОШКИНА

В данной научно-исследовательской статье предпринимается попытка определить основные жанровые критерии сторителлинга в медийном дискурсе на материале белорусских и британских интернет-изданий. Дается определение сторителлинга как самостоятельного жанра дискурса масс-медиа. Каждый выделяемый жанровый критерий проиллюстрирован наглядными примерами на основе сопоставительного анализа 100 англоязычных и 100 русскоязычных текстов, взятых из белорусских и британских интернет-изданий с акцентом на отличительные особенности исследуемого жанра.

Ключевые слова: медиадискурс, сторителлинг, интернет-издание, жанр, критерий.

This research article attempts to identify the main genre criteria of storytelling in media discourse based on the material of Belarusian and British online publications. The definition of storytelling as an independent genre of mass media discourse is given. Each genre criterion is illustrated with illustrative examples based on a comparative analysis of 100 English-language and 100 Russian-language texts taken from Belarusian and British online publications with an emphasis on the distinctive features of the genre under study.

Keywords: media discourse, storytelling, online publication, genre, criterion.

Необходимость изучения дискурса и текста с позиции теории речевых жанров, выдвинутой М.М. Бахтиным, отмечается многими исследователями. Определяется она прежде всего антропоцентризмом современной науки о языке, то есть ее направленностью на анализ «речи, привязанной к говорящему», при котором учитываются ее социальный, исторический, бытовой, психологический и другие контексты [1, с. 139]. Восходя к античной риторике, проблема жанров до середины XX в. ставилась в связи либо с литературно-художественными жанрами, либо с жанрами прессы.

Однако общелингвистическая роль «речевого жанра» позволяет применять его к разным типам дискурса, в том числе к интернет-дискурсу. Между тем, несмотря на широкое распространение идей М.М. Бахтина в России и за ее пределами, в частности, во Франции, на сегодняшний день у лингвистов нет единого мнения в отношении критериев выделения и описания речевых жанров. Не способствуют созданию общей классификации и такие черты, как их постоянная текучесть и переплетение между собой [2, с. 320].

Согласно одному из определений М.М. Бахтина, жанр представляет собой «типическую композиционную форму высказывания» [3, с. 260], рамками для которой служит смена речевых субъектов. Очевидно, что под сменой речевых субъектов, ученый понимал такую речевую ситуацию, в которой происходит полная смена всех говорящих – двух или более. Иначе, такие тексты, как, например, интервью или бытовой диалог, которые в принципе предполагают смену одного говорящего другим, должны были бы исключаться из речевых жанров. А это не соответствует языковой реальности и взглядам самого ученого, тем более, что он предлагает более полное определение жанра как относительно устойчивого типа текстов, объединенных единой коммуникативной целью, а также сходными композиционными и стилистическими признаками [3, с. 255].

В данной статье предпринимается попытка выделить основные жанровые критерии сторителлинга в медийном дискурсе. На основе сопоставительного анализа белорусских и британских интернет-изданий с опорой на 100 англоязычных текстов и 100 русскоязычных текстов сторителлинга можно сделать выводы, что для сторителлинга характерны следующие **жанровые критерии:**

1. Название (заголовок сразу сообщает об оригинальности контента) – это слово или сочетание слов, используемое для обозначения какого-либо предмета, явления, процесса, сущности, идентификации лиц, объектов, организаций.

Для названия сторителлинга в белорусских интернет-изданиях характерно преимущественно содержание предмета повествования, выраженного в виде существительного вместе

с обстоятельством места: «*Пятрок в Шупиловичах*» [4], «*“Брызгун” в Норках*» [5], «*Ткачество в Доронеевичах*» [6].

В британских интернет-изданиях названия сторителлинга зачастую выражены риторическими вопросами: «*Pushed into humanity: can learning about storytelling make better doctors?*» ‘Приобщение к гуманности: могут ли знания о сторителлинге сделать врачей лучше?’ [7], «*Don’t worry, just watch: how do you tell a story through dance?*» ‘Не волнуйтесь, просто смотрите: как вы рассказываете историю с помощью танца?’ [8].

2. Тема – круг проблем, образующих основу художественного произведения. Это не поверхностная констатация, а более глубокое исследование закономерностей, причин, обстоятельств, событий, с помощью которых герой развивается в пространственно-временном аспекте. Для белорусских интернет-изданий характерно создание целых сторителлинговых проектов, освещающих такие самые актуальные социальные темы, как военно-патриотическое воспитание (37 % по степени распространенности из сплошной выборки текстов) на основе сторителлингового проекта «Партизаны Беларуси», который создан с целью увековечить память о народных мстителях и содержит в себе летопись партизанских историй. Далее 29 % русскоязычных текстов освещают историко-культурное наследие Беларуси посредством сторителлингового проекта «неОБЫЧАЙные деревни» про самые интересные обычаи белорусских деревень. Следующей в процентном соотношении социальной темой выступает увековечивание исторической народной памяти о событиях ВОВ на основе сторителлингового проекта «Беларусь помнит», включающего в себя детские воспоминания очевидцев и членов их семьи, повествующих о трагических событиях прошлого (25 % по степени распространенности из сплошной выборки текстов). Самой малочисленной в процентном соотношении (всего 9 %) является социальная тема ценности жизни и трепетного отношения к собственному здоровью посредством сторителлингового проекта «Земные ангелы», состоящего из историй людей, которые были на грани смерти, но выжили с помощью своевременной врачебной помощи.

В британских интернет-изданиях, в противовес белорусским, сторителлинг представлен одиночными текстами, освещающими относительно равномерно распределенные следующие социальные темы: экологические проблемы в разрезе будущего (20 %), совершенствование творческого человеческого потенциала (20 %), поиск новых способов для улучшения качества медицинского обслуживания (10 %), внедрение новых психотерапевтических методик и приемов в работе с клиентами с ментальными проблемами (10 %), разрешение сложностей, возникающих в процессе обучения новому (10 %), популяризация междисциплинарного подхода на стыке разных научных дисциплин (10 %), возрастание интереса к чтению и написанию историй (10 %).

3. Коммуникативная целевая установка. Наряду со структурным критерием в качестве одного из главных жанрообразующих параметров сторителлинга в медийном дискурсе выступает коммуникативная целевая установка, которая заключается в формировании манипулятивной составляющей и желаемого эффекта воздействия на целевую аудиторию. Если обывательское общение включает в себя разные цели (передача информации, обмен эмоциями, познание себя и окружающих и т. д.), то сторителлинг неразрывно связан с главной целью – побуждением субъекта к конкретным действиям посредством эмоций, выступающих средством для мотивации. Коммуникативная целевая установка реализуется в дискурсе системой коммуникативных стратегий и тактик.

Для белорусских интернет-изданий характерна коммуникативная целевая установка, выполняющая просветительскую функцию для освещения социально значимых для Беларуси тем: «*Многие из бытующих здесь традиций могли бы претендовать на включение в Государственный список нематериального культурного наследия, кое-какие в него уже внесены. И все они живут, развиваются и передаются от прадедов к правнукам. Через год приезжайте – убедитесь сами*» [4]; «*Но главное – сохранить “Брызгун” как наше историко-культурное достояние и передать последующим поколениям*» [5].

Британская пресса, в свою очередь, ставит перед собой цель, выполняющую образовательную функцию сторителлинга в различных сферах жизни: *Scientists do not have the luxury of forgoing storytelling. We need not fear that storytelling will compromise our objectivity. If we believe*

that we have the right story, then we should tell it. Only then can it be evaluated. Because science is a collective enterprise, our stories will succeed when they are validated by broad agreement in our community 'Ученые не могут позволить себе роскошь отказаться от рассказывания историй. Нам не нужно бояться, что рассказывание историй поставит под угрозу нашу объективность. Если мы считаем, что у нас есть стоящая история, то мы должны ее рассказать. Только тогда ее можно будет оценить. Поскольку наука – это коллективный институт, наши истории будут успешными, если они будут подтверждены широким сообществом' [9]; *Nixon would say to his audience: «Don't worry, just watch». Hameed is happy to give the audience «permission not to understand», she says, before taking apart the idea of «understanding». We understand dance in our body, and in that wider space of sensing and feeling that you call the soul or the heart, and that is also how we encounter life* 'Не волнуйтесь, просто смотрите. Хамид с радостью дает аудитории «разрешение не понимать», – говорит она – прежде чем разобрать идею «понимания». Мы понимаем танец в нашем теле и в том более широком пространстве ощущений, которое вы называете душой или сердцем, и именно так мы встречаем жизнь' [8].

4. Наличие обязательного детально прописанного героя (или героев), с помощью которых отображается тема повествования и происходит погружение целевой аудитории в историю. Это является важным элементом сторителлинга, героем может быть сам автор, знакомые или близкие люди, вымышленный персонаж. История повествуется таким образом, что при ее изложении потенциальный читатель целиком и полностью погружается во внутренний мир персонажа, чувствует все его эмоции, отождествляя себя с последним. Это дает возможность создать некую связь, эмоциональный контакт с целевой аудиторией и побудить ее к совершению определенных действий в конце истории. Сам главный герой представляет собой движущую силу истории, обладая специфическим характером, необязательно вызывая симпатию, но являясь цельным. Без действий главного героя сторителлинг невыносим, поскольку именно через совершенные поступки находится решение проблемы и в результате героем обретается награда. В связи с этим персонаж должен обладать такими качествами, с которыми целевая аудитория хочет или не хочет отождествлять себя для развития в себе сильных или слабых личностных качеств, достоинств или недостатков. Чтобы картинка обрела движение, нужны персонажи, за которыми интересно наблюдать. Отношения между яркими и привлекательными героями сторителлинга, за которыми интересно следить, включая конфликт, обеспечивают внимание целевой аудитории как на рациональном, так и на эмоциональном уровнях. Любопытство будет мотивировать все больше погружаться в историю и откликаться на сюжетные повороты. Посредством поведения главного персонажа доносятся до целевой аудитории авторские мысли и смыслы. Для белорусских и британских интернет-изданий характерны общие закономерности выбора главных героев сторителлинга: простых обывателей-героев прошлого или настоящего, которые отражают социально значимые проблемы лингвокультуры.

Для белорусских интернет-изданий свойственно описание реально существующих героев с предоставлением обычно в начале повествования максимально полной информации, содержащей фамилию, имя, отчество, место рождения, образование, семейное положение, описание хобби героя сторителлинга: *Сегодня в агрогородке Великий Бор Хойникского района 720 жителей. Галина Алексеевна Хорошко тут родилась, тут всю жизнь проработала с 1950 года. Окончила Великоборскую восьмилетку. 9–10-й классы отучилась в соседнем селении в пяти километрах. Это теперь в Великом Бору есть своя школа с 11-ю классами. Раньше еще и баня, и общежитие действовали. Галина Алексеевна никуда из родной деревни не уезжала, даже в санатории. У Галины Алексеевны две дочери. От них три внука и внучка. Десять лет как не стало мужа Петра, и живет Галина Хорошко одна. В былые времена держала и корову, и свиней, и кур, сеяла и растила, урожаем убирала – все сама, своими руками. Теперь хозяйство и двух коров держит дочь и помогает матери. Вообще, говорит Галина Алексеевна, в селе народ трудолюбивый, умеет ценить труд, урожай и отдых* [10]; *Исполнительницу главной роли отбирают тщательным образом, поясняет директор Дома культуры Ольга Демидова:*

– Это должна быть самая положительная во всех отношениях девушка, которая ведет себя прилично, не сквернословит и добродушна ко всем. В этом году честь стать героиней праздника выпала девятикласснице Виктории Яшковой. Она и с людьми приветлива, и в учебе преуспела. Собирается поступать в одно из минских учебных заведений. В какое – вслух не говорит, но об этом обязательно загадает желание у реки [11].

Для британских интернет-изданий главный герой сторителлинга может быть как и реально существующим, так и вымышленным, поэтому имена могут быть либо изменены (по запросу героя), либо придуманы, зачастую указывается возрастная категория, место рождения или проживания, а также отличительная черта, которая важна для развертывания сюжета и поможет раскрыть идею самого повествования: *Paul Curtis, 68, who lives on a narrowboat: «My home was repossessed because I could not pay my mortgage»* ‘Пол Куртис, 68 лет, живет на речной туристической лодке: «Мой дом был конфискован, потому что я не смог выплатить ипотеку»’ [12]; *Caroline, 44, from Leeds: «Mental illness, poverty and homelessness were interlinked»* ‘Кэролайн, 44 года, из Лидса: Психические заболевания, бедность и бездомность взаимосвязаны’ [12]; *Tony*, 57, from Somerset: «I was not working and taking heroin day in, day out»* ‘Тони*, 57 лет, из Сомерсета: «Я не работал и принимал героин изо дня в день»’ [12].

5. Место, время и контекст, где будут происходить основные события истории, должны быть тщательно прописаны для создания «эффекта присутствия» и погружения в атмосферу происходящих событий. Это может быть только одно основное место действия или несколько второстепенных. Касательно времени действия возможны разные варианты: прошлое, будущее, настоящее, которые можно интересно обыграть. Для белорусской прессы характерно размещение данной информации в самом начале сторителлинга: «*Древний обряд “Брызгун”, внесенный в Список нематериального культурного наследия, каждый год проводят в Чериковском районе в июле. В центре внимания на празднике в деревне Норки – икона Петра и Павла. По слухам, святыне 300 лет. Раньше икону передавали из дома в дом*» [5]; «*Каждое лето в праздник Святой Троицы в деревне Лобковичи Кричевского района можно наблюдать необычную картину: женщины и девушки наряжаются в красивые платья, украшают голову венками и отправляются в березовую рощу, прихватив с собой угощения и затянув песню. Все это для того, чтобы провести там древний обряд “Заплетание березы” – девичник старинного образца*» [13]; «*Жители деревни Черепы Шкловского района Могилевской области открыли нам секреты древнего обряда “Николаевская свеча” и историю четырех чудотворных икон*» [14]. В отличие от белорусской прессы, в англоязычных текстах место, время и контекст вводятся по мере развития сюжета через призму главного героя: *It’s a sunny late-autumn morning in woodlands on the outskirts of Lewes, East Sussex, and I’m sitting under a beech tree having a story told to me* ‘Солнечным осенним утром в лесу на окраине Льюиса, Восточный Сассекс, я сижу под буком и рассказываю историю’ [15]; *Lisa Johnson is a writer. The 30-year-old from Sheffield recently had a book published, a collection of poems, songs and stories put together with fellow authors from her writing collective. Today she will take part in a workshop in her home city, explaining the creative process and encouraging others to write* ‘Лиза Джонсон – писательница. Недавно 30-летняя жительница Шеффилда опубликовала книгу – сборник стихов, песен и рассказов, составленный совместно с коллегами-авторами из ее писательского коллектива. Сегодня она примет участие в мастер-классе в своем родном городе, где расскажет о творческом процессе и побудит других писать’ [16]; *Last week he wandered into a storytelling session for adults without quite knowing what lay in store* ‘На прошлой неделе он пришел на занятие по рассказыванию историй для взрослых, не совсем понимая, что его ждет’ [17].

6. Структурный критерий является главным жанрообразующим признаком сторителлинга в медийном дискурсе и выражается в следовании логичной структуре и наличию сюжета, обеспечивающих действенность сторителлинга. Развитие истории должно происходить по заранее намеченному плану – предисловие, завязка, конфликт, нарастание действия, кризис и кульминация, нисходящее действие, развязка, призыв к действию, что определяет последовательность потребления информации целевой аудиторией. Данные сюжетно-структурные элементы имеют прямую корреляцию с сюжетно-композиционными схемами сторителлинга, которые включают в себя все структурные элементы, объединенные общей сюжетной линией, к которой потом несложно добавить подробности логики развития событий, понятной целевой аудитории, акцентируя ее внимание на главных моментах изложения. Сторителлинг как один из продуктивных жанров медийного дискурса на английском и русском языках обладает свойственными только ему определенными сюжетно-композиционными схемами, выступающими в качестве главного жанрообразующего критерия и являющимися сходными для обоих языков: *линейная параллельная сюжетно-композиционная схема* (по степени

встречаемости в русскоязычных текстах составляет 31 %, в англоязычных текстах – 50 %); *концентрическая сюжетно-композиционная схема с негативным финалом* (характерна только для белорусских интернет-изданий и составляет 25 % среди сплошной выборки текстов сторителлинга); *линейная сюжетно-композиционная схема с экскурсами* (распространена исключительно среди русскоязычных текстов сторителлинга и представлена в белорусском медиадискурсе в процентном соотношении – 25 %); *линейная сюжетно-композиционная схема с обратной хронологией* (свойственна как британским, так и белорусским интернет-изданиям и отличается одинаковым процентным распределением – 10 %); *линейная дискретная сюжетно-композиционная схема* (характерна лишь для белорусского медиадискурса и составляет 9 %); *концентрическая сюжетно-композиционная схема с позитивным финалом* (встречается только в британском медиадискурсе в процентном соотношении – 40 %).

Таким образом, на основе выше изложенного можно прийти к выводу, что сторителлинг является самостоятельным жанром медийного дискурса и характеризуется рядом критериев: наличием названия; одной темой; коммуникативной целевой установкой; детально прописанным героем; местом, временем, контекстом повествования; наличием сюжета, а также следованием особой структуре с целью освещения актуальных социально значимых проблем или событий.

Литература

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; пер с фр. ; под ред. Ю. С. Степанова. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
2. Капанадзе, Л. А. Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку / Л. А. Капанадзе. – М., 2005. – 334 с.
3. Бахтин, М. М. Эпос и роман / М. М. Бахтин. – СПб. : Азбука, 2000. – 300 с.
4. Овсепьян, И. Пятрок в Шипиловичах [Электронный ресурс] / И. Овсепьян. – Режим доступа : <http://veski.sb.by/shipilovich1>. – Дата доступа : 10.04.2025.
5. Соловьева, Л. «Брязгун» в Норках [Электронный ресурс] / Л. Соловьева. – Режим доступа : <http://veski.sb.by/norki?ysclid=m9edstqv1402328455>. – Дата доступа : 15.04.2025.
6. Чамковский, В. Ткачество в Доропеевичах [Электронный ресурс] / В. Чамковский. – Режим доступа : <https://veski.sb.by/doropeevichi>. – Дата доступа : 12.04.2025.
7. 'Pushed into humanity' : can learning about storytelling make better doctors? [Electronic resource] // The Guardian. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/australia-news/2023/jun/12>. – Date of access : 15.04.2025.
8. Don't worry, just watch' : how do you tell a story through dance? [Electronic resource] // The Guardian. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/stage/2022>. – Date of access : 09.04.2025.
9. Enfield, N. Our job as scientists is to find the truth. But we must also be storytellers [Electronic resource] / N. Enfield // The Guardian. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018>. – Date of access : 14.04.2025.
10. Чамковский, В. «Проводы русалки» в Великом Бору [Электронный ресурс] / В. Чамковский. – Режим доступа : <http://veski.sb.by/velikiibor?ysclid=m9ee1hqfy1194253540>. – Дата доступа : 05.04.2025.
11. Вальченко, О. «Вожделение куста» в Меркуловичах [Электронный ресурс] / О. Вальченко. – Режим доступа : <https://veski.sb.by/merkulovochi?ysclid=m3hfninagv904913612>. – Дата доступа : 12.04.2025.
12. How I became homeless : three people's stories [Electronic resource] // The Guardian. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/society/2017>. – Date of access : 09.04.2025.
13. Соловьева, Л. «Заплетание березы» в Лобковичах [Электронный ресурс] / Л. Соловьева. – Режим доступа : <http://veski.sb.by/lobkovich1>. – Дата доступа : 05.04.2025.
14. Чамковский, В. «Николаевская свеча» в Черехах [Электронный ресурс] / В. Чамковский. – Режим доступа : <http://veski.sb.by/cherepu>. – Дата доступа : 15.04.2025.
15. Storytelling for people with learning disabilities : 'We just natter away' [Electronic resource] // The Guardian. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/social-care-network/2014>. – Date of access : 05.04.2025.
16. Once upon a time ... there was a magical storytelling walk in a Sussex forest [Electronic resource] // The Guardian. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/travel/2020>. – Date of access : 15.04.2025.
17. Storytelling : how reading aloud is back in fashion [Electronic resource] // The Guardian. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/books/2013>. – Date of access : 08.04.2025.

Лингвопрагматические и структурные характеристики жанра «стрим» в медийном дискурсе

Д.А. ГАВРИЛОВА

В статье исследуются лингвопрагматические и структурные особенности жанра «стрим» в современном медийном дискурсе на материале белорусских и британских онлайн-изданий. Автор анализирует речевые акты и особенности организации текста стримов в белорусских и британских онлайн-изданиях. В исследовании раскрывается понятие «стрим» в современном медийном дискурсе, выявляются его характерные признаки и иллокутивная сила.

Ключевые слова: дискурс, медиадискурс, Интернет, онлайн-издания, стрим.

This article examines the linguopragmatic and structural features of the «stream» genre in contemporary media discourse using Belarusian and British online publications. The author analyzes the speech acts and textual organization of streams in Belarusian and British online publications. The study explores the concept of «stream» in contemporary media discourse, identifying its characteristic features and illocutionary force.

Keywords: discourse, media discourse, Internet, online publications, stream.

Введение. Современный медийный дискурс претерпевает значительные трансформации под влиянием цифровых технологий. В следствии чего появляются новые коммуникативные форматы, которые требуют лингвистического осмысления. Одним из наиболее динамично развивающихся жанров современного медийного дискурса является стрим, под которым мы понимаем прямой эфир или поток видео в реальном времени [1, с. 15]. Стриминг, изначально укоренившийся в геймерской среде, сегодня может охватывать широкий спектр тем: творческие воркшопы, кулинарные программы, политические / экономические / культурологические дискуссии, экскурсии по городу, повседневное общение, лекции и т. д., тем самым формируя новое коммуникативное пространство.

Несмотря на растущий интерес к Интернет-коммуникации и медийному дискурсу в целом, жанр «стрим» остается малоизученным с лингвистической точки зрения. Существующие исследования рассматривают стрим либо, в целом, как новый жанр журналистики (О.С. Мухина, И.И. Волкова, М.А. Мирошник, Н.В. Корытникова, А.В. Болотнов [2]–[6] и др.), либо как жанр виртуальной коммуникации в игровой среде (Е.В. Волкова [7], О.В. Акимова и Е.Н. Галичкина [8] и др.). Проведенные исследования чаще фокусировали внимание на его технических, коммуникативных и социокультурных аспектах или описывали стрим как жанр или формат вещания, оставляя без внимания его лингвопрагматические и структурные характеристики. В частности, требуют системного анализа такие черты, как гибридная природа стрима: синтез монолога, диалога, полилога, специфика перформативных действий стримера, стратегии воздействия на зрителя / слушателя, а также его структурная организация.

Таким образом, цель настоящей статьи заключается в выявлении и комплексном анализе лингвопрагматических и структурных особенностей жанра «стрим» в современном медийном дискурсе. Поставленная цель предопределяет решение следующих задач: выявить структурные компоненты стримов в онлайн-изданиях на материале белорусских и британских онлайн-изданий, а также представить их языковую реализацию.

Объектом нашего интереса выступают стримы в белорусских и британских онлайн-изданиях; предметом исследования являются лингвопрагматические и структурные характеристики жанра «стрим». Материалом исследования послужили транскрипты стримов из онлайн-изданий белорусской газеты «СБ. Беларусь сегодня» и британской газеты «The Telegraph». В работе применяются дискурс-анализ, лингвопрагматический анализ, метод сплошной выборки.

Таким образом, актуальность нашего исследования обусловлена стремительным распространением стримов в медийной сфере и его недостаточной изученностью в лингвистике.

Работа восполняет теоретический пробел, предлагая комплексный анализ лингвопрагматических и структурных особенностей стрима как гибридного коммуникативного явления.

Результаты и их обсуждение. Стрим – это синкретичный речевой жанр, сочетающий в себе следующие характеристики:

- 1) непосредственной устной речи (спонтанность, гезитация, самоперебивы);
- 2) публичного выступления (обращение к аудитории, перформативность);
- 3) комбинирования диалога и монолога (с применением чата);
- 4) медийного продукта, который сочетает в себе развлекательную, информационную и коммерческую функции.

Основой для нашего исследования послужила теория речевых актов (далее – РА) Дж. Остина. Теория РА перевела фокус прагматических исследований с изучения предложений на анализ высказываний как действий [9, с. 22]. Основная идея Дж. Остина заключалась в том, что при совершении РА человек не просто сообщает информацию, а выполняет действие, например, призывает, просит, обещает, провозглашает и т. д. Далее эта идея была развита в работах Дж. Серля, в которых он предложил универсальную классификацию РА по их иллокутивной силе, т. е. главной цели говорящего: репрезентативы (ассертивы), директивы, комиссивы, экспрессивы, декларативы [10, с. 57].

Данная теория предоставляет мощный аппарат для анализа стримов, позволяющая перейти от простого описания содержания к глубокому погружению в структуру коммуникации: какие РА совершаются, какова их иллокутивная сила, как осуществляется взаимодействие между стримером и аудиторией.

Анализ иллокутивной структуры стримов показал, что данный жанр медиадискурса представляет собой сложную коммуникативную систему, в которой сочетаются различные типы РА, выполняющие ключевые функции построения взаимодействия, передачи информации и создания эмоциональной связи. На основе нашего исследования иллокутивных функций в стримах можно предположить, что здесь доминирующими будут следующие типы РА:

1. Директивы: *надо проработать этот вопрос для будущего года; для получения актуальной информации подписывайтесь на наш YouTube-канал; чтобы задать вопрос нашему эксперту, напишите в чат; голосуйте в нашем опросе; в связи с ухудшением погодных условий, жителям рекомендуется не выходить из дома; властям предстоит принять непростое решение по этому вопросу; share your thoughts in the comments section; stay tuned; people are advised to seek immediate medical attention if they experience these symptoms; so, the question we're asking is: what should be done to address this crisis.*

Из примеров видно, что в белорусских стримах чаще используются прямые императивы или определённо-личные конструкции в которых лицо, к которому обращаются, не называется, т. е. тон более инструктивный и формальный. В британских стримах чаще встречаются смягченные формы, например, пассивные конструкции либо модальность, а также повелительное наклонение. В обоих языках передача директивы может идти от третьего лица, например, *government urges, officials advise, government ignores; в правительстве рассказали, министр представил* и т. д., что создает дистанцию и объективность.

2. Репрезентативы: *центральный банк повысил ключевую ставку на 1 процентный пункт; в МИД заявили, что переговоры будут продолжены на следующей неделе; в администрации президента опровергли слухи; the Federal Reserve has raised interest rates by 25 basis points; the White House has stated that it will not support the bill in its current form* – прямое утверждение факта; *объявляем старт осенним сельскохозяйственным ярмаркам; Белгидромет предупреждает о сильных ливнях с грозами; we're now going live to our correspondent; the National Weather Service has issued a severe thunderstorm warning* – объявления и предупреждения.

Примеры показывают, что основной целью репрезентативных РА в обеих лингвокультурах является информирование и установление версии реальности путем использования глаголов говорения для атрибуции информации. В тоже самое время есть и различия: грамматическое оформление – времена (в белорусских стримах – это прошедшее время, а в британских – Present Perfect для того, чтобы показать связь прошлого с настоящим). Данные РА составляют основу информационной и развлекательной части стрима. Здесь стример выступает в роли рассказчика, учителя или комментатора событий.

3. Экспрессивы: *мы благодарим вас за внимание; признательны нашему эксперту; thank you, thank you all for coming today; we really appreciate you taking the time to speak with us* – благодарность и признательность; *выражаю соболезнования; к сожалению, переговоры завершились безрезультатно; I extend our deepest condolences to the families; unfortunately, the data shows a continued decline in the economy* – соболезнования и сожаления; *дорогие ветераны, поздравляю с Днем Победы* – поздравления; *that is absolutely staggering news; our hearts go out to the community in Florida weathering this historic storm* – удивление и эмоциональная реакция.

Из представленных примеров видно, что экспрессивные РА являются важнейшим инструментом в арсенале участников стримов. Белорусские стримы характеризуются формальностью и ритуализированностью и чаще всего идут от коллективного «мы», а эмотивный характер идет от институции. В то время как британские – более гибкие и могут быть как формальными, так и неформальными, а эмотивный характер, чаще всего, подается от лица стримера (ведущего, говорящего, команды журналистов). Представленные РА помогают создать определенную атмосферу, преодолеть формальность и создать ощущение живого общения.

4. Декларативы: *ну что, дорогие зрители, слушатели, мы начинаем, на этом наш прямой репортаж завершён. Всем спасибо; we are now calling this «Blue Monday» election; that concludes our live for today* – объявление начала или завершения трансляции; *президент подписал указ; объявляется минута молчания; the PM has just announced; the jury has just found the defendant guilty; we're now declaring a state of emergency* – оглашение решений.

Декларативные РА представляют собой сообщения о самых значимых изменениях в социальных, правовых, политических и культурных сферах человечества. Как в белорусских, так и в британских новостных стримах передача декларативов официальными лицами (из примеров видно, что чаще всего используются глаголы) придает новости максимальный вес и значимость, так как зритель становится свидетелем момента в режиме реального времени и может почувствовать себя частью этой новости.

Наше исследование также направлено на изучение структурной организации жанра «стрим», которая является фундаментальной основой, определяющей не только последовательность подачи информации, но и характер ее восприятия аудиторией. Сравнение стримов в белорусских и британских онлайн-изданиях выявил некоторые различия в их организационной модели.

Некоторые исследователи представляют такие организационные и структурные элементы устной / письменной речи, с точки зрения речевой композиции, как введение, основная часть, заключение. В нашем исследовании мы будем придерживаться такой структурной композиции, но с добавлением некоторых элементов, присущих стримам. В ходе исследования нами были выделены следующие:

- 1) лид (в британских онлайн-изданиях) / комментарий (в белорусских онлайн-изданиях);
- 2) основная часть;
- 3) заключение [11, с. 6].

Рассмотрим каждый элемент подробнее. Прежде чем посмотреть стрим, зрителю предлагается ознакомиться с тем, что будет представлено в нем. Для этого в британских онлайн-изданиях присутствует лид / лид-абзац, который отвечает на четыре ключевых вопроса: *кто, что, где, когда?* Цель лида – привлечь внимание зрителя и представить общую картину того, что будет происходить в стриме:

Business leaders, from across the UK and worldwide, will attend the British Chambers of Commerce Global Annual Conference (The Telegraph).

Mrs Badenoch will make her first speech of the conference to the party faithful in Manchester at 2.45 pm (The Telegraph).

U.S. President Donald Trump makes unprecedented second state visit to Britain (The Telegraph).

В белорусских онлайн-изданиях, в отличие от британских, вместо лид-абзаца появляется комментарий, который более подробно описывает то, что будет в стриме [11, с. 7], т. е. приводится тезис того, что представлено в онлайн-трансляции, чтобы аудитория могла понять контекст лучше:

На выставке Иннопром Беларусь 2025 представлен уникальный симулятор обучения машинистов метро, основанный на виртуальных очках и современных технологиях. Теперь

будущие машинисты могут тренироваться в полностью имитированной среде, отработывая навыки и безопасность без риска. Такой подход значительно повышает качество подготовки и безопасность пассажиров (СБ. Беларусь сегодня).

В этом видео мы показываем, как нейросеть буквально понимает самые популярные русские фразы и поговорки, такие как «бабки на ветер», «жаба душит» и «повесить лапшу на уши». Получается очень смешно и неожиданно! Вы узнаете, как искусственный интеллект «видит» наши выражения (СБ. Беларусь сегодня).

Ядреные белорусские пропагандисты Людмила Гладкая, Григорий Азарёнок и Евгений Горин жгут каленым железом! В последнем январьском эфире проекта «Летучка» препарируют реакцию коллективного запада на белорусские президентские выборы. Почему «господа в парижках» скрежещут зубами. Как прошли выборы в Беларуси, за что ГУБАЗиК благодарит беглых, и каким образом школьницы угрожают европейской безопасности. Подключайтесь! (СБ. Беларусь сегодня).

Из выше представленных примеров видно, что комментарий характеризуется большей контекстуальной направленностью, а лид-абзац, в свою очередь, – краткостью [11, с. 7].

В основной части стрима представляется основное событие, т. е. сама трансляция, где происходит обзор события / новостей, представления гостей / ведущих и т. д. Этот структурный элемент мы разделили на приветствие, основную часть, кульминацию. Необходимо отметить, что некоторые элементы основной части могут и вовсе отсутствовать, т. к. стрим характеризуется спонтанностью и неподготовленностью:

Hello everyone. Good afternoon, good afternoon everyone! Please have a seat. Good afternoon. It's good to see everyone. Ambassador Heartley thank you for the warm welcome that you gave us last night and today and for inviting us to be here with you. And thank you for your extraordinary leadership on behalf of the president of me and our country and it is of course my honor to be with everyone here at the United States Embassy in London as well as to be with former Prime Minister Teresa May and all of the leaders from the private sector Civil Society Academia and our many International partners <...> (The Telegraph).

Приветствую. Меня зовут Симашка Надежда Константиновна, и я старший преподаватель кафедры государственного управления института государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь. И сегодня мне хотелось бы для вас вкратце осветить такую тему, как государственная бюрократия и постбюрократическая парадигма управления <...> (СБ. Беларусь сегодня).

Из примеров видно, что языковая реализация может быть представлена разными языковыми маркерами: как существительными / глаголами, так и эмотивно-окрашенной лексикой. Следует отметить, что в онлайн-издании «Сб. Беларусь сегодня» набирают популярность «немые» стримы [11, с. 7] с места события (например, парады, концерты), а также лекции ведущих преподавателей страны.

Заключительная часть стримов представлена такими элементами, как благодарность (*спасибо, спасибо за внимание, спасибо, что присоединились к нам сегодня; thanks, thank you all, thanks a lot*) и прощание (*до встречи, до свидания, хорошего дня / вечера, увидимся; see you, that all, have a good day, bye*) [11, с. 7].

Заключение. Таким образом, проведенное нами исследование позволяет утверждать, что жанр «стрим» в современном медийном дискурсе представляет собой сложный, гибридный и динамичный феномен, структурные и лингвопрагматические характеристики которого находятся в неразрывной связи и взаимно обуславливают друг друга. Структура стрима оказывается нелинейной и открытой, которая не следует запланированному сценарию, а, чаще всего, формируется в режиме реального времени.

Жанр «стрим» представляет собой сложную интерактивную систему, где РА совершаются в условиях синхронной, сбалансированной и виртуальной коммуникации. Анализ показал, что стримам, с точки зрения лингвопрагматики, присущи такие РА как репрезентативы, директивы, декларативы и экспрессивы.

Следовательно, стрим как новый медиажанр выходит за рамки традиционных медиаформатов благодаря своей интерактивности, что превращает зрителя из пассивного в актив-

ного участника события. Полученные результаты подчеркивают важность учета прагматических аспектов и структурных особенностей для более глубокого понимания роли стрима как современного медийного жанра, а также расширяют теоретические представления о взаимодействии языка и медиа в эпоху цифровизации.

Литература

1. Гаврилова, Д. А. Лингвопрагматические особенности жанра стрим / Д. А. Гаврилова // Творчество молодых, 2024 : сб. науч. работ студентов, магистрантов и аспирантов : в 3 ч. / ГГУ им. Ф. Скорины ; редкол.: Р. В. Бородич [и др.]. – Гомель, 2024. – Ч. 3. – С. 15–17.
2. Мухина, О. С. Стрим как новый жанр современной журналистики / О. С. Мухина // Вестник ВГУ. Сер. : Филология. Журналистика. – 2021. – № 4. – С. 146–147.
3. Волкова, И. И. Феномен стриминга : журналистика будущего? / И. И. Волкова // Мультимедийная журналистика : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 1–2 марта 2018 г. / БГУ ; под общ. ред. В. П. Воробьева. – Минск, 2018. – С. 213–218.
4. Мирошник, М. А. Стрим как современный формат прямого репортажа : аудиторный фактор и особенности развития / М. А. Мирошник // Вестник Воронеж. гос. ун-а. Сер. : Филология. Журналистика. – 2020. – № 1. – С. 117–119.
5. Формат стрима как новый способ медиавещания в Украине / Н. В. Корытникова, В. Селезнева // Mass-media. Действительность. Литература. – Тверь, 2018. – С. 72–77.
6. Болотнов, А. В. Стрим как новый гипермедиажанр / А. В. Болотнов // Вестник Волг. гос. ун-та. – 2021. – № 2 (20). – С. 111–119.
7. Волкова, Е. В. Дискурсивные особенности виртуальной коммуникации (на материале русскоязычных стримов видеоигр) / Е. В. Волкова // Студенческий. – 2021. – № 18-2 (146). – С. 50–52.
8. Акимова, О. В. Игровой стрим как новая коммуникативная среда Интернет-пользователей / О. В. Акимова, Е. Н. Галичкина // Вестник Калмыц. ун-та. – 2025. – № 1 (65). – С. 58–66.
9. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. – М., 1986. – Вып. XVIII : Теория речевых актов. – С. 22–129.
10. Философия языка / ред.-сост. Дж. Р. Сёрль ; пер. с англ. – 2-е изд. – М. : Едиториал УРСС, 2010. – 208 с.
11. Гаврилова, Д. А. Структурно-композиционные признаки жанра стрим в медийном дискурсе / Д. А. Гаврилова // Актуальные проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков : мат. XIV Междунар. науч. конф., Гомель, 25 окт. 2024 г. / ГГУ им. Ф. Скорины ; редкол.: Е. В. Сажина (гл. ред.) [и др.]. – Гомель, 2024. – С. 5–8.

Человек пишущий в творческом сознании Д. Рубиной

Е.В. ГУЛЕВИЧ

В статье представлена саморефлексия современной писательницы Д. Рубиной основ ее творческой лаборатории – описаны источники творчества, особенности процесса письма, а также писательские страхи. Рассматривается феномен жизни книги на разных этапах – от создания до рецепции читателем. Постулируется идея о книге как закодированном тексте, который актуализируется исключительно на этапе читательского восприятия. Представлен естественный и желанный полный разрыв писателя с книгой после ее публикации.

Ключевые слова: Д. Рубина, «Одинокий пишущий человек», творческая лаборатория, Covid-19, человек пишущий (Homo scriptor), бытие-в-творчестве.

The article presents the vision of contemporary writer D. Rubina on the preconditions of her creative laboratory. The sources of creativity, the peculiarities of her writing process, as well as her writer's fears are described. The phenomenon of the life of a book at different stages – from creation to reception by the reader – is revealed. The idea of the book as a coded text, which is actualized only at the stage of reader's perception, is considered. The natural desirable complete break of the writer with the book after its publication is stated.

Keywords: D. Rubina, «A lonely writing man», creative laboratory, Covid-19, a writing man (Homo scriptor), life-in-creativity.

Введение. Проблема творческого сознания неоднократно становилась объектом исследования как русскоязычных (С.Л. Рубинштейн, 1957; Д.Б. Богоявленская, 2002, 2009, 2011; Н.Н. Николаенко, 2007; Е.П. Ильин, 2009; В.В. Козлов, 2009; Я.А. Пономарев, 2013), так и англоязычных исследователей (Р. Мэй, 1975, 1998; К. Роджерс, 1980; Дж. Гилфорд, 1986; Е.П. Торренс, 1995, 2001, 2002; Дж. Камерон, 1998, 2002, 2006; С. Кинг, 2000; С. Медник, 2008; С. Прэсфилд, 2002, 2011, 2012, 2018). Были выявлены определенные аспекты творческого процесса с позиции внешнего критического наблюдения над ним. В данной статье предпринята попытка выявить особенности процесса создания художественного произведения с перспективы видения человека пишущего, т. е. субъекта письма.

Цель статьи – выявить принципы художественного письма современной писательницы Дины Рубиной, представленные в ее книге «Одинокий пишущий человек» (2020). Произведение написано в жанре non-fiction, в период пандемии Covid-19, который стал рубежным как для всего человечества, так и для каждого человека, задумывающегося над меняющейся реальностью. Как правило, первыми изменения чувствуют люди искусства. Еще Тургенев отмечал: «Писатель <...> человек нервный, он чувствует сильнее других» [1, с. 373]. Именно поэтому пандемия воспринимается *человеком пишущим* более чутко, нежели простым обывателем. В своей книге Д. Рубина пытается осмыслить жизнь до и после потрясшего мир события. Пандемия позволила ей сделать паузу и обратиться к основам творческой лаборатории, осмыслить собственный писательский опыт, выявить те ноты художественного голоса, которые создают неповторимость ритма её прозы.

В статье использованы биографический, сравнительно-исторический, контекстуальный методы; текстовый анализ, а также синтез, индукция и дедукция.

Основная часть. Книга «Одинокий пишущий человек» увидела свет в 2020 г., в период изоляции и локдаунов; в период, когда мир погружался, с одной стороны, в строго регламентированные рамки жизнеповедения, с другой – в экзистенциальный хаос и страх неведомого. Этот период стал точкой невозврата: мир изменился, жизнь устанавливала новые правила бытия, а, значит, и творчества.

Для Д. Рубиной 2020 г. стал этапом жизни, который требовал её рефлексии как человека и как писателя. Рефлексии требовало изменённое бытие и её писательское эго.

Книга «Одинокий пишущий человек» задумывалась, по признанию автора, давно, но вышла она именно в 2020 г. по ряду причин. Во-первых, было многолетнее авторское жела-

ние высказаться о самой себе, отрефлексировать процесс собственного письма. Именно период пандемии с его локдауном предоставил возможность облечь в словесную форму мысли о писательском предназначении. Во-вторых, пандемия стала рубежом, этапом начала новой – не вполне еще понятной – жизни. До сих пор не вполне ясно, каково в ней место постковидного человека, каков уровень его свободы и власти над обстоятельствами: «Сейчас мы наблюдаем мировую катастрофу <...>. Мы будем обдумывать это. Мы будем анализировать это событие. Возможно, мы будем долго-долго писать о нем именно тогда, когда это закончится. Вот тогда. Как после войны. Появятся очень многие труды <...>. Мы должны понять и осознать, что это с нами произошло, с человечеством» [2].

Безусловно, этот беспрецедентный период мировой истории отразится в творчестве. При этом, чтобы жизнь выкристаллизовалась в искусстве, нужна дистанция между «сейчас» / «потом», «сегодня» / «завтра». Именно поэтому в книге Д. Рубиной пандемия упоминается, говорится о житейских неудобствах, которые она привнесла, однако при этом ещё нет и не может быть полноформатной рефлексии относительно данного вирусного вторжения – ещё не сложилась необходимая временная дистанция.

Фокусируясь на писательстве, Д. Рубина отмечает, что пандемия привнесла ощущение обывательской несвободы, но в то же время открыла свободу творчеству: «Мне повезло. Я начала книгу. Неожиданную для себя. Неожиданную... Очень странную. О которой я думала очень много лет <...>, оказавшись в некоем замкнутом пространстве <...> жизни» [2]. Это книга «про то, как книги собственно пишутся. В том числе я говорю о неуклонном стремлении прозаика к ограждению себя в некотором пространстве. До известной степени это в общем-то перекликалось с образом жизни, малоприятным, конечно же» [2].

Пандемия позволила Дине Рубиной обратить свой взгляд к потаенным пружинам существования человека пишущего (*Homo scriptor*), в её осмыслении – *одинокого пишущего человека*, понять, «что такое писатель, что это за личность такая – пограничная всегда. Что это за человек, который балансирует на грани реальности, фантазии, ночных ужасов, восторгов – непонятных почему – над каким-то словосочетанием, в то время, как мать лежит в больнице, – то есть пограничная личность» [2], ибо «писателя волнует больше всего на свете: вопросы о профессии <...> ты застреваешь на них, задумываешься... удивляешься или даже сердисься, но волей-неволей отвечаешь заинтересованно и откровенно» [3, с. 9]. Д. Рубина отмечает своеобразие *человека пишущего*, который далек от бытия и внешней реальности: «Писатель – это человек, который живет внутри себя, внутри собственного воображения» [2]. Она признается, что «писательство – это страшно <...>. Это мучительная жизнь – прекрасная и мучительная»; что искусство само по себе «мучительная штука», так как «оно вынимает душу. Оно всегда не дает быть здесь и сейчас» [2]. Более того, «литературный талант – это чудовищная нагрузка: для мозга человека, для души его. Это некая сущность, которая полностью владеет этим мозгом, этой душой и т. д. нет покоя. Это такой литературный дар, который управляет человеком» [4].

Д. Рубина ненавязчиво и неспешно погружает читателя в пучину собственной жизни, которая словно ускоряется с каждым описываемым годом. При этом чем более туго вплетен в узор прошлого и чем шире описываемый островок ее писательского бытия, тем более точно автор вовлекает в него читателя, который понимает, что эти айсберги *жизни-в-профессии* при кажущейся неподвижности, некоей «вмурованности» в основы бытия писательницы, в то же время, точными густыми мазками динамично очерчивают ее каждодневное *бытие-в-творчестве*.

На наш взгляд, таковой была изначальная задумка автора: «Когда смотришь знакомую чуть ли не покaдрово картину [речь о фильме Феллини «Интервью» – Е.Г.], то обращаешь внимание не на сюжет <...>, даже не на игру замечательных актеров, а на блики утреннего солнца в окне трамвая <...>. Но главное, ты чувствуешь, как минута за минутой в тебя втекает некая волшебная субстанция подлинного искусства, описать которую трудно, а объяснить практически невозможно» [3, с. 9–10]. Именно так, сквозь призму многомерного калейдоскопа растекающейся в пространстве и времени обыденной жизни, высвечивается литературная судьба Д. Рубиной. Именно так, отражаясь в зеркале прошлой и текущей жизни, её литературное бытие проявляется более выпукло, прозрачно, чётко.

Относительно внешней стороны творческого процесса, в частности этапов работы над произведением, Д. Рубина заявляет, что всегда начинает с финальной сцены, так как именно финал настраивает тональность всего произведения [3, с. 317]. При этом, несмотря на готовность финала, работа над произведением всегда протекает медленно – месяцы, годы: «работаешь каждый день, работаешь трудно, медленно...» [3, с. 346].

Д. Рубина считает, что тип героя произведения всегда предопределен особенностями личности автора, так как «писатель подсознательно выбирает для главного героя или героини тот тип личности, в котором с наибольшей полнотой могут проявиться сильные стороны его дарования» [3, с. 361]. При этом на определенном этапе автор подчиняется внутреннему движению произведения: «Иногда пишутся совершенно неожиданные <...> сцены, которые полностью преобразуют <...> устойчивую и уже прописанную конструкцию романа», а изначально второстепенный персонаж, «которому уготовано два абзаца <...> вдруг цепляет тебя сильнее и дольше <...> и оказывается вовлеченным в ту самую мысль, оказывается внутри этой мысли» [3, с. 371–372].

Писательница отмечает, что писательство – это не только вдохновение. Важна трудная подготовительная работа, которая даёт возможность автору приблизиться к материалу, освоить его, сделать его своим – ментально гибким, чтобы работать над ним так, как ремесленник работает с глиной, делая её податливой: «Подлинный успех – это божество, которому надо приносить ежедневные жертвы напряжённой работой и отречением от многих удовольствий <...> многое в жизни надо упустить, чтобы начать чего-то стоить в своей профессии» [3, с. 20]. Такой подход, с одной стороны, даёт возможность чётко воплощать в тексте авторские задумки, с другой – предоставляет писателю шанс «зацепить» аудиторию, проникнуть в душу и сознание читателя, овладеть его существом, чтобы, овладев, завлечь его в придуманный мир, заставить верить и покоряться книге, жить по предписанным автором законам, с каждым шагом погружаясь в произведение, как в трясину, которая медленно затягивает, постепенно поглощая читателя целиком. К этому стремится каждый автор. Не многим это удаётся. Чтобы поглотить воображение изощренного читателя, Дина Рубина «ранее просто писала о том, что волновало сознание», не задумываясь, что на эту тему уже «высказывался миллион гениев», однако, со временем стала кропотливо подготавливаться к работе – «месяцами мучительно раздумываю над темами» [3, с. 21].

С годами творческие мышцы у писателя становятся крепче. Он более уверенно подступает к теме, которая точит его изо дня в день. Он знает, чем наверняка можно увлечь – использует определенные «отмычки» (Д. Рубина), которыми открывает желаемые дверцы в душе читателя. Но вместе с опытом и постепенным признанием приходит страх – «настоящий, пронизывающий», страх, что следующее произведение «не получится <...> не напишется, не выйдет?» [3, с. 26].

Писательский страх многолик. Всех авторов объединяет страх «пред океаном уже написанных книг» [3, с. 27]. Он вызван осознанием исчерпанности и конечности сюжетов, потому что «сюжетов в мировой литературе <...> не так много и все они многожды переписаны» [3, с. 27]. Писателю важно это принять и работать, понимая, что в его писательской галактике все уже сказано, «сюжеты давно и неоднократно разыграны, спасает только неповторимая интонация голоса» [3, с. 27]. И вся его жизнь подчинена выработке и оттачиванию этой неповторимой интонации, которая со временем делает тексты узнаваемыми.

Традиционным для любого писателя является вопрос об источниках творчества. Стимулом для написания произведений для Д. Рубиной служит «внезапный ассоциативный толчок» [3, с. 257]. Она всегда наготове и ждет, потому что «никогда не знаешь, что подтолкнет тебя к открытию, что послужит внутренним императивом к написанию первой фразы огромного романа» [3, с. 258]. Это может быть случайная песня или фраза, неожиданная встреча, которая является будничным явлением для *нормального человека*, но служит мощным толчком для *человека пишущего*, мозг которого всегда готов словить момент, который становится триггером творчества – «у писателя при этом незначительном эпизоде все чувства как бы встают дыбом» [3, с. 257]. Вопрос лишь в том, в каком виде, через какой временной промежуток и в каких узорах, проблеском брошенная черта, слово, жест будут переплавлены в текст: «Писатель всегда в поисках пролетающей, пробегающей мимо его воображения птицы», ибо «писатель, прежде всего, рыщущий сюжетов волк» [3, с. 78–79].

Важность писательской наблюдательности и особую способность творческого мышления абсорбировать окружающее бытие и превращать его в новую художественную реальность отмечал К. Паустовский: «Так вот бродишь в жизни и то тут, то там наталкиваешься на встречи, на какие-то часы тишины и сосредоточенности, на “закономерные случайности”, и в это время и возникает обычно замысел книги. В этом есть особая радость – очень ощутимая, но трудно поддающаяся рассказу» [5, с. 322].

Относительно автобиографизма своих произведений Дина Рубина отмечает, что «это иллюзия. Ни в коем случае не фотография» [3, с. 97]; это прием, который она часто использует для достижения «более доверительной, более открытой интонации и сокращает расстояние между читателем и книгой» [3, с. 97]. В ее книгах «гораздо больше вымысла и больше “отвлеченного” “чужого” материала, чем кажется на первый взгляд <...>. Факты, эпизоды и сцены, лично прожитые автором в жизни, в прозе всегда преображаются, порой до неузнаваемости. Для меня <...> и воспоминания в первую очередь – материал, который можно вывернуть наизнанку <...> перелицевать, перекроить и сшить совсем иную жилетку» [3, с. 97–98]. На вопрос о соотношении правды и вымысла в художественном произведении Рубина отмечает, что «никто и никогда не сможет подсчитать эти проценты, доли <...> где нечто рождается из ничего, где скучнейшая материя преобразуется в пласт художественной ткани, где единственная фраза может стать опорным столбом сюжета» [3, с. 267]. Более того, говоря о соотношении понятий «реальность» / «творчество», писательница использует лексемы «мясорубка», «преображение», «переплавка» [3, с. 134]; признается, что все события из её жизни непременно идут в «творческую топку» [3, с. 67]; «перемалывается реальность в художественное произведение» [3, с. 143]. Д. Рубина уверена: «Жизнь не равна литературе. Даже если писатель извлекает – из воздуха, из характеров знакомых людей <...> отрезка жизни что-то потребное его работе, он все перерабатывает самым решительным образом. Переплавляет жизнь в литературу. Конечный продукт всегда имеет весьма отдаленное отношение к “настоящей жизни”» [3, с. 149–150]. И это не противоречит законам творчества, так как «художественной правде <...> нет никакого дела до того, что происходит в “реальной жизни”» [3, с. 200].

Традиционно бытует мнение, что писательство – это романтическое, оторванное от реальности занятие. Д. Рубина настаивает на обратном: «Я не знаю профессии более жестокой <...>. Писатель может убить словом. Слова, как мельчайшие дозы мышьяка, накапливаясь, убивают»; «писатели – пираньи, они выщипывают гниль в сознании общества...» [3, с. 79]. При этом «ради правды, художественной правды, он без тени сомнения пойдет на чудовищный обман. И потому все мы – люди тяжелые и эгоистичные, душевно одинокие люди, погруженные в себя и свою работу. Поневоле угнетающие тех, с кем живем» [3, с. 126]. Бумеранг настигает и самого *человека пишущего*: творчество – это «чистилище, а порою и настоящий ад, где ты ежедневно, схватив за вздыбленный клочок волос на макушке, окунаешь и окунаешь себя в расплавленную магму геенны огненной; где с тебя клочьями слезает шкура, отшелушившаяся язвы и струпья, и оттуда ты выползаешь чуть живой, но, мнится мне, очищенный и иной, чем прежде» [3, с. 136]; это «тяжелый труд, дни, максимально подчиненные работе, вывороченные суставы души, изуродованная личность, болезни» [3, с. 185]. Схожие чувства описывала М. Цветаева, которая отмечала, что творчество – это жестокий удел «дать себя уничтожить вплоть до какого-то последнего атома <...> ибо в этом, этом атоме сопротивления (-вляемости) весь шанс человечества на гения. Без него гения нет – есть раздавленный человек» [6, с. 310].

Литература подчиняет существование творческого человека процессу письма: *человек пишущий* никогда не равен *просто человеку*. Сознание писателя постоянно точит творческое обдумывание того, что уже «варится» в сознании, либо того, что захватывает его мысль, погружает в глубины воображения и требует вербального воплощения: «Одиноким пишущим человеком постоянно живет внутри текста <...> не особо разделяя обывденную жизнь» [3, с. 132]. Творческий процесс идет постоянно: «Если бы не литература, я могла бы отлично жить, была бы легким общительным человеком» [3, с. 99]. Но «Нет! Нет покоя. Покоя нет, смирения <...>. Живу с ежеминутным гвоздем в макушке <...> обломком гарпуна в спине»; ничто не воспринимается писателем как «просто жизнь». И потому «любой настоящий писатель ненавидит все, что связано с его профессией» [3, с. 131], ибо писательство – это «иссу-

шающая пустыня бесконечной неудовлетворенности собой, грызедство собственной души, неврозы, подавленная истерия, страшные сны; дурной характер и абсолютная незащитность перед лицом реального мира» [3, с. 591].

Эти страдания писатель переживает по двум причинам: во-первых, *человек пишущий* не может не писать, для него это физиологическая потребность; во-вторых, как любая физиологическая потребность, писательство стремится к подъёму, моменту *икс* – катарсису – от «законченной работы, – это в чистом виде, оно самое» [3, с. 184]. В этом смысле писательство – это очищение от текущих переживаний и прошлых воспоминаний.

Известно, что память умирает в тексте. Еще Платон высказал идею «о тексте как смерти памяти», тексте как отчуждении памяти и актуализации ее в воображении: став источником творчества, память умирает в тексте, но живет и «расцветивается в воображении» [7, с. 70]. Об этом В. Набоков говорил: «...воображение – это форма памяти <...>. Образ возникает из ассоциаций, а ассоциации поставляют и питает память», при этом в память закладывается «все то, что творческое воображение потом использует в сочетании с вымыслом...» [8, с. 473]. В контексте сказанного, идея текста как смерти памяти важна и в творчестве Д. Рубиной, которая признается, что часто видела во сне людей из детства, в частности своих родственников и знакомых, но «по мере того, как я их описываю, исчерпываю, додумываю и прощаюсь, они сняты мне все реже» [3, с. 82]. Когда книга выходит, определенные события и переживания перестают беспокоить писателя окончательно: «Ты выплескиваешь на бумагу свои сны, свою память, свои страхи и прегрешения, детство и отрочество – да, в сущности, всю свою жизнь! – и дальше идешь налегке...» [3, с. 82].

Книга, которая написана и увидела свет, больше не принадлежит автору. Д. Рубина отмечает важность роли читателя, ибо у каждого писателя есть «страстное желание», чтобы его «творения прочитало как можно большее число людей, – это и есть двигатель литературы, ее первопричина» [3, с. 157]. Д. Рубина признает ведущую роль читателя как создателя смыслов текста. Автор в этом процессе более не участвует. Воплотившись в книгу, произведение, с одной стороны, умирает для автора, равно как и герои, которых «творец любит, страдает и умирает вместе с ними» [3, с. 403]; с другой – наступает «смерть автора» (Р. Барт). Это является естественным и закономерным. Именно реципиент «воскрешает» книгу во время чтения [3, с. 296]. Писатель А. Секацкий считает, что книга не только активизируется в воображении читателя, но и влияет на его сознание даже в постактивную фазу чтения. М. Степнова считает, что в итоге акта чтения рождается новый текст, уже не авторский – текст читателя и «это всегда разные тексты» [9, с. 531]. Е. Водолазкин отмечает: «Любая книга только наполовину создается автором – вторая половина создается читателем, его восприятием» [9, с. 131]. А писатель, очередной раз побеждая, снова переживает страх: «Ибо неведомо – подарят ли тебе вновь такую возможность: создать еще один мир <...>. А если подарят, сдюжишь ли?» [3, с. 404].

В этой связи крайне примечателен взгляд писательницы на завершённое произведение: «Закончив книгу, ты сбрасываешь ее, как старую надоевшую шкуру. Отработанные темы и образы романа, связанные с ним мысли, тебя уже не волнуют»; более того, автор пытается стереть их из памяти: «Я обязана их забыть, как можно скорее <...>. Писатель движется вперед только тогда, когда забывает своих героев» [3, с. 107–108]. Д. Рубину раздражает, когда «кто-то пытается вернуть мир завершённой книги в сферу [ее авторского. – Е.Г.] внимания» [3, с. 107–108]. Когда книга окончена, связи с автором больше нет: «Она уплывает от тебя, с годами становясь все более размытым парусом на горизонте. Книга уплыла, и ты думаешь уже о другой, следующей книге, самой для тебя главной» [3, с. 199]. Более того, книга, написанная много лет назад, не имеет связи с автором: «Такое чувство возникает, что с этим автором ты даже не знаком <...>. То, что я написала в возрасте двадцати пяти лет, принадлежат перу совсем другого человека – другие мысли, другие ожидания, другой градус душевных передряг» [3, с. 180]. Д. Рубина отмечает неожиданный момент в рецепции вышедших книг: «Вторая половина жизни – усталость от написанного лично тобой» [3, с. 27].

Данный тезис Рубиной согласуется с утверждением Ж. Дерриды о независимом существовании творения от творца: «...вычленимая голосом писателя книга склоняется и возвращается к себе, становясь субъектом в себе и для себя <...>. Поскольку в ней субъект ломается и открывается, представляя самого себя. Письмо и пишется, и пропадает в своем собственном

представлении» [10, с. 108–109]. Деррида также постулирует идею освобождения создателя от своего детища: «Писать – это удаляться <...> из самого своего письма <...> освобождать его, оставлять без присмотра, отпускать его в путь без <...> сопровождаителя. Оставлять слово. Быть поэтом – это уметь оставлять слово. Оставлять слово в одиночестве <...>. *Оставит* письмо – это быть здесь только для того, чтобы оставить ему проход, чтобы быть прозрачной средой его процессов: быть всем и ничем <...>. Писатель – это все и ничто. Как Бог...» [10, с. 114].

Примечательны замечания писательницы о творческом даре, который, по её мнению, с годами меняется: «Он ведь уходит <...>. Он просто меняется, ежеминутно становясь иным: накапливается опыт, углубляется понимание процессов творчества, оттачиваются стилевые приемы <...>. А вот так первородная гормональная радость, клокочущая в юности <...> мощный заряд неутомимой надежды <...>, – они скудеют» [3, с. 404–405].

Д. Рубина также делится своими соображениями относительно особенностей женского писательства. Так, она считает, что «мужчине-писателю семья, как правило, не мешает, а помогает (если жена умная и преданная). А после смерти, если повезло, и награждает: железная вдова способна укрупнить и возвеличить фигуру писателя и даже создать его культ» [3, с. 407]. В пример она приводит жену М. Булгакова. Справедливо данное замечание и для супруги В. Набокова, которая занималась популяризацией творчества писателя после его смерти. При этом «писателю-женщине семья, как правило, дается и достается с гораздо большими нагрузками, с куда более личным участием, с огромной затратой нервов и сил» [3, с. 407]. Однако Д. Рубина уверена, что со временем ситуация выравнивается, потому что «женщина и физически выносливее, и психически в целом крепче. Эта воловья сила <...> дает какие-то дополнительные сенсорные качества: перещупать, перемолоть, переварить самые разные предлагаемые обстоятельства. Врожденная мудрость и выносливость женских жил – много значат на высокогорных перевалах жизни» [3, с. 407]. При этом она признается: «Я <...> абсолютно вмняемый в бытовом смысле человек... в те небольшие промежутки времени, когда я пребываю в *бытовом смысле*. Все остальное время писательский интерес, писательская суть моей личности привычно перевешивает быт <...>; вообще, перевешивает все» [3, с. 577]. При этом литература больше повседневности, она делает доступным то, «чего в жизни нет», создатель мыслит «о выходе за пределы тела <...>». О том, что ты – не очень-то ты, когда пишешь» [9, с. 313]. Причина этому, как отмечал Б. Пастернак, в том, что искусство, «интересуется не человеком, но образом человека. Образ же человека, как оказывается, – больше человека» [11, с. 226]. Этот тезис подтверждает Ж. Деррида: «Письмо – это не последующее определение какого-то первичного хотения <...>. Письмо пробуждает смысл воли к воле: свободу, разрыв со средой, эмпирической истории в горизонте согласия со скрытой сущностью эмпирии, с чистой историчностью. Воля писать, а не желание писать, ведь речь идет о свободе и долге, а не о волнении души» [10, с. 21].

Рубина уверена, что писательство «перевешивает» даже смерть, ибо «писатель не отображает жизнь, он создает иные миры» [3, с. 293]; «в тексты их книг <...> перекачивается личность автора <...>. Для писателя смерти, в сущности, не существует. Раскроешь книгу – и вот он, поговори с ним, поспорь», ибо «личность автора отпечатана на странице каждой его книги, как ДНК» [3, с. 596–597]. А боится писатель старости, «возможно, даже более, чем остальные люди», так как старость «это скверная и жалкая шутка, и выдюжить, пронести до конца свою личность не изуродованной – это труд, иногда удача, иногда провал» [3, с. 596].

Заключение. В своей книге «Одинокий пишущий человек» Д. Рубина обращается к ряду вопросов, с которыми сталкивается писатель в процессе создания литературного произведения: источники творчества, сюжет произведения, читательская рецепция, приемы, которые помогают достичь желаемого воздействия на аудиторию. При этом писательница не открывает дверь в собственную лабораторию творчества нараспашку, а предлагает читателю постигать густой воздух писательства с позиции пространственно-временного наблюдения – сначала за прошлым автора, затем путём постепенного погружения в её настоящее, которое мерно перетекает в размышления о будущем. Читатель наблюдает бытовые подробности работы писателя, которые переплетаются с дорогими автору воспоминаниями, на фоне которых высятся айсберги её писательской автобиографии.

«Одинокий пишущий человек» – это книга-осмысление, которая представляет Д. Рубину в перспективе двойного видения. С одной стороны, как писателя, которому свойственны четкие художественные установки, являющие суть ее литературного почерка, основ, этапов и катализаторов творчества. С другой стороны, в книге представлен образ Д. Рубиной-человека, который во многом предопределяет ее своеобразности как *одинокого пишущего человека*. Слияние этих двух перспектив представляет многогранную творческую личность, жизнь которой предопределена творчеством, а творчество наполнено тончайшими нюансами жизни.

Литература

1. Последний дневник Тургенева // Из парижского архива Тургенева / АН СССР ; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М. : Наука, 1964. – Т. 73, кн. 1. – С. 365–388.
2. Рубина, Д. И. Дина Рубина. Мир после пандемии (интервью) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=HDDzRrNno_g. – Дата доступа : 10.02.2025.
3. Рубина, Д. И. Одинокий пишущий человек / Д. И. Рубина. – М. : Эксмо, 2020. – 608 с.
4. Рубина, Д. И. Дина Рубина. О высокомерии, романтичности, писателях и деньгах (интервью) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=1hGzozGonCY>. – Дата доступа : 10.02.2025.
5. Паустовский, К. Г. Радость творчества / К. Г. Паустовский. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 416 с.
6. Цветаева, М. И. Искусство при свете совести / М. И. Цветаева. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 352 с.
7. Автухович, Т. Е. Поэзия риторики : очерки теоретической и исторической поэтики / Т. Е. Автухович. – Минск : РИВШ, 2005. – 203 с.
8. Набоков, В. В. Набоков о Набокове и прочем. Интервью, рецензии, эссе / В. В. Набоков ; ред. сост. Н. Мельников. – М. : Незав. газета, 2002. – 704 с.
9. Как мы пишем : Писатели о литературе, о времени, о себе / под ред. А. Етоева. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 640 с.
10. Деррида, Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида. – М. : Академ. Проект, 2007. – 495 с.
11. Пастернак, Б. Л. Воздушные пути / Б. Л. Пастернак. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. – 384 с.

Гродненский государственный
университет имени Я. Купалы

Поступила в редакцию 12.02.2025

Интертекстуальность в романе Дай Сицзе (Dai Sijie) «Balzac et la petite tailleuse chinoise»

А.А. КИРЮШКИНА

Роман французского автора китайского происхождения Дай Сицзе «Бальзак и маленькая китайская швея» представляет собой уникальный пример интертекстуальности, где переплетаются западная литература, китайская культура и личный опыт автора. Интертекстуальность предполагает, что любой текст является частью сети других текстов, которые он цитирует, переосмысливает или с которыми вступает в диалог. В романе Дай Сицзе эта концепция проявляется через обращение к произведениям западной литературы, которые становятся не только важным сюжетным элементом, но и символическим мостом между культурами.

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекстуальные связи, текст, литературные произведения, культура.

Dai Sijie's novel «Balzac and the Little Chinese Seamstress» is a unique example of intertextuality, where Western literature, Chinese culture and the author's personal experience are intertwined. Intertextuality, as a concept introduced by Yulia Kristeva, assumes that any text is part of a network of other texts that it quotes, reinterprets, or engages in dialogue with. In Dai Sijie's novel, this concept is manifested through the appeal to the works of Western literature, which become not only a plot element, but also a symbolic bridge between cultures.

Keywords: intertextuality, intertextual relations, text, novels, culture.

В лингвистике текст определяется как любая связная и осмысленная последовательность устной или письменной речи. Это может быть произведение литературы, статья, письмо, разговор или даже короткое сообщение. Основными характеристиками текста являются его целостность и структурированность. Текст также должен соответствовать определённым коммуникативным целям и быть адаптирован к своей аудитории. Иными словами, представляет собой «словесное художественное произведение, представляющее реализацию концепции автора, созданную его творческим воображением индивидуальную картину мира, воплощённую в ткани художественного текста при помощи целенаправленно отобранных в соответствии с замыслом языковых средств (в свою очередь, также интерпретирующих действительность), и адресованное читателю, который интерпретирует его в соответствии с собственной социально-культурной компетенцией» [1, с. 45].

Однако тексты не существуют изолированно, а являются частью более широкой текстовой сети и культурного контекста, взаимодействуя с другими текстами. Это может происходить через цитирование, аллюзии, эхо, пародию и другие формы отсылок к другим литературным произведениям, культурным кодам или историческим событиям. Таким образом, становится очевидным, что способность текста взаимодействовать с другими текстами является его неотъемлемым коммуникативным свойством, «одной из основополагающих категорий текста художественного произведения, представляя собой многомерную смысловую связь, бесконечный диалог с другими текстами и явлениями культуры» [2, с. 183].

Авторство идеи представления мировой литературы как универсального интертекста, все составные части которого находятся в условиях непрерывного взаимодействия, равно как и термина «интертекстуальность» (фр. *intertextualité* от лат. *inter* – «между», *intertextum* – «вплетенное внутрь») принадлежит Юлии Кристевой, развившей идеи Михаила Бахтина о диалогичности текста, о текстах как диалогах между различными голосами культуры [3]. Термин вводится исследовательницей для обозначения общего свойства текстов, выражающегося в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга.

В дальнейшем концепция интертекстуальности была расширена другими теоретиками. В частности, Ролан Барт утверждал, что всякий текст является пересечением текстовых поверхностей, а не оригинальным и самостоятельным творением: «*Tout texte est un intertexte; d'autres textes sont présents en lui, à des niveaux variables, sous des formes plus ou moins reconnaissables*» [4, p. 97].

Интертекстуальные связи, представляя собой отношения между текстами, возникающие, когда один текст явным или неявным образом ссылается на другой, обогащают содержание текста, связывая его с более широкими литературными, культурными и историческими контекстами, давая возможность тексту «разговаривать» с другими текстами, поддерживая, опровергая или дополняя их идеи.

«*Balzac et la petite tailleuse chinoise*», роман французского автора китайского происхождения Дай Сицзе (Dai Sijie), представляет собой уникальный пример интертекстуальности, где переплетаются западная литература, китайская культура и личный опыт автора.

Действие романа разворачивается в период Культурной революции в Китае (1966–1976), когда массово практиковалась отправка городской образованной молодёжи в провинцию для перевоспитания через труд с целью уменьшения разрыва между городскими и сельскими районами и воспитания нового поколения, преданного коммунистическим идеалам. Книги, музыка, театр и другие формы культурного выражения, которые не соответствовали идеологии партии, были запрещены и уничтожены. Исторический контекст имеет решающее значение для понимания событий и персонажей в романе.

Главные герои, два молодых человека, отправлены в далекую горную деревню для перевоспитания, что является центральным элементом сюжета. Один из них является рассказчиком, описывающим, как интерес к литературе и влияние его друга на деревенскую швею приводят к трансформации наивной необразованной китайской девушки в женщину, стремящуюся к лучшей жизни.

При этом рассматриваемое произведение – это не роман о китайской культурной революции и не роман о перевоспитании молодежи в период китайской культурной революции; это история любви и «*un livre sur les livres*» [5, p. 97] (книга о книгах). Эту мысль высказывает и сам автор: «*mon intention n'a jamais été de faire une thèse sur la Révolution Culturelle, mais seulement de raconter une histoire d'amour et d'amitié entre trois adolescents liés par la découverte frauduleuse d'une littérature censurée*».

Роман содержит множество упоминаний западных писателей (Гюго, Стендаль, Дюма, Флобер, Бодлер, Ромен Роллан, Руссо, Диккенс, Киплинг и, конечно, Бальзак) и их произведений. Эти книги становятся для героев окном в другой мир, источником вдохновения и способом сопротивления идеологическому давлению. Чтение запрещенной в тот период литературы приводит к переосмыслению персонажами представлений о любви, свободе, личностном росте, границах возможного.

Само название «*Balzac et la petite tailleuse chinoise*», задающее тон и тематический фокус произведения в целом, говорит о важности литературных произведений для развития сюжета, о трансформационном влиянии литературы на главных героев, буквально открывших для себя новый мир идей, резко контрастировавший с идеологическими ограничениями их собственной культуры. Необычно и чарующе звучит для них само имя французского писателя: «*une beauté inhabituelle*», «*une saveur exotique, sensuelle, généreuse*».

Первое же прочитанное произведение «*Ursule Mirouët*», производит мощное впечатление, открыв доселе неизвестный мир чувств и желаний: «*Imaginez un jeune puceau de dix-neuf ans, qui somnolait encore dans les limbes de l'adolescence, et n'avait jamais connu que les bla-bla révolutionnaires sur le patriotisme, le communisme, l'idéologie et la propagande. Brusquement, comme un intrus, ce petit livre me parlait de l'éveil du désir, des élans, des pulsions, de l'amour, de toutes ces choses sur lesquelles le monde était, pour moi, jusqu'alors demeuré muet*» [6, с. 72]. Произведения французского писателя становятся для героев не только источником знаний о любви, страсти и человеческих отношениях, но и символом интеллектуальной свободы. Через чтение Бальзака герои открывают для себя новые горизонты, которые противоречат официальной идеологии того времени.

Не меньшее влияние оказало на «перевоспитываемых» творчество Ромена Роллана, французского писателя, музыковеда, обладателя Нобелевской премии по литературе. Его роман «Jean-Christophe» рассказывает о жизни немецкого музыканта, который борется за своё искусство и личные убеждения в условиях социальных и политических потрясений Европы.

В контексте романа Дай Сицзе, «Jean-Christophe» Ромена Роллана помогает персонажам расширить свои взгляды, развить критическое мышление и моральную смелость, что становится для них способом интеллектуального и духовного освобождения: «Jusqu'à cette rencontre volée avec Jean-Christophe, ma pauvre tête éduquée et rééduquée ignorait tout simplement qu'on pût lutter seul contre le monde entier» [6, с. 137].

Важную роль в развитии сюжета и персонажей играет Александр Дюма и его знаменитый роман «Le comte de Monte-Cristo», история о предательстве, мести и искуплении, которая вдохновляет персонажей на размышления о собственной судьбе и возможностях изменить свою жизнь. Читая роман, персонажи находят мотивацию и силы бороться с несправедливостью и ограничениями, которые налагает на них общество и политическая система времен культурной революции. Книга становится символом надежды и веры в возможность личного освобождения и трансформации, что особенно характерно для персонажа китайской швеи.

Швея, изначально простая и наивная девушка, чья жизнь в буквальном смысле слова ограничена границами деревни и традиционными культурными ценностями, где чувства подчинены долгу и господствующим в то время социальным нормам. «Tu me trouves sûrement aussi idiotе qu'un chien qui court pour chercher l'os qu'on a lancé. Je ne suis pas une de ces jeunes filles françaises de Balzac. Je suis une fille de la montagne. J'adore faire plaisir à Luo, point final» [6, с. 180].

Она сосредоточена на выполнении повседневных обязанностей, не видит себя за пределами роли деревенской швеи и вдруг впервые посредством книг сталкивается с миром, выходящим за пределы её деревенской реальности.

Произведения Бальзака, повествующие о страстной любви, становятся для нее откровением. «Ce vieux Balzac, ... , est un véritable sorcier qui a posé une main invisible sur la tête de cette fille; elle était métamorphosée, rêveuse, a mis quelques instants avant de revenir à elle, les pieds sur terre» [6, с. 78].

Девушка начинает понимать, что существуют иные формы любви, страсти и человеческих отношений, которые радикально отличаются от её собственного опыта. Книги становятся для неё окном в мир, где эмоции и чувства имеют глубину и сложность; зеркалом, в котором она видит свои собственные желания и стремления. Она начинает осознавать, что её жизнь может не ограничиваться ролью деревенской швеи, что она может стремиться к чему-то большему, начинает мечтать о жизни, полной эмоций и событий, которые выходят за рамки её деревенского существования. Это первый шаг к её внутреннему бунту.

Каждая книга становится для неё ступенью к новому пониманию себя и мира. Литература не только расширяет её кругозор, но и пробуждает в ней стремление к свободе и самореализации, открывает ей идею свободы как внутреннего состояния. Она видит, что героини, как Эмма Бовари, например, стремятся к чему-то большему, чем окружающая их реальность, открывает для себя новые представления о жизни, которые радикально отличаются от её прежнего мировоззрения. Эти идеи становятся для неё источником вдохновения и стремления к переменам. В результате, швея начинает задумываться о своей собственной жизни и своем месте в мире.

Девушка начинает мечтать о свободе – не только физической, но и эмоциональной, интеллектуальной. Она понимает, что свобода – это право на собственный выбор, даже если этот выбор противоречит общественным нормам. Это осознание становится ключевым моментом её трансформации.

К концу романа швея полностью меняется. Она больше не та наивная девушка, которой была в начале. Книги открыли ей новые горизонты, изменили её. Она больше не хочет быть деревенской «маленькой китайской швеей», не хочет ограничиваться ролью, навязанной ей обществом, и решает уехать из деревни, чтобы начать новую жизнь. Книги стали для неё не просто источником знаний, но и инструментом освобождения. Они помогли ей осознать свою индивидуальность и стремление к свободе. Её решение покинуть деревню в конце ро-

мана символизирует стремление к самореализации и поиску собственного пути: «Je ne pouvais en croire mes propres yeux : la scène se figea en une image fixe. La fille en veste d'homme, aux cheveux courts et chaussures blanches, assise sur le rocher, resta immobile, tandis que le garçon, allongé sur le sol, regardait les nuages au-dessus de sa tête» [6, с. 227].

Роман Дай Сицзе построен на диалоге между китайской и западной культурами. Книги западных авторов, запрещённые в то время в Китае, становятся для героев способом понять себя и мир. Чтение и пересказ запрещённых книг становятся актом неповиновения, способом сохранить свою индивидуальность. Герои не просто читают книги, но и переосмысливают их, создавая свои собственные интерпретации.

При этом автор не противопоставляет культуры, а показывает, как они могут обогащать друг друга: через чтение западной литературы герои начинают лучше понимать свои собственные чувства и переживания. Через обращение к западной литературе автор не только рассказывает историю своих героев, но и поднимает вопросы о роли искусства, свободе и человеческой индивидуальности. Книги становятся не просто текстами, а живыми символами, которые помогают героям выжить и найти свой путь.

Таким образом, интертекстуальность в романе Дай Сицзе – это не только литературный приём, но и глубокий философский комментарий о силе слова и его способности преодолевать границы времени и пространства.

Литература

1. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М. : Флинта: Наука, 2005. – 495 с.
2. Рябко, Е. И. Библейские интертекстуальные включения в аспекте филологической герменевтики (на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводов) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. И. Рябко ; Тихоокеанский гос. ун-т. – Хабаровск, 2019. – 208 с.
3. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика : От структурализма к постструктурализму ; пер. с франц., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : ИГ Прогресс, 2000. – С. 427–457.
4. Barthes, R. Théorie du texte / R. Barthes // Encyclopaedia universalis France. – 1973. – Vol. 15. – 1015 p.
5. Fritz-Ababneh, D. L'intertextualité dans Balzac et la Petite Tailleuse chinoise de Dai Sijie / D. Fritz-Ababneh // Dalhousie French Studies. – 2006. – Vol. 77. – P. 97–113.
6. Sijie, D. Balzac et la Petite Tailleuse chinoise / D. Sijie. – P. : Gallimard, 2017. – 222 p.

Комбинаторика элементов сочинительной конструкции во французском языке

Ю.В. ОВСЕЙЧИК

В статье на материале статистически значимых сочетаний французских многозначных сочинительных союзов и их конкретизаторов исследуется ограниченность их комбинаторного потенциала. Рассматривается частный случай общей тенденции к конкретизации семантики сочинительного союза, приводящей к появлению новой связующей единицы в современном французском языке. **Ключевые слова:** сочинительные союзы, конкретизаторы, сочетаемость элементов, грамматикализация, корпусные данные, статистическая значимость, французский язык.

This article examines the constrained combinatorial potential of French polysemous coordinating conjunctions by analyzing their statistically significant combinations with specifiers. A key case study explores the general tendency for semantic specification of the coordinating conjunction, a process that results in the creation of a new connective unit in modern French.

Keywords: coordinating conjunctions, specifiers, combinability of elements, grammaticalization, corpus data, statistical significance, French.

Многозначность сочинительных союзов, представляющих собой закрытый класс слов, снимается с помощью разнообразных элементов, следующих после союза и конкретизирующих его значение. В исследованиях взаимодействия значения единиц внутри сочинительной конструкции в русской грамматической традиции широко известна теория «вторых союзных элементов», или «конкретизаторов» (см. также «союзный функтив» (М.И. Черемисина, Т.А. Колосова, 1987), «союзная скрепа» (А.Ф. Прияткина, 2001; М.И. Конюшкевич, 2023) и т. п.). Теоретически исчисляемый тысячами вариантов комбинаторный потенциал союзов и их конкретизаторов, по мнению В.З. Санникова [1, с. 177], нуждается в изучении.

Комбинаторика элементов сочинительной конструкции демонстрируется на примере многозначных союзов *et* ‘и’, *ou* ‘или’ и *mais* ‘но’ в современном французском языке. Отметим, что сочетания французских сочинительных союзов и их конкретизаторов изучены фрагментарно, часто в рамках анализа устного дискурса [2], [3], [4]. Предлагаемый нами комплексный подход, сочетающий корпусные¹ методы обработки больших массивов текстов, включая использование статистических мер устойчивости сочетаний [6, с. 343–357] и частотное распределение единиц в диахронии, и функционально-семантический анализ контекстов, направлен на квантификацию комбинаторных потенциалов сочинительных союзов и их конкретизаторов и выявление статистически устойчивых сочетаний, претендующих на статус новых связующих элементов в современном французском языке.

В результате анализа биграмм, содержащих союзы *et* ‘и’, *ou* ‘или’ и *mais* ‘но’, с последующей выдачей корпус-менеджером результатов, снабженных статистическими показателями об их устойчивости (t-score, Dice, MI), установлено 43 языковых единицы, регулярно функционирующих в роли их конкретизаторов. Количество зафиксированных в сегменте корпуса Frantext с 2000 г. по настоящее время коллокаций союзов и конкретизаторов как статистически устойчивых сочетаний конечно и сводимо к 83 комбинациям (один из трех союзов и один из 43 конкретизаторов), что свидетельствует о наличии формальных и содержательных ограничений. Ср.: *et puis*, *et au contraire*, *et aussi*, *et ainsi*, *mais au contraire*, *mais aussi*, *mais enfin*, *mais alors*, *ou alors*, *ou encore*, *ou au contraire*, *ou sinon* и т. п.

Языковые единицы демонстрируют различную вовлеченность в процесс конкретизации в качестве второго союзного элемента в сочинительной конструкции с многозначными союзами. Разная интенсивность проявления процесса их конкретизации объективируется в относительных показателях: количество зафиксированных в корпусе сочетаний союза с его конкретизаторами относительно общего количества вхождений этого союза (см. таблицу 1).

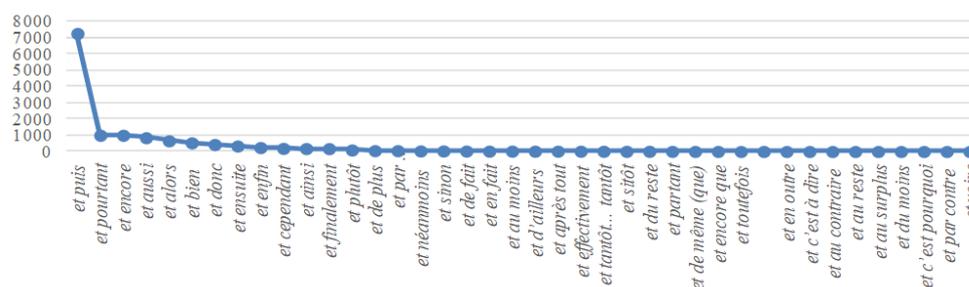
¹ В исследовании используются данные Национального корпуса французского языка Frantext [5].

Таблица 1 – Показатели конкретизации союзов *et*, *ou*, *mais* в сегменте корпуса Frantext с 2000 г. по настоящее время

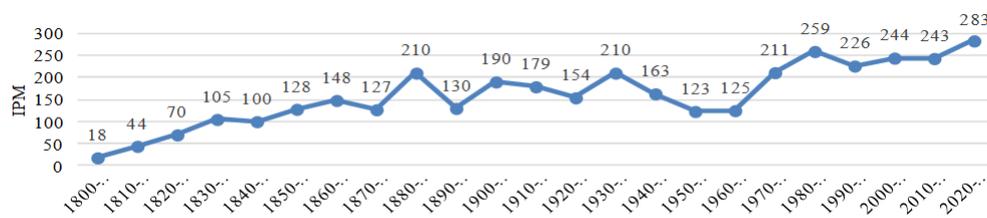
Союзы	Общее количество вхождений в корпусе	Из них, с конкретизаторами		Из них, с частотным конкретизатором		
		ед.	%	второй элемент	ед.	%
<i>et</i>	54 802	13 332	24,32	<i>puis</i>	7257	54,43
<i>mais</i>	50 294	3364	6,69	<i>aussi</i>	1372	40,78
<i>ou</i>	46 960	5324	11,33	<i>bien</i>	2584	48,53

Наибольший показатель конкретизации зафиксирован у соединительного союза *et*, значение которого уточняется в четверти от всех вхождений союза, для двух других союзов этот процесс затрагивает не более чем каждый десятый случай их вхождения. Ведущую роль в процессе конкретизации того или иного союза выполняют разные элементы: для союза *et* преимущественно используется наречие *puis*, для союзов *ou* и *mais* характерно преобладание в постпозиции к союзу наречий *bien* и *aussi* соответственно. Доля сочетаний других вторых союзных элементов в постпозиции к исследуемым союзам варьируется от 0,008 % до 19,13 %.

В фокусе нашего исследования находится наиболее частотное сочетание *et puis*, представляющее собой как ключевой пример тенденции к семантической конкретизации союза *et*. Используемые разнообразные конкретизаторы, ранжированные по абсолютному количеству вхождений в корпусе, приведены на рисунке 1.

Рисунок 1 – Количество вхождений сочетания союза *et* и его конкретизаторов в сегменте корпуса Frantext с 2000 г. по настоящее время

Для установления динамики употребительности сочетания *et puis* использовалась статистическая мера ИРМ (частотность на один миллион словоупотреблений) на диахроническом отрезке современного французского языка с 1800 г. по настоящее время с десятилетним интервалом с использованием функционала корпус-менеджера (см. рисунок 2).

Рисунок 2 – Частотное распределение союзного сочетания *et puis* в диахронии

Построенный график кривой частотного распределения сочетания *et puis* отражает его растущую употребительность с множественными флуктуациями в определенные периоды².

Исходя из положений теории грамматикализации Кр. Лемана [8] мы квалифицируем сочетание *et puis* как грамматикализованный элемент по ряду существенных формальных и содержательных оснований: 1) рост употребительности (см. диаграмму на рисунке 3); 2) формальная нерасчлененность (отсутствие в корпусе контекстов, в которых между двумя элементами сочетания имеется любой другой вставной элемент (например: **et < alors, enfin, bien* и т. д. *> puis*) (ана-

² Отметим, что автором отдельно исследовался процесс конъюнкционализации наречия *puis* [7].

логичным образом трактуется сочетание *ou bien* в [9, p. 950]); 3) пропозициональное и иллокутивное употребление (о разграничении семантики выражаемого логико-семантического отношения (далее – ЛСО) и уровня анализа, на котором оно устанавливается³ см. в [11, с. 64–67]); 4) рост количества устойчивых соединений сочетания *et puis* с разного рода другими уточнителями; 5) семантическая нерасчлененность и контекстная обусловленность значения.

В линейной структуре высказывания союзное сочетание *et puis* проявляет характерные для союза *et* формальные свойства при соединении непредикативных и предикативных синтаксических компонентов при пропозициональном употреблении. Так, правила сочинительного сокращения (см., например, опущение одного из элементов сочиненной синтагмы во французском языке в [12]) приводят к опущению как части клаузы, описывающей следующую по времени ситуацию, совпадающей с частью предшествующей клаузы *Pietro avait tant d'amis, il y avait aussi toute sa famille, venue des quatre coins de Sicile, et puis [il y avait aussi] ses ouvrières*⁴ ‘У Пьетро было так много друзей, была еще вся его семья, приехавшая со всей Сицилии, и потом [были еще] его рабочие...’⁵ (L. Colombani, 2017), так и второго кореферентного подлежащего-местоимения *Il ne s'enfuit point. Mais tourna bride sans heurtements, et puis [il] s'en fut au pas et quitta la clairière* ‘Он не стал убегать. Вместо этого он плавно развернулся, затем [он] перешел на прогулочный шаг и покинул поляну’ (P. Pelot, 2003). При опущении части клаузы сочетание *et puis* фиксируется в 17 % из 200 контекстов рандомной выборки на сегменте корпуса с 2000 г. по настоящее время. В остальных контекстах рассматриваемое сочетание соединяет предикативные компоненты при кореферентных субъектах с повтором подлежащего-местоимения *Tu ouvres les bras, droit devant toi, et puis tu fais un demi-cercle avec chacun* ‘Ты вытягиваешь руки прямо перед собой и потом ты делаешь полукруг каждой из них’ (Z. Mekouar, 2022) и при разнореферентных субъектах *Éric avait eu peur en commençant et puis ça s'était calmé* ‘Эрику было страшно начинать, но потом все успокоилось’ (Ch. Angot, 2006).

О семантической многозначности сочетания *et puis* свидетельствуют результаты анализа коллокаций с ключом *et puis*, которые демонстрируют тенденцию к увеличению количества соединений сочетания *et puis* с разного рода другими уточнителями с 3,57 % до 7,62 % на протяжении последних двух столетий (см. таблицу 2).

Таблица 2 – Динамика употребительности союзного сочетания *et puis* с конкретизаторами

Союзное сочетание <i>et puis</i>	1800–1899 гг.		1900–1979 гг.		1980–1999 гг.		2000–2029 гг.	
	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%
	8970	100	16983	100	7038	100	7257	100
Из них:								
<i>et puis encore</i>	84	0,94	107	0,63	14	0,20	31	0,43
<i>et puis après</i>	74	0,82	217	1,28	91	1,29	66	0,91
<i>et puis tout à coup</i>	40	0,45	71	0,42	13	0,18	26	0,36
<i>et puis aussi</i>	28	0,31	116	0,68	66	0,94	43	0,59
<i>et puis surtout</i>	28	0,31	25	0,15	39	0,55	90	1,24
<i>et puis (tout) d'un coup</i>	22	0,24	88	0,52	15	0,23	32	0,44
<i>et puis un jour</i>	13	0,14	54	0,32	45	0,64	94	1,30
<i>et puis ensuite</i>	9	0,10	31	0,18	20	0,28	26	0,36
<i>et puis alors</i>	6	0,07	55	0,32	24	0,34	7	0,10
<i>et puis soudain</i>	3	0,03	51	0,30	30	0,43	49	0,68
<i>et puis en fait</i>	1	0,01	2	0,01	0	0,00	7	0,10
<i>et puis aussitôt</i>	2	0,02	4	0,02	0	0,00	1	0,01
<i>et puis un matin</i>	1	0,01	1	0,01	3	0,04	13	0,18
<i>et puis de toute façon</i>	0	0,00	14	0,08	19	0,27	13	0,18
<i>et puis hop</i>	0	0,00	0	0,00	1	0,01	4	0,06
<i>et puis stop</i>	0	0,00	0	0,00	0	0,00	1	0,01
<i>et puis tous les soirs</i>	0	0,00	0	0,00	0	0,00	1	0,01
Всего	320	3,57	938	5,52	425	6,04	553	7,62

³ Иллокутивное употребление, т. е. оформление ЛСО между речевыми актами, детально рассмотрено в [10], например: *Attendez qu'il fasse beau, et puis pour le moment je suis trop fatiguée* ‘Дождитесь хорошей погоды, и потом сейчас я слишком утомлена’, заслуживает отдельного исследования.

⁴ Здесь и далее используются примеры из корпуса Frantext [5].

⁵ Здесь и далее – перевод наш (Ю.О.).

В линейной структуре предложения сочетание *et puis* с конкретизаторами, большинство из которых являются темпоральными уточнителями (*alors, ensuite, soudain, tout à coup*) и могут выполнять коннективную функцию самостоятельно, проявляет схожие строительные свойства с союзом *et*, соединяя непредикативные компоненты *Il aime bien raconter ses vacances, le tour en chateau, un thé dans le désert, l'hôtel très luxueux avec piscine, et repas à volonté, le soir des animations type danse du ventre, et puis aussi la visite au souk, le marché aux épices* 'Он с удовольствием рассказывает о своем отдыхе: прогулка на верблюдах, чай в пустыне, роскошный отель с бассейном и едой на любой вкус, развлечения в виде танца живота по вечерам, а потом еще посещение ярмарки, рынка специй' (J. Meizoz, 2017); предикативные компоненты при кореферентных субъектах с опущением или без второго подлежащего-местоимения: *Ils changèrent la torche deux fois, et puis ensuite ne s'en préoccupèrent plus et laissèrent Claudi dans le noir* 'Они дважды меняли фонарь, а потом забыли о нем и оставили Клоду в темноте' (P. Pelot, 2003); *On parle dans le vide devant une idiote, et puis tout d'un coup on s'aperçoit que c'est une femme qui réfléchit, qui pense* 'Вы говорите в пустоту в присутствии идиотки, а потом вдруг понимаете, что она – женщина, которая размышляет, думает' (L. Aragon, 1947).

В зависимости от контекстного окружения союзное сочетание *et puis* профилирует нетемпоральные и темпоральные ЛСО вследствие недифференцированного значения союза и полисемии наречия. Так, для многозначного союза *et* свойственно оформлять ЛСО множеством из однопорядковых и разнопорядковых сущностей, одновременности без сопоставления, сопоставления, последовательности и следствия [13]. В лексикографических источниках единица *puis* толкуется как наречие для ввода «un élément qui vient s'ajouter à un élément précédent, dans le temps ou l'espace» 'элемента, который добавляется к предыдущему элементу во времени или пространстве' [13]. Для установления сферы действия союзного сочетания *et puis* мы исходим из уточненных И.М. Кобозевой представлений о структуре полисемии русских наречий *затем* и *потом* и их французских эквивалентов *puis* и *ensuite*, в которой выделяются темпоральные (временного следования и последовательные этапы одного сценария) и нетемпоральные (локативное, списочное, иерархическое и аддитивное) значения [14]. Сферы действия союзного сочетания *et puis* проиллюстрируем на примерах, которые приводятся согласно их встречаемости в корпусе.

Темпоральная семантика. При оформлении ЛСО между отделенными временным интервалом ситуациями P_1 и P_2 , которые мыслятся как самостоятельные или являются этапами единого сценария, профилируется темпоральная семантика сочетания *et puis* вследствие действия аддитивного принципа его построения (когда значение целого равно сумме значений компонентов).

Кодируя порядок следования двух ситуаций во времени (о темпоральной локализации одной ситуации относительно другой подробно в [14, с. 213–214]), союзное сочетание *et puis* локализует по времени одну ситуацию P_2 относительно другой P_1 , указывая на ее отношение ко времени другой ситуации в интервале T_1 и T_2 , и не всегда способствует однозначному определению временного интервала между ними, обозначая как недифференцированный, так и дифференцированный временной интервал. Относительность интервала задается контекстом ситуации, т. е. масштабностью ситуаций P_1 и P_2 : «для простых физических действий это могут быть секунды, а для социальных действий, служащих вехами биографии человека или истории страны – годы» [14, с. 224]. Ср.: *Ils tournèrent un peu autour du feu qui s'éteignait et puis Mansuy s'en approcha et contempla longuement les braises* 'Некоторое время они ходили вокруг угасающего костра, потом Мансуй подошел к нему и долго смотрел на угли' (P. Pelot, 2003); *Et je voudrais parler à quelqu'un. J'avais des amis pour tous les moments de la vie, et puis les amitiés se sont estompées* 'Мне бы хотелось с кем-нибудь поговорить. Раньше у меня были друзья на все случаи жизни, а потом дружба рассеялась' (J. Bonnie, 2013).

Неоднозначность временного интервала между P_1 и P_2 требует уточнения его величины, что эксплицируется введением дополнительных показателей, маркирующих его относительно момента речи либо точки отсчета *C'était bientôt Noël. Je redoutais tellement ce qui allait se passer d'ici. Une heure. D'ici deux heures. D'ici cette nuit. Et puis le lendemain* 'Приближалось Рождество. Я так боялся того, что произойдет дальше. Через час. Через два часа. Сегодня вечером. А

потом и на следующий день' (Gr. Bouillier, 2017); времени другой ситуации *Nous avons petit-déjeuné pendant près de deux heures, discutant de tout et de rien, riant jusqu'à nous étouffer avec nos tartines de beurre et de miel. Et puis, mon père est venu me chercher en fin de matinée* 'Мы завтракали почти два часа, говорили обо всем на свете, смеялись, едва не подавившись тостами с маслом и медом. А потом к полудню за мной приехал отец' (A.-S. Brasme, 2001); длительности *Nous sommes restés quatre ans ensemble. Je refusais de m'avouer l'évidence. Et puis, peu à peu, ma vérité s'est dessinée* 'Мы были вместе четыре года. Я отказывалась признать очевидное. И потом потихоньку начала узнавать правду' (M. Jung, 2018); повторяемости *L'après-midi, des parents vinrent de Paris pour la première fois depuis que nous étions là et puis ensuite chaque semaine* 'Во второй половине дня из Парижа приехали родители – впервые за все время нашего пребывания там, а затем – каждую неделю' (L.-F. Céline, 1932).

Поскольку связь между ситуациями P₁ и P₂ может иметь не непосредственный наблюдаемый характер, сочетание *et puis* используется для профилирования производной ситуации (события, состояния, свойства объектов), которая зависит от вмешательства субъекта или его психоэмоционального состояния, например: *De ce jour, mon père n'a plus parlé. Ni à maman, ni à Lucas, ni à moi, ni à personne, jamais. Parce qu'il était trop triste, et qu'il avait tout dit. Et puis il est tombé malade* 'С того дня мой отец больше никогда не разговаривал. Ни с мамой, ни с Лукасом, ни со мной, ни с кем и никогда. Потому что ему было слишком грустно, и он уже все сказал. А потом он заболел' (S. Chalandon, 2009).

Использование дополнительных уточнителей позволяет выводить в фокус неожиданность следствия: *Je voyais bien qu'il y avait un truc qui allait pas. Et puis boum, un jour j'avais trouvé un truc bien dégueulasse* 'Я понимала, что что-то не так. А потом, бац, в один прекрасный день я обнаружила нечто действительно отвратительное' (Ad. Dieudonné, 2021).

Темпоральная семантика сочетания *et puis* предполагает не только две и более последовательные ситуации, но и последовательные этапы одного сценария (два и более), которые репрезентируют усиление / ослабление проявления одного из признаков *Je me rappelle sa voix: flûtée par instants, et puis grave, parfois enfantine* 'Я помню ее голос: временами хриплый, потом глубокий, иногда детский' (Gr. Bouillier, 2017); *La fièvre l'a saisie, une très forte, mais elle alors c'était la grippe et puis ensuite la pneumonie* 'У нее поднялась температура, очень высокая, но потом был грипп, а затем пневмония' (L.-F. Céline, 1936); противопоставляются *Ce matin, le feu ne prenait pas et il faisait -23° dehors. On a claqué des dents jusque vers 10 heures et demie, il faisait 3° ou 4° dans notre local et puis tout à coup le feu a pris et en peu de temps a transformé la pièce en fournaise* 'Утром огонь не хотел разгораться, а на улице было -23°. Мы стучали от холода зубами до 10.30, внутри было 3° или 4°, а потом вдруг огонь разгорелся, и в мгновение ока вся комната превратилась в печку' (J.-P. Sartre, 1983); чередуются *Les vibrations emplissent la salle à manger. Des couverts tintent sur les assiettes, des rires, des voix s'élèvent au-dessus de la conversation, et puis l'intensité sonore diminue, des apartés, chuchotements, et puis de nouvelles exclamations, des rires encore* 'Столовая наполнилась вибрацией. Звяканье столовых приборов о тарелки, смех, голоса, поднимающиеся над разговором, затем интенсивность звука уменьшается, отступления, шепот, затем новые восклицания, снова смех' (J. Chantreau, 2016); неоднократно повторяются с определенной периодичностью: *Rabut aime bien lever le coude au foyer, et puis jouer aux cartes et puis peut-être fumer avec les copains, et rigoler* 'Рабут любит выпивать дома и потом поиграть в карты, и потом, может быть, покурить с друзьями, посмеяться' (L. Mauvignier, 2009).

Нетемпоральная семантика. При описании наблюдаемого движения объектов друг за другом по одной траектории у наречия *puis* профилируется пространственная семантика, которая сохраняется в ряде контекстов и с сочетанием *et puis*. Ср.: *Il se lève lourdement. Il prend appui sur le sol, puis la chaise, puis la table* 'Он тяжело поднимается. Он цепляется за пол, далее за стул, далее за стол' (S. Chalandon, 2006); *Ce sont des triplés, madame. J'en vois bien trois. (Elle détailla l'écran.) Là, ici et puis ici, à ne plus en douter* 'Это тройняшки, мадам. Я вижу их троих. (Она подробно рассматривает экран.) Вот здесь, здесь и дальше здесь, так что сомнений нет' (Barcella, 2021); *Nicole avait mis la main sur le volant pour le redresser. Et puis, devant*

nous, il y avait le pinceau des phares et personne, pas une voiture dans la nuit. Et puis quelques ronds-points et surtout la neige qui tombait en petits flocons minces et furieux ‘Николь положила руку на руль, чтобы выровнять его. И потом перед нами показался свет фар, и никого, ни одной машины в ночи. И потом несколько перекрестков с круговым движением и, самое главное, снег, падающий мелкими, яростными хлопьями’ (L. Mauvignier, 2009).

Аккумулятивный принцип построения сочетания *et puis* (когда значение целого не равно сумме значений компонентов) предопределяет его использование для оформления ЛСО включенности, добавления, иерархии.

При помощи данного сочетания вводимый объект включается в ряд однородных объектов при перечислении (см. «списочное» значение в [14, с. 221]). Списочная семантика *et puis* профилирует формирование множества упорядоченных элементов, например: *Avec l'âge, avec la vieillesse qui venait, donc, avec ses deux fils aussi qui grandissaient, les petits-enfants qui arrivaient, et puis les neveux et nièces, et puis les cousins et cousines, et puis les amies et les amis, et puis le souvenir d'Henriette qui avait vécu là pendant Presque toute la dernière guerre, bref: pour toutes ces raisons, elle avait donc à la longue fini par réaliser qu'elle tenait à cette maison bien plus qu'elle ne l'aurait jamais pensé* ‘С возрастом, с наступлением старости, с взрослением двух сыновей, с появлением внуков, потом племянников и племянниц, потом кузенов, потом друзей, потом воспоминания об Анриетте, которая прожила здесь почти всю последнюю войну, короче: по всем этим причинам в конце концов она поняла, что этот дом значит для нее больше, чем она когда-либо думала’ (J.-L. Benoziglio, 2004).

В корпусе фиксируются контексты, в которых союзное сочетание *et puis* маркирует отношение добавления элемента во множество (об ЛСО добавление см. подробно в [11, с. 85–89, 308]), реализованного как в рамках простого предложения *Si y en avait dans ce village qui avaient pas peur de la forêt et puis des montagnes, en hiver, avec la neige, vous les auriez vues, ses empreintes* ‘Если бы в этой деревне были те, кто не боится леса, да еще и гор зимой со снегом, вы бы увидели их следы’ (A. Sabot, 2020); так и между смысловым содержанием связанных этим отношением предложений *Tu ne peux pas savoir ce qu'elle te coûte, la toiture à refaire, l'électricité à installer, l'entretien... la moitié de ce que je gagne y passe... Et puis elle est trop grande pour moi cette maison* ‘Ты не представляешь, во что мне это обходится: перекладка крыши, электрика, содержание... Половина того, что я зарабатываю, уходит на это. Кроме того, этот дом слишком велик для меня’ (J.-B. Pontalis, 2004).

В контекстах такого рода используются уточнители с аддитивной семантикой, например: *Elle passe pas mal de temps avec ma mère, elle lui raconte ses recherches, et puis aussi d'autres choses car c'est ma mère qui arrive le mieux à la faire parler* ‘Она проводит много времени с моей мамой, рассказывая ей о своих исследованиях и еще о других вещах, потому что именно моя мама заставляет ее говорить’ (D. de Pvigan, 2007).

Значение, связанное с идеей иерархии, основано на важности действий, предопределяющих порядок их осуществления. Союзное сочетание *et puis* вводит второстепенный по значимости объект среди перечисленных: *Je n'achetais pas à manger, je finissais les dernières courses, les pâtes, le riz avec de la sauce tomate et puis sans sauce* ‘Еду не покупал, доедал последние запасы, макароны, рис с томатным соусом и затем без соуса’ (Ch. Akerman, 2013).

Таким образом, при общей тенденции к конкретизации семантики многозначных сочинительных союзов во французском языке обнаруживается ряд частных ее проявлений как по интенсивности самого процесса для каждого союза, так и по вовлеченности в него языковых единиц в качестве второго союзного элемента в сочинительной конструкции. Потенциально возможно намного меньше комбинаций между союзами и конкретизаторами. В редких случаях их совместная встречаемость может приводить к появлению устойчивого сочетания, что мы продемонстрировали на примере конъюнкционализации сочетания *et puis*. Союзное сочетание *et puis* является самостоятельным нерасчлененным связующим элементом непредикативных и предикативных компонентов, демонстрирующим разнообразие пропозиционального употребления и проявляющим комбинацию темпоральных и нетемпоральных значений, требующих дифференциации в ряде контекстов.

Литература

1. Санников, В. З. Русские сочинительные конструкции : (Семантика. Прагматика. Синтаксис) / В. З. Санников. – М., 1989. – 266 с.
2. Rossari, C. Les relations de discours : et puis, et alors, et donc / C. Rossari // Travaux de linguistique. – 2000. – № 40. – P. 87–104.
3. Molinier, C. Les marqueurs *mais enfin, mais pourtant* : entre concession et réfutation / C. Molinier // Langue française. – 2008. – № 158. – P. 45–60.
4. Badiou-Monferran, Cl. La combinatoire de [ET + ALORS] en diachronie longue / Cl. Badiou-Monferran, D. Capin // Travaux de linguistique. – 2024. – № 1 (88). – P. 75–101.
5. Национальный корпус французского языка. Frantext [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.frantext.fr>. – Дата доступа : 20.09.2025.
6. Хохлова, М. В. Экспериментальная проверка методов выделения коллокаций / М. В. Хохлова // Slavica Helsingiensia 34. Инструментарий русистики : Корпусные подходы ; под. ред. А. Мустайоки [и др.]. – Хельсинки, 2008. – С. 343–357.
7. Овсейчик, Ю. В. Полифункциональность французских лексем *puis* ‘потом’/ *ensuite* ‘затем’ / Ю. В. Овсейчик // Вестн. Мин. гос. лингвист. ун-та. – 2022. – № 5. – С. 121–133.
8. Lehmann, C. Thoughts on grammaticalization / C. Lehmann. – Erfurt, 2002. – 192 p.
9. Grande Grammaire Historique du Français / Ch. Marchello-Nizia [et al.]. – Berlin ; Boston : De Gruyter Mouton, 2020. – 1224 p.
10. Hansen, M.-B. Puis in spoken French : from time adjunct to additive conjunct? / M.-B. Hansen // Journal of French Language Studies. – 1995. – № 5. – P. 31–56.
11. Инькова, О. Связность текста : меререологические логико-семантические отношения / О. Инькова, Э. Манзотти. – М., 2019. – 376 с.
12. Touratier, C. Coordination et syntaxe / C. Touratier // L'Information Grammaticale. – 1990. – № 46. – P. 13–16.
13. Larousse [Ressource électronique]. – Mode d'accès : <https://www.larousse.fr/>. – Date d'accès : 20.09.2025.
14. Кобозева, И. М. Контрастивный когнитивно-семантический анализ наречий временного следования *затем, потом* в русском и *puis, ensuite* во французском языке / И. М. Кобозева // Lingue slave e lingue romanze a confronto : dalla frase al testo. Medi Azioni. – 2023. – № 36. – P. A212–A232.

Сродкі выражэння ацэначнай семантыкі ў ідыялекце Міхася Зарэцкага

Н.Я. ПЯТРОВА

У артыкуле прааналізаваны моўныя адметнасці ідыялекту Міхася Зарэцкага, якія тычацца наяўнасці індывідуальных змен у ацэначнай семантыцы адзінак мовы. Высвятляецца, што сродкі выражэння ацэнкі ў ідыялекце майстра слова з'яўляюцца паказчыкамі фрагмента індывідуальнай карціны свету пісьменніка, яго каштоўнасных арыенціраў. Адзначаецца, што як сродкі выражэння ацэнкі пісьменнік найчасцей выкарыстоўвае метафары, параўнанні, фразеалагізмы. Аўтарская перавага ў эксплікацыі ацэнак праявілася ў пашыраным ужыванні лексічных адзінак з дадатковай семай неадабрэння.

Ключавыя словы: мастацкі стыль, ідыялект, індывідуальная карціна свету, сродкі выражэння ацэнкі, метафара, параўнанне, фразеалагізм, канатацыя.

The article analyzes the linguistic features of Mikhail Zaretsky's idiolect, concerning the presence of individual changes in the evaluative semantics of language units. It turns out that the means of expressing appreciation in the writer's idiolect are indicators of a fragment of M. Zaretsky's individual worldview, his value orientations. It is noted that the writer most often uses metaphors, comparisons, and phraseological units as a means of expressing evaluation. The author's advantage in explication of assessments was manifested in the expanded use of lexical units with an additional scheme of disapproval.

Keywords: artistic style, idiolect, individual worldview, means of expressing evaluation, metaphor, comparison, phraseological unit, connotation.

Даследаванні ідыялектаў класікаў беларускай літаратуры дазваляюць прасачыць за фарміраваннем беларускай літаратурнай мовы ў межах індывідуальнага мастацкага маўлення. Творы Міхася Зарэцкага якраз і з'яўляюцца каштоўнымі крыніцамі для гэтага. Адметнасць тэкстаў пісьменніка вызначаецца суадносінамі паміж, з аднаго боку, маўленчым узусам беларускай мовы ў гады літаратурнай дзейнасці пісьменніка (1921–1936 гг.) і, з другога боку, шэрагам устойлівых моўных асаблівасцей, якія тычацца як наяўнасці індывідуальна-аўтарскіх слоў, так і індывідуальных спецыфічных рыс ва ўжыванні ўзуальных лексем, якія развілі нетрадыцыйныя значэнні [1, с. 83].

У змесце сродкаў выражэння ацэначнай семантыкі знаходзіцца інфармацыя аб уласцівасцях прагматыкону моўнай асобы М. Зарэцкага, якая сфарміравалася ў пэўным сацыякультурным асяроддзі. Такія лексічныя адзінкі ўжываюцца ў тэкстах аўтара намерана, з'яўляюцца паказчыкамі фрагмента індывідуальнай карціны свету носбіта ідыялекту, рэпрэзэнтантамі яго каштоўнасных арыенціраў. Да найважнейшых сродкаў выражэння ацэнкі ў тэкстах М. Зарэцкага адносяцца параўнанні і метафары.

Большасць кампаратываў дазваляе пісьменніку выражаць пеяратыўную ацэнку: *Цімафей Міронавіч ужо ўсміхаецца шырокаю, застылаю, як у жабы, усмешкаю* [Вязьмо; т. 3, с. 37]*; ... *вусы шавяліліся, як у таракана* [Адна партыя ў шашкі; т. 1, с. 167]; *Пачаў завіхацца каля людзей, ... вышукваў, вынюхваў, што хорт* [Вязьмо; т. 3, с. 122]; *Ты, як слімак, падпаўзеш да чужога і рад* [Ой, ляцелі гусі; т. 1, с. 446]; *А дзядзька зноў сёння набраўся быў, як свіння* [Максімаліст; т. 1, с. 408]; ... *яна гатова была ... кінуцца кошкай на беднага Славіна* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 217]; *Ён ... пайшоў прэч ... вялікі і нязграбны, як мядзведзь* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 358]; *Як каршун, упіваўся ў душу сваімі кіпцямі* [Мар'я; т. 1, с. 74]. У творах М. Зарэцкага даволі прадуктыўныя параўнанні, прадметам якіх з'яўляюцца лексемы *гадзюка*, *чарвяк*, *вужака*: ... *страх упіўся ў сэрца гадзюкаю чорнай* [Голы звер; т. 2, с. 47]; *Ён гадзюкай віўся навокал хаты* [Хвіліна; т. 1, с. 452]; *Смех шалёнай вужакай абвівае нутро ...* [Голы звер; т. 2, с. 6]; ... *рэўнасць дурная чарвяком атрутным шавялілася* [Бель; т. 1, с. 190]. Як бачна, у стварэнні параўнанняў, якія развіваюць адмоўныя канатацыі, М. Зарэцкі шырока выкарыстоўвае заанімы, і гэта ўзмацняе экспрэсіўную выразнасць аўтарскіх кантэкстаў.

* Тут і далей прыклады прыводзяцца паводле выдання: Зарэцкі, М. Збор твораў: у 4 т. / М. Зарэцкі. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1989–1992 [2] з пазначэннем назвы твора, тома і старонкі.

Герояў, да якіх пісьменнік ставіцца з пагардай, характарызуюць жывёльныя пачуцці. Такія ацэнкі-канатацыі выкарыстоўваюцца ў тэкстах пераважна як крыніца іроніі ў адпаведнасці з суб'ектыўнай каштоўнаснай карцінай свету.

Параўнанні дапамагаюць пісьменніку і ў адлюстраванні станоўчых аўтарскіх адносін да герояў твораў: *Настулька – як кветка, у вясельным убранні* [Як Настулька камсамолкай зрабілася; т. 1, с. 262]; *Але і ў яе ... вусны, як журавіны* [Голы звер; т. 2, с. 26]; ... *сінія вочкі яе пырхалі трапятлівымі васількамі ...* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 129]; ... *зграбная і прыгожая, як маладая сасонка* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 122]; ... *уяўляю сябе маленькай дзяўчынкай – бязвіннай, чыстай, як незабудка* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 236]; ... *ён глядзеў на гэту руку – кволую, як белая лілея ...* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 129]. Большасць кампаратываў, якія матывуюцца меліяратыўнай ацэнкай пісьменніка, М. Зарэцкі звязвае з назвамі расліннага свету. Вобразная ацэнка чалавека пры дапамозе фітонімаў ствараецца на аснове імпліцытнага суб'ектыўнага супастаўлення расліны з рысамі твару чалавека, асаблівасцямі яго паводзін. Ацэначныя фітонімныя кампаратывы дапамагаюць пісьменніку адлюстраванне унутраны свет чалавека, паглыбіць псіхалагізм аўтарскага тэксту.

Метафарычна ўжываючы лексічныя адзінкі, пісьменнік стварае для традыцыйных найменняў новы кантэкст, які мае ацэначнае значэнне: *І знаходзяцца яшчэ ішакі, якія, вульгарызуючы і прафануючы праўдзівыя думкі правадыроў, у тупой абмежаванасці сваёй заяўляюць, што гэта ёсць наша правільная арыентацыя!* [Падарожжа на новую зямлю; т. 4, с. 89]; *Страус ты палахлівы!* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 208]; *Востра-сіберным ветрам пранеслася ўраз на ўсім горадзе шпаркая вестка: «Матросы! Матросы прыехалі! Большавікі! Страшныя, злосныя, як звяры... Поўны горад панаехала, няма куды дзецца».* *Тады некаторыя з жахам хаваліся ў свае прытульна-бяспечныя норы, а хто смялейшы – беглі на галоўную вуліцу падзівавацца, што там за такія дзікія заморскія звяры* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 245]; *А каму горш за ўсё не скажа Марылька пра свайго Васілька, дык гэта свайму мужыку – Ахрэму даўгалыгаму, чаплі нялюбай* [На маладое; т. 1, с. 208]. Называючы чалавека *страусам, ішаком, дзікім заморскім зверам, чапляй*, М. Зарэцкі ўкладае ў кантэксты пярэратыўную ацэнку. Пераважна ў іранічнай, саркастычнай форме аўтар асуджае паводзіны герояў, адлюстроўвае маральныя заганы чалавека.

Пры дапамозе большасці ацэначных метафар пісьменнік характарызуе пачуцці, унутраны стан чалавека, прычым найчасцей яны вызначаюцца пярэратыўнай семантыкай. Дасягаецца гэта метафарызацыяй назоўнікаў, што абазначаюць прыродныя аб'екты і з'явы прыроды: *хваля, хмара, холад, скразняк і інш.*; прадметы побыту: *клубок, вузел, сетка, іголка і інш.*, напрыклад: *Унутры ў Карызны займалася хмара непакою* [Вязьмо; т. 3, с. 200]; *Сэрца ... збівае навокал сябе клубок даўняга болю ...* [Вязьмо; т. 3, с. 223]; ... *кожны гук ... аблівае яго лядовай хваляй жудасці* [Вязьмо; т. 3, с. 212]; ... *на ўсім яе цэле перабягаюць ліхаманкавыя хвалі нецярплівасці* [На маладое; т. 1, с. 214]; *Чым далей ішлі, тым шчытней апляталі іх гэтыя чорныя погляды, калолі ледзянымі іголкамі жудасці ...* [Максімаліст; т. 1, с. 140]; *Тады стары ... стуліўся ў шкарупу звычайнай замкнёнасці* [Вязьмо; т. 3, с. 291]. А ў метафарах, што характарызуюць станоўчыя пачуцці, падкрэсліваецца іх кволасць, нетрываласць: ... *у блытаніне сумненняў пачалі былі завязвацца першыя вузельчыкі калектыўнае лучнасці ...* [Вязьмо; т. 3, с. 68]; ... *вочы Лясніцкага накрыліся цьмяным пылам летуцення* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 357]; ... *унутры ўзнялася ... хваля цудоўнай пяшчотнасці ...* [Вязьмо; т. 3, с. 100]. Такія ацэначныя метафары ўводзяцца пісьменнікам у кантэксты твораў з мэтай паглыблення псіхалагізму ў абмалёўцы персанажаў.

У тэкстах М. Зарэцкага не меншую важнасць набывае эпітэт, даючы ацэнку асобам, прадметам і з'явам наваколля. Назіраецца тэндэнцыя пашыранага выкарыстання эпітэтаў у функцыі пярэратыўнай ацэнкі: ... *не хапала сіл слухаць гэты д'ябальскі рогат ...* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 224]; ... *ён дзіўна прыгожы ... сваёй звярынаю свежасцю* [Голы звер; т. 2, с. 18]; ... *яны ўжо перапалохаліся ... ціснуцца ва ўсе шчэлкі, ратуючы паскудную сваю скуру ...* [Рубеж; т. 4, с. 47]; ... *тая ўхмыляецца, блішчыць на яго тупа-чырвонымі лягушынымі вачмі* [Вязьмо; т. 3, с. 41]; *Тонкі перажаблены голас ... напінаў струны ... раздражэння* [Лісты ад знаёмага; т. 4, с. 109]; *Зноў стаіць моўчкі, потым голы пергамінавы твар яго (Гвардыяна) крывіцца ў страшэнную жабіну грымасу* [Сымон Карызна; т. 3, с. 316].

На ўзроўні выкарыстання эпітэтаў перавага моўнай асобы М. Зарэцкага праявілася ў пашыраным выкарыстанні наступных прыметнікаў, якія з'яўляюцца сродкам выражэння аўтарскай антыпаты ў ацэнцы з'яў рэчаіснасці:

– едкі: *едкая падазронасць* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 61]; *едкія кіпці* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 64]; *едкая турбота* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 66]; *едкае раздражненне* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 330]; *едкая злосць* [Голы звер; т. 2, с. 52]; *едкі чарвяк* [Голы звер; т. 2, с. 35] і інш.;

– глухі: *глухое ранне* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 211]; *глухая сталь* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 386]; *глухое Палессе* [Падарожжа на новую зямлю; т. 4, с. 85]; *глухія гадзіны* [Вязьмо; т. 3, с. 292]; *глухія супярэчнасці* [Размова незвычайнай шчырасці; т. 4, с. 358]; *глухая задума* [Вязьмо; т. 3, с. 277]; *глухі страх* [Вязьмо; т. 3, с. 267]; *глухая варожасць* [Вязьмо; т. 3, с. 144]; *глухое незадоволенне* [Вязьмо; т. 3, с. 30]; *глухая немарасць* [Вязьмо; т. 3, с. 7]; *глухія Сівалапы* [Вязьмо; т. 3, с. 107] і інш.;

– жорсткі: *жорсткі вецер* [Крывічы; т. 4, с. 15]; *жорсткая згода* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 156]; *жорсткая сіла* [Крывічы; т. 4, с. 17]; *жорсткія краты* [Голы звер; т. 2, с. 47]; *жорсткі смех* [Голы звер; т. 2, с. 54]; *жорсткая лаянка* [Голы звер; т. 2, с. 19]; *жорсткая ўсмешка* [Голы звер; т. 2, с. 37]; *жорсткая веліч* [Падарожжа на новую зямлю; т. 4, с. 75]; *жорсткія прыступы голаду* [Крывічы; т. 4, с. 14]; *жорсткія дажджы* [Падарожжа на новую зямлю; т. 4, с. 80] і інш.;

– тупы: *тупы цяжар* [Крывічы; т. 4, с. 10]; *тупы сон* [Крывічы; т. 4, с. 12]; *тупы страх* [Крывічы; т. 4, с. 13]; *тупая катэгарычнасць* [Вясна 1930 г.; т. 4, с. 135]; *тупое сузіранне* [Пачатак шчасця; т. 1, с. 475]; *тупы спалох* [Двое Жвіроўскіх; т. 1, с. 312]; *тупая адзервянеласць* [Вязьмо; т. 3, с. 128]; *тупы натоўп* [Вязьмо; т. 3, с. 96]; *тупы ідыятызм* [Вязьмо; т. 3, с. 89]; *тупая ўпартасць* [Вязьмо; т. 3, с. 68]; *тупое жыццё* [Вязьмо; т. 3, с. 46]; *тупая лютасць* [Цені крывавай мінуўшчыны; т. 4, с. 316]; *тупое аслупянненне* [Белыя ружы; т. 4, с. 259] і інш.;

– дзікі: *дзікі танец* [Крывічы; т. 4, с. 26]; *дзікая паспешнасць* [Максімаліст; т. 1, с. 405]; *дзікая злосць* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 62]; *дзікая думка* [Рубеж; т. 4, с. 56]; *дзікая недарэчнасць* [Рубеж; т. 4, с. 56]; *дзікая сцэна* [Рубеж; т. 4, с. 62]; *дзікія прасторы* [Падарожжа на Новую Зямлю; т. 4, с. 69]; *дзікі свет* [Падарожжа на новую зямлю; т. 4, с. 70]; *дзікая сіла* [Падарожжа на новую зямлю; т. 4, с. 70]; *дзікія дажджы* [Падарожжа на новую зямлю; т. 4, с. 81]; *дзікае Палессе* [Падарожжа на новую зямлю; т. 4, с. 76]; *дзікае царства* [Падарожжа на новую зямлю; т. 4, с. 92]; *дзікі скептыцызм* [Крывічы; т. 4, с. 21] і інш.;

– чорны: *чорная прытульнасць* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 86]; *чорны натоўп* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 71]; *чорная атрута* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 92]; *чорнае логава* [Падарожжа на новую зямлю; т. 4, с. 74]; *чорныя жылы каналаў* [Падарожжа на новую зямлю; т. 4, с. 84]; *чорнае Палессе* [Падарожжа на новую зямлю; т. 4, с. 84]; *чорная немарасць* [Вязьмо; т. 3, с. 81]; *чорная меланхолія* [Вязьмо; т. 3, с. 284]; *чорны тлум* [Голы звер; т. 2, с. 41]; *чорнае пекла* [Голы звер; т. 2, с. 42] і інш.

Перавага слоў адмоўнай семантыкі заўважаецца і на ўзроўні выкарыстання сінонімаў у тэкстах М. Зарэцкага: *гора* – *няшчасце* [Крывічы; т. 4, с. 16, 17]; *застылы* – *закамянелы* – *нерухомы* – *адзервянелы* [Крывічы; т. 4, с. 6–9]; *страшны* – *жудасны* – *нядобры* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 238, 239]; *маркотны* – *нярадасны* – *сумны* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 354, 355]; *адзінокі* – *пакінуты* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 204]; *злосны* – *бязлітасны* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 35]; *зварыства* – *кываажэрнасць* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 197]; *глухата* – *бязлюднасць* [Голы звер; т. 2, с. 14]; *смутак* – *журба* [Падарожжа на новую зямлю; т. 4, с. 87]; *узрушаны* – *расхваляваны* – *устурбаваны* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 284]; *жалобны* – *смутны* – *пакутны* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 160, 186]; *хмурны* – *сярдзіты* [Крывічы; т. 4, с. 12, 13]; *халодны* – *непрыветны* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 284]; *агіда* – *непрыязнь* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 284].

Паказчыкамі негатыўных камунікатыўных інтэнцый М. Зарэцкага з'яўляюцца размоўныя і ўстойлівыя адзінкі з твораў пісьменніка: ... *што ён робіць, дзе шалаецца...* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 185]; *Карызну часам страшэнна назаляла гаспадарова шарпаніна* [Вязьмо; т. 3, с. 70]; *Кожнаму хацелася стуліцца, схавацца, знікнуць з вачэй, і таму*

інстынктыўна шворыўся кожны туды, адкуль менш відаць яго... [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 74]; Бабы языкі точаць [Гануля; т. 1, с. 158]; Ці не з глузду вы ўсе паз'ехалі? [На маладое; т. 1, с. 230]; Носіцца з імі, як дурань з торбай [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 118]; Пішчом будуць лезці, а не то, што... [Сымон Карызна; т. 3, с. 307]; Хай пазнае, як станавіцца папярок дарогі нашаму брату! [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 247]. Напрыклад, пры дапамозе фразеалагізмаў М. Зарэцкі падкрэслівае наступныя адмоўныя рысы ў паводзінах людзей:

1) злосць: Лясніцкі кінеў ад злосці... [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 61]; Маленькая істэрычная мяшчанка – багамольная і дабрачынная – з пенай на вуснах лаяла хлопцаў... [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 61]; Халіма смела наругаўся шпігу, а той аж зелянеў ад злосці [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 61];

2) балбатлівасць: Га-а-а, сарокі-шчабятухі! Язычкі чэшаце, костачкі добрых людзей перабіраеце... [Віхор на балоце; т. 4, с. 169]; Ці ж я б гэта стаў так проста малоць языком, каб не меў аргументу [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 132];

3) хітрасць: ... а то дык жывеш вось, як вольная птушка, водзіш за нос сівецкіх мужчын [Вязьмо; т. 3, с. 58];

4) лягота: Толькі крычаць, а самі палец аб палец не ўдараць [Сымон Карызна; т. 3, с. 348]; ... яны адно глядзяць, каб як лучыць на лёгкі хлеб [Вязьмо; т. 3, с. 115];

5) баязлівасць: Заруба, відаць, чагось забавіўся ў палацы, потым, пабачыўшы, што справа кепская, даў драла [Ворагі; т. 1, с. 134]; Напэўна, ужо ён абрабіў усё дзела гладка і схавалі канцы ў ваду [Ноччу; т. 1, с. 94];

б) гатоўнасць дагаджаць: А прыходзіцца скаліць прыветна зубы і ціснуць прыветна рукі – пульхныя і вялыя [Голы звер; т. 2, с. 21]; Захацелася паглядзець, як тут розная погань пяткі падмазвае, ды падштурхнуць каторага... [Белья ружы; т. 4, с. 218]; Аўтух, прыспеўшы да ладу, ужо сям'яніў дробным макама каля жанчын... [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 114].

Выражэнне ацэнкі пры дапамозе фразеалагізма ўзмацняецца, калі ўстойлівае словазлучэнне вызначаецца аўтарскай трансфармацыяй: Га-а-а, сарокі-шчабятухі! Язычкі чэшаце, костачкі добрых людзей перабіраеце, байкі складаеце ды на вецер пушчаеце [Віхор на балоце; т. 4, с. 169]; Ці не воўк за гарой здох, што гэткае прыспела? [Вязьмо; т. 3, с. 27]. Так, мадыфікацыя фразеалагізма костачкі добрых людзей перабіраеце (ФСБМ фіксуе фразеалагізм перабіраць па костачках [3, т. 2, с. 174]) не ўплывае на значэнне фразеалагізма, а вядзе да новага экспрэсіўнага насычэння выразу, служыць сродкам узмацнення пэяратаўнай афарбоўкі. М. Зарэцкі выкарыстоўвае такі прыём з мэтай актуалізацыі стыльвага аспекту выказвання, што здольна яшчэ больш падкрэсліць дадатковае адценне неадабрэння, якое прыхавана ў змесце фразеалагізма. Ва ўстойлівым спалучэнні ці не воўк за гарой здох пры выкарыстанні лексем гара замест слова лес (ФСБМ падае ўстойлівую адзінку воўк у лесе здох [3, т. 1, с. 188]) ствараецца камічны эфект. Аўтарская інтэнцыя ў такім выпадку скіравана на тое, каб падкрэсліць неспадзяванасць, недарэчнасць сітуацыі, якая адлюстроўваецца ў кантэксце, што дае магчымасць узмацніць эмацыянальна-экспрэсіўнае, іранічнае значэнне. У выніку такое аўтарскае выкарыстанне не толькі асвятляе кампанентны склад фразеалагізма і прыцягвае ўвагу чытача, але і садзейнічае большай імпульсіўнасці ўспрымання кантэксту. Ва ўстойлівым словазлучэнні ці не воўк за гарой здох у выніку замены кампанента фразеалагізма словам, якое кантрастуе з ім, пісьменнік стварае камічны эфект, іронію. Нетрадыцыйнасць устойлівых адзінак таксама дае магчымасць пісьменніку ажыццяўляць індывідуальнае эмацыянальна-ацэначнае пераўтварэнне ўстойлівага выразу для максімальна дакладнага адлюстравання сітуацыі.

Адметнасцю аўтарскага словаўжывання з'яўляецца выкарыстанне найменняў меліяратыўнай семантыкі ў якасці пэяратаўнай ацэнкі персанажа. Паказальным у гэтых адносінах з'яўляецца наступны дыялог з драмы «Ная»:

Мар'яна. Ноздры павыварачваеш, мая галубачка!

Зора. Перш табе нутро павыверне, мая зязюлечка!

Мар'яна. Ноздры павыварачваеш, мая галубачка! І ніхто ж табе хрыбта дзе не зламаў, мая котачка!

Зора. Здохнеш ты раней за мяне, мая ласачка! [Ная; т. 4, с. 288].

Сустрэкаюцца выпадкі ўжывання адзінак лексічнага ўзроўню мовы адмоўнай семантыкі як сродку стварэння станоўчай ацэнкі: *Не трэба мне больш нікога... досыць во гэтага чарыяня... прыгожага, люблага...* [Белыя ружы; т. 4, с. 253]; *Ах ты, шальмінка мая дарагая! (цалуе яго)* [Белыя ружы; т. 4, с. 253]. Такі кантрасны характар ацэначных намінацый пісьменнік сварае на аснове развіцця меліяратыўных канатацый, што дазваляе актуалізаваць эмацыянальнасць выказвання.

Як сродак выражэння ацэнкі М. Зарэцкі зрэдку выкарыстоўвае лаянкавую лексіку ў дыялагічных рэпліках сваіх персанажаў. Асноўнае прызначэнне гэтага стылістычна афарбаванага пласта слоў – абразіць, зняважыць суразмоўцу: *Мяне брат напайў... родны брат... дабрадзеі... с-сукін с-сын...* [Вязьмо; т. 3, с. 116]; *Шлюха гэта, разлучніца праклятая! Абваражыла яна яго, ачмуціла...* [Бель; т. 1, с. 198]; *У-у, шкура... Пайшла, кароў выганяй!* [На маладое; т. 1, с. 217]; *Сволач, змяя падкалодная!.. Сцёрва, гадзюка!..* [Радасць; т. 1, с. 359]. Ва ўсіх выпадках выкарыстання лаянкавыя словы перадаюць адмоўныя адносіны да таго, каму яны адрасаваны. Наяўнасць такіх лексем у тэкстах М. Зарэцкага, з аднаго боку, з'яўляецца паказчыкам сацыяльнай арыентацыі маўлення, з другога – сродкам узмацнення пеярэзыццёй кантэксту, індыкатарам аўтарскай ацэнкі і адносін да герояў.

Назіранні паказалі, што М. Зарэцкі пры дапамозе адзінак лексічнага ўзроўню мовы часцей надае негатыўную ацэнку асобам, падзеям, дзеянням, што звязана з аўтарскім асэнсаваннем сучаснасці. Адною з прымет аўтарскага словаўжывання з'яўляецца перавага адмоўных ацэначных канатацый, якія ствараюцца пры дапамозе заонімаў, а таксама за кошт метафарычнага выкарыстання слоў. Пераважная большасць ацэначных сродкаў з тэкстаў пісьменніка з'яўляецца рэпрэзентантам аўтарскага абурэння, якое найчасцей вызначаецца іроніяй, што заклікана ў пэўнай ступені згладзіць негатыўныя эмоцыі.

Жыццё ўсведамляецца пісьменнікам як *чорнае і глухое, дзікае і тупое, едкае і жорсткае*. Перавага моўных сродкаў з дадатковай семай неадабрэння, з аднаго боку, абумоўлена тэматыкай твораў М. Зарэцкага: падзеі, якія разгортваліся ў час калектывізацыі, маглі выклікаць у грамадства толькі пачуцці засцярогі, страху, заклапочанасці. Аўтар, добра разумеючы ўсе памылкі «калектывнага будаўніцтва», не мог адкрыта выказаць сваё рэальнае стаўленне да падзей 20–30-ых гг. XX ст., таму ва ўскосным адлюстраванні аўтарскай пазіцыі пісьменніку дапамагла мова. З другога боку, тэндэнцыя пашыранага выкарыстання ў кантэкстах сродкаў адмоўнай семантыкі вызначаецца асаблівасцямі аўтарскага светаўспрымання. Дадатковыя пеярэзыццёвыя канатацыі, якія развілі многія лексічныя адзінкі з тэкстаў М. Зарэцкага, з'яўляюцца паказчыкамі крытычных адносін пісьменніка да рэалій свайго часу. Аўтар «адчуваў, што літаратура новай эпохі абавязана не толькі ўслаўляць рэчаіснасць, але і адлюстроўваць яе негатыўныя бакі» [4, с. 53]. Таму ён праявіў сябе як смелы выразнік незадаволенасці новымі ладамі жыцця. У сваіх тэкстах пісьменнік актыўна стварае новую, кантэкстуальна абумоўленую семантыку, імпліцытна выражае ўласную ацэнку падзей свайёй эпохі: *А разам з распаччу разбухаў у сялянскіх грудзях гнеў* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 180]; *... закінала сэрца агнёвай злосцю* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 179]; *І крышылася сэрца сялянскае вострай распаччу* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 180]; *Спачатку незадаволенне гэта бурліла глуха, затоена, потым выслізнула раптам наверх і загарэлася агнём вострага абурэння* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 181]; *Замест супакою злосць узнялася* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 65]; *Раптам усю істоту яго страсае пачуццё вострай трывогі* [Крывічы; т. 4, с. 10]; *Мабыць, там ён і выгадаваў у сабе незвычайна прыгожы ідэал, які мог вырасці толькі на глебе глыбокага асабістага гора, злітага з горам мільёнаў, з адвечнай народнай пакутай* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 89]; *У наветры дрыгаець сум адцвітання, сум надыходзячай смерці* [Ворагі; т. 1, с. 150]; *... на ўсім ляжыць нібы нейкая пячатка небяспекі* [42 дакументы; т. 1, с. 269]; *Гэта была свежаразвёрнутая рана зямлі* [Падарожжа на новую зямлю; т. 4, с. 79]. Жыццё супляменнікаў уяўляецца пісьменніку *быццам у чадзе* [На маладое; т. 1, с. 210]; *як у катле* [Вязьмо; т. 3, с. 86]; *енкам смяротным* [Голы звер; т. 2, с. 54]; *бяздонным рыданнем* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 129]; *цяжкім гнётам* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 120]; *агідным карчом* [Голы звер; т. 2, с. 55] і інш.

Перавага лексічных адзінак адмоўнай семантыкі ў тэкстах М. Зарэцкага сведчыць аб смеласці моўнай асобы аўтара, аб яе імкненні да непрыняцця пэўных шаблонаў у адлюстраванні рэчаіснасці. Моўная асоба М. Зарэцкага пры стварэнні свайго ідэйнага свету не баіцца адлюстраваць рэчаіснасць «праўдзівую, напоўненую трагедыямі, горам і пакутамі людзей, далёкую ад таннай героікі і найўнага аптымізму» [4, с. 70]. Моўная асоба М. Зарэцкага не адмовілася ад уласных каштоўнасных ідэалаў і адлюстравала ў творах рэальнае жыццё.

Такім чынам, сродкі выражэння ацэнкі ў ідыялекце М. Зарэцкага з'яўляюцца паказчыкамі фрагмента індывідуальнай карціны свету пісьменніка, яго каштоўнасных арыенціраў. Майстар слова найчасцей выкарыстоўвае метафары, параўнанні, фразеалагізмы, лаянкавую лексіку. Аўтарская перавага ў эксплікацыі ацэнак праявілася ў пашыраным ужыванні лексічных адзінак з дадатковай семай неадабрэння. Пераважная большасць ацэначных сродкаў у тэкстах аўтара – параўнанні. Назіранні паказалі, што меліяратыўная ацэнка найчасцей рэалізуецца пры дапамозе фітонімаў, а пеяратыўная – заанімаў. Для творчай манеры пісьменніка больш характэрныя пеяратыўныя, адмоўныя ацэнкі. Негатыўная ацэнка асоб, падзей, дзеянняў найчасцей праяўляецца ў імпліцытнай форме. Адметнасцю аўтарскага словаўжывання з'яўляецца выкарыстанне лексічных адзінак меліяратыўнай семантыкі ў якасці пеяратыўнай ацэнкі. Такі кантрасны характар ацэначных сродкаў стварае іранічны эфект.

Літаратура

1. Пятрова, Н. Я. Спосабы праяўлення моўнай індывідуальнасці ў мастацкіх тэкстах (на матэрыяле твораў М. Зарэцкага) / Н. Я. Пятрова // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2024. – № 4 (145). – С. 83–89.
2. Зарэцкі, М. Збор твораў : у 4 т. / М. Зарэцкі. – Мінск : Маст. літ., 1989–1992.
3. Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы : у 2 т / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн., 1993. – Т. 2. – 607 с.
4. Мушынскі, М. Праўдзівая гісторыя жыцця і творчасці М. Зарэцкага / М. Мушынскі. – Мінск : Бел. навука, 2005. – 340 с.

Кулинарный обзор как жанр сетевой коммуникации

Д.С. СЕМАК^{1,2}

В статье предпринимается попытка комплексного анализа кулинарного обзора как гибридного жанра сетевой коммуникации. Эмпирической базой исследования выступают русско- и англоязычные тексты и мультимедиа данные, размещенные на сетевых платформах, кулинарных сайтах и форумах. Основываясь на положениях теории речевых жанров (М.М. Бахтин, Т.В. Шмелева), автор выявляет комплекс жанрообразующих признаков кулинарного обзора, обусловленных его гибридной природой и спецификой цифровой среды коммуникации.

Ключевые слова: кулинарный обзор, кулинарный дискурс, речевой жанр, гибридизация жанров.

The article undertakes a comprehensive analysis of the culinary review as a hybrid genre of online communication. The empirical basis of the study consists of Russian and English-language texts and multimedia materials published on social media platforms, culinary websites and forums. Drawing on the principles of speech genre theory (M.M. Bakhtin, T.V. Shmeleva), the author identifies a complex of genre-forming features of the culinary review, stemming from its hybrid nature and the specific characteristics of the digital communication environment.

Keywords: culinary review, culinary discourse, speech genre, genre hybridization.

Кулинарная тематика испокон веков интересовала человека. Роль еды в обществе менялась параллельно смене исторических эпох: от источника удовлетворения базовой энергетической потребности во времена первобытности к цифровому феномену, в котором кулинария синтезирует базовую потребность, экономику, искусство и социальные практики.

На просторах сети можно обнаружить множество форматов авторско-пользовательской коммуникации, объединенных кулинарной тематикой. Этот многоаспектный коммуникативный феномен исследуется в рамках сетевой лингвистики и жанрологии (Т.А. Семилет, В.В. Витвинчук, И.В. Фотиева, Е.В. Лукашевич, Ю.Л. Баньковская, Е.С. Троянская, Н.В. Денисова), дискурс-анализа (В.И. Карасик, А.Н. Баранов, М.Ю. Олешков) и медиажанрологии (Е.И. Горошко, Т.В. Мальцевич, Barton & Lee).

Несмотря на многостороннюю заинтересованность в изучении новых явлений кулинарной коммуникации, на сегодняшний день сетевая кулинарная коммуникация изучена фрагментарно: отсутствуют системные описания гибридных жанров; не разработаны критерии анализа платформенной детерминированности коммуникативных практик и форматов в сетевой кулинарной коммуникации; не исследована функциональная гибридизация в рамках единого жанрового формата. Наличие данных лакун определяет актуальность настоящего исследования.

Целью статьи является определение специфики жанра кулинарного обзора.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**: 1) систематизировать основные параметры кулинарного дискурса в сетевом коммуникативном пространстве; 2) рассмотреть жанровые разновидности кулинарного дискурса в сетевом коммуникативном пространстве; 3) описать жанрообразующие признаки кулинарного обзора и определить место жанра кулинарного обзора в системе жанров кулинарного дискурса.

Сетевое коммуникативное пространство мы предлагаем рассматривать не статично, а в динамике, как цифровую среду социального взаимодействия. Акторами в этой среде, объективируемой сетевыми платформами, сайтами и форумами, выступают пользователи сети и авторы медиапродукта.

В такой среде, как отмечают Т.А. Семилет, В.В. Витвинчук, И.В. Фотиева и Е.В. Лукашевич, коммуникативные культуры социальных сетей становятся культурными матрицами, определяющими нормы, форматы и стратегии общения. Ученые пишут, что общими для этих культур являются следующие черты: опосредованность цифровыми технологиями – коммуникация через цифровые каналы; виртуальность – взаимодействие вне физических границ; самопрезентация – акцент на персональном бренде; интерактивность – двусторонняя связь между автором и пользователем сети; гипертекстуальность – использование

ссылок, перекрестных упоминаний; креативность – широкий спектр практик и подходов, направленный на привлечение и удержание пользовательского внимания; ризомность – отсутствие строгой иерархии, множественность центров влияния [1, с. 229].

Такие черты модифицируют традиционные формы коммуникации, создавая автономные сетевые культуры с уникальными языковыми нормами и жанрами. Например, YouTube зарекомендовал себя как платформа, формирующая культуру видеоблогинга, а публикация в Instagram подразумевает создание эстетики идеальной картинки.

Кулинарный дискурс (как и любой другой тип дискурса), погруженный в сетевое коммуникативное пространство, приобретает специфические черты.

Прежде чем перейти к определению основных параметров кулинарного дискурса в сетевом коммуникативном пространстве, представляется необходимым определить ключевые понятия настоящего исследования.

Анализ научных работ показывает, что в лингвистике используются различные термины для обозначения коммуникации, связанной с приготовлением и потреблением пищи. В нашем исследовании предпочтение отдано термину «кулинарный дискурс» на следующих основаниях: 1) имеет устоявшиеся в научной традиции дифференциальные признаки; 2) отражает предметное поле исследования (фокус на коммуникативных практиках, связанных с процессом *приготовления* пищи); 3) обладает развитой жанровой системой, включающей канонические форматы (текстовые рецепты, технологические карты) и цифровизированные гибриды (видео-рецепты, кулинарные прямые эфиры).

Учитывая сложную природу современного кулинарного дискурса в цифровой среде, представляется необходимым обратиться к существующим теоретическим подходам к пониманию жанра.

Эволюция жанроведения демонстрирует последовательное движение от статических к динамическим моделям анализа: от классической концепции М.М. Бахтина, заложившей основы понимания жанра как устойчивого типа высказывания, через функционально-прагматические модели Т.В. Шмелевой, к цифровым теориям, учитывающим поликодовость и платформенную детерминированность современных жанровых форм.

Рассмотрим ключевые этапы развития теории речевых жанров в восточнославянской лингвистической традиции.

1. Классическая теория речевого жанра. основополагающей работой в области жанроведения считается труд М.М. Бахтина (1953 г.), применившего холистический подход к речевому жанру. Главная идея, сформулированная в определении жанра как «относительно устойчивого типа высказывания, обладающего тематической завершенностью, композиционной структурой и стилевой спецификой» [2, с. 237], состоит в нераздельности содержательного (тематика), структурного (композиция) и языкового (стиль) аспектов жанра. Именно это триединство признаков, по М.М. Бахтину, обеспечивает неразрывность содержания и формы в жанровом высказывании. Ученый также подчеркивает, что речевые жанры отражают специфику коммуникативных сфер и разделяются на первичные и вторичные. Однако его концепция оставила неразрешенными следующие вопросы: как именно связаны жанры между собой и почему они меняются в разных контекстах [2, с. 242–259]?

2. Современные подходы к интерпретации речевого жанра. В современной лингвистике речевые жанры исследуются через призму комплементарных подходов, обеспечивающих многоуровневый анализ их динамики.

Т.В. Шмелева в статье «Модель речевого жанра» описывает три ключевых подхода к проблеме речевого жанра: лексический, стилистический и модельный [3]. Лексический подход, тесно связанный с теорией речевых актов, фокусируется на анализе имен жанров. Стилистический подход ограничивает сферу жанра рамками функционального стиля, что не учитывает их способность к миграции между стилями. Наиболее перспективным, по мнению Т.В. Шмелевой, является модельный подход, который трактует речевой жанр как типовую модель высказывания [3, с. 91]. Эта концепция акцентирует целостность текста, что, как отмечает В.В. Дементьев, является одним из его важнейших аспектов [4, с. 22].

Параллельно развиваются и альтернативный взгляд на природу жанра, в котором в качестве его базового концепта рассматривается не готовая модель, а речевое событие или типичная ситуация. Как показывает теория К.Ф. Седова, разработанная в рамках психолингвистического подхода, выбор жанровых стратегий детерминирован типами индивидуальных стилей говорящих или типами языковой личности адресатов [5].

Проблема соотношения речевых жанров с другими категориями также остается в поле зрения ученых. Н.В. Орлова исследует связь жанров с функциональными стилями [6], а В.Е. Гольдин соотносит жанр с такими формами осмысления мира, как поступок, событие, ситуация [7]. Особого внимания заслуживает подход А. Вежбицкой, которая изучает речевые жанры через призму «теории семантических примитивов», моделируя каждый жанр как последовательность простых предложений, репрезентирующих мотивы и интенции говорящего [8, с. 107].

3. Цифровые жанровые теории. Технологические изменения, происходящие в XXI в., задают новый вектор развития теории жанров. Е.И. Горошко и Е.А. Жигалина утверждают, что виртуальные жанры представляют собой поликодовые структуры, в которых вербальный компонент взаимодействует с визуальным и гипертекстовым, а платформенные ограничения становятся важным жанрообразующим фактором [9, с. 112, 114, 115]. Иными словами, жанр сегодня рассматривается как поликодовая и кросс-платформенная категория, что определяет его дальнейшее формирование.

Международные исследования подчеркивают динамический характер современных жанров, в которых традиционные и инновационные элементы сосуществуют, а границы между жанровыми формами становятся все более проницаемыми (*First of all, texts can no longer be thought of as relatively fixed and stable. They are more fluid... New media have also introduced new relations between the traditional notions of speech and writing. More hybrid genres are identified on the web*) [10, p. 28].

Эволюция теории речевых жанров демонстрирует переход от статичных к динамическим моделям, учитывающим как традиционные лингвистические параметры, так и новые факторы цифровой коммуникации.

Предлагаем под речевым жанром в данной статье понимать относительно устойчивую конвенциональную форму речевой деятельности, связываемую с представлениями об оптимальном способе воплощения определенного коммуникативного замысла в стереотипной композиционной структуре. Таким образом, жанровая природа свойственна продуктам речевой деятельности, обладающим смысловой и композиционной завершенностью, и выявляет коллективный опыт решения коммуникативной задачи.

В условиях формирования новых сетевых жанровых форм в кулинарном дискурсе (кулинарный видеобзор, ASMR-готовка, мукбанг и др.) актуальность приобретает вопрос об их систематизации. Мы предлагаем функционально-прагматическую типологию речевых жанров, в которых протекает кулинарный дискурс в цифровой среде. В ее основу положен критерий доминирующей коммуникативной функции.

В фокусе анализа находятся как устоявшиеся, так и относительно новые речевые жанры в структуре русско-и англоязычного кулинарного дискурса. Эмпирическую базу исследования составили текстовые и поликодовые единицы, отобранные из таких сетевых платформ, как Telegram, Instagram, Pinterest, TikTok, YouTube, Яндекс Дзен, Reddit, Pikabu, Twitch, ВКонтакте, а также из кулинарных форумов и сайтов.

Критериями отбора стали релевантность кулинарному дискурсу, наличие жанровых маркеров, уровень пользовательской вовлеченности.

С учетом транзитивной природы современных медиаформатов, данная классификация иллюстрирует текущее состояние жанрового поля и служит основой для дальнейшего развития.

Предложенная типология отражает зыбкость границ между функциональными типами жанров в сетевом кулинарном дискурсе. Представленные в сети жанры кулинарного дискурса не имеют строгой привязки к конкретным жанровым категориям, а обладают пластичностью – их окончательная жанровая принадлежность определяется коммуникативной интенцией как адресанта, так и прагматической установкой адресата.

Таким образом, мастер-класс, на котором шеф-повар детально разбирает техники приготовления блюда, мы отнесем к научно-образовательному жанру, поскольку ведущим намерением является передача знаний и обучение кулинарным навыкам. При смещении прагматического акцента в сторону создания досугового продукта, мастер-класс будет восприниматься как развлекательный жанр. Пользователь сети может смотреть данный медиапродукт (отнесенный нами к научно-образовательному жанру) для удовольствия, без намерения получить экспертные знания.

Результаты анализа эмпирического материала отражены в разработанной типологии жанров сетевой кулинарной коммуникации (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Функционально-прагматическая типология кулинарного дискурса в сетевом коммуникативном пространстве

Тип жанра	Жанр	Доминирующая функция	Репрезентативный пример
Инструктивно-рецептурный	Видео / текстовая инструкция кулинарного рецепта, кулинарный совет (Q&A)	Инструктивная	ВКонтакте-пост <i>Королевская ватрушка без глютена</i> (@iamcook); Обсуждение на форуме темы <i>Как вкусно пожарить картошку?</i> (https://forum.say7.info/topic5608.html)
Оценочно-аналитический	Кулинарный обзор, ресторанный критика, пищевая аналитика	Аналитическая	YouTube-видео <i>Пробую ФРАНЦУЗСКИЕ ДЕСЕРТЫ в сердце РОССИИ</i> (@KateBelchik); Рецензия на <i>Ресторан Chere Maman</i> (https://moscow-restaurants.ru/restaurants/chere_maman.html); Отчет Программы ООН – <i>UNEP Food Waste Index Report 2021</i> (https://www.unep.org/resources/report/unep-food-waste-index-report-2021)
Развлекательный	Кулинарный челлендж, кулинарная викторина, кулинарный мем, кулинарная пародия, мукбанг	Гедонистическая	YouTube-видео <i>Кто БОЛЬШЕ ПОТОЛСТЕЕТ за 24 ЧАСА ЧЕЛЛЕНДЖ!</i> (@superstason); YouTube-видео <i>Угадай Блюдо – КУЛИНАРНАЯ ВИКТОРИНА!</i> (@zagadochnikBIG); Pikabu-пост <i>Коротко о моих кулинарных способностях</i> (@lapatka); TikTok-видео <i>Пародия на Юлию Высоцкую</i> (@mr.skobka); TikTok-видео <i>Мукбанг чизбургер и фри</i> (@anelya.ti)
Научно-образовательный	Историческая реконструкция рецептов, нутрициологический справочник, кулинарный мастер-класс, кулинарный лайфхак	Просветительская	Видеоролик <i>Mulberry Pudding Delight – 18th Century Cooking</i> (https://savoringthepast.net/); Telegram-пост <i>Лучшая форма железа</i> (t.me/nutrition_prof); Прямой эфир в Instagram <i>Летние канкейки с клубникой и ванильным кремом за час</i> (@sweets_ann); Instagram-карусель <i>4 лайфхака, которые спасут ваш ужин</i> (@foodhacks.daily)
Агитационно-пропагандистский	Кулинарный краудсорсинг, пищевой активизм, пропаганда пп / веганства	Мобилизационно-идеологическая	Статья <i>These Are The 5 Burgers Brits Said McDonald's Should Make Next – And McD's Is Doing It</i> на сайте Business Insider о краудсорсинговую кампанию, проведенной McDonald's; Хештеги: #ПротивПищевыхОтходов, #ZeroFoodWaste; Telegram-пост <i>Презумпция виновности</i> (@dora_vegan)
Гедонистический	Фуд-порн, ASMR-готовка, кулинарный арт	Презентационная	TikTok-видео <i>Ready to rise and get filled?</i> (thedonutdaddy@); Фото идеального гамбургера, видео с хрустом жареной корочки; TikTok-видео <i>Satisfying Waygu Asmr</i> (@cooked4asmr); Pinterest-пост <i>Design Free Thursday // Bauhaus Food Photography by Nicky&Max</i> .
Коммерческий	Реклама продуктов питания / кухонной техники / сервиса доставки еды, гастрономический поход за покупками, кулинарное предпринимательство	Коммодификационная	Спонсируемая реклама фарша «Индилайт» в видеоролике <i>Культура потребления</i> на канале МИНАЕВ LIVE (07:47); YouTube-видео <i>Shop With Me at America's Cheapest Grocery Store July 2025</i> (@JamerrillStewart); Instagram-пост <i>Вкуснейшие сырники!</i> (@domashniy_produkt.by)
Репрезентативно-личностный	Кулинарное интервью в процессе готовки	Репрезентативно-личностная (диалоговая)	YouTube-видео <i>Валерия – секреты красоты и здоровья</i> (@Liasan)
	Профессиональные / персональные кулинарные заметки	Репрезентативно-личностная (экспертно-статусная / эмоционально-бытовая)	Telegram-пост шеф-повара <i>СМЕТАННОЕ МОРОЖЕНОЕ С ЗЕМЛЯНИКОЙ</i> (@vladimir_muhin)

Переходя от рассмотрения типологии жанров сетевой кулинарной коммуникации к детальному анализу конкретной жанровой формы, следует отметить, что кулинарный обзор представляет собой особый интерес для исследования. Этот жанр демонстрирует яркие признаки гибридизации, характерные для современных цифровых форматов. Его уникальность заключается в способности сочетать объективные критерии оценки с субъективной авторской позицией, профессиональные гастрономические знания с развлекательной подачей, а также вербальные, аудиальные и визуальные средства выразительности.

Для описания жанрообразующих признаков кулинарного обзора используем «анкету речевого жанра», предложенную Т.В. Шмелевой [3, с. 90]. Данная модель видится наиболее подходящей для цели нашего исследования благодаря системности и гибкости своего инструментария.

Рассматриваемый жанр был проанализирован по семи параметрам:

1. Коммуникативная цель. В рамках классификации Т.В. Шмелевой, выделяющей четыре базовых типа речевых жанров (информативные, императивные, этикетные, оценочные). Кулинарный обзор представляет собой гибридный жанр, сочетающий черты информативного и оценочного типов с императивными элементами. Доминирующая аналитическая функция заключается в изменении восприятия продукта обзора через субъективные суждения автора блога, информативная составляющая выступает фундаментом объективности, императивные вкрапления интенсифицируют прагматическое воздействие, а этикетные компоненты ситуативны и немногочисленны.

2. Образ автора. Автор в кулинарном обзоре может выступать в разных амплуа, что определяет стиль подачи материала. Обозреватель-профессионал в гастрономической сфере делает акцент на объективности оценки, блогер-любитель (мы подразумеваем создателя видеоблога о еде, занимающем промежуточное положение между рядовым потребителем и профессиональным критиком, имеющим базовые или более глубокие знания о кулинарии, однако, как правило, не обладающим формальным образованием в данной сфере) предлагает субъективно-объективный взгляд, а гурман-энтузиаст – эмоциональное восприятие.

3. Образ адресата. Целевая аудитория кулинарного обзора представлена больше непрофессионалами (о чем можно судить по комментариям к видеобзорам): это и истинные гурманы, и туристы, и местные жители, и просто зрители, ищущие развлекательный продукт. Их ключевые ожидания – честность оценок, юмор и визуальная привлекательность видеоматериала.

4. Образ прошлого (диакризис). Жанр кулинарный обзор мы причисляем к преимущественно инициальным жанрам с возможными реактивными вкраплениями. Его ядро – самостоятельное инициирование темы с установкой на будущую обратную связь, что соответствует критериям инициальности. Тем не менее, в кулинарные обзоры иногда включаются реактивные черты, функция которых является вторичной (блогер Катя Бельчик о трендовом торте: *Друзья, ну давненько у нас не было с вами трендов. [...] Мне прислали видео Лены Кукояки, где она счастливая, осуществила свою мечту. [...] Ну поэтому я решила заказать его сама.*)

5. Образ будущего (деонтическая модальность). Важной составляющей жанра является его прагматическая направленность. Автор не просто делится впечатлениями, но и моделирует определенную реакцию зрителя: решение посетить или обойти стороной заведение, активность в виде лайков, комментариев и репостов, запросы на продолжение серии обзоров.

6. Языковое воплощение. Языковое воплощение кулинарного обзора отличается специфической лексикой, сочетающей профессиональные гастрономические термины (*нежная текстура, умами*) с экспрессивными разговорными выражениями (блогер Супер Стас о роллах: *Это тяжелая артиллерия!*). Характерны устойчивые речевые формулы: «Давайте оценим...», «Что мы имеем в итоге?», «Оно того стоит?». Особую роль играют невербальные элементы: выразительная мимика при дегустации, наглядные жесты, демонстрирующие особенности блюда, монтаж видеоряда.

7. Тип диктумного (событийного) содержания. Для жанра кулинарного обзора характерно детальное описание блюда, ресторана, сервиса доставки или определенного продукта (ингредиенты, способ приготовления, внешний вид, подача), баланс личных впечатлений и относительно объективных критериев оценки (соотношение цены и качества, время ожидания заказа, температура блюда), а также контекстуальная информация (история блюда или заведения, сравнение с аналогами, особенности концепции, технологические нюансы).

Некоторые исследователи (например, В.В. Дементьев) учитывают контекстуальные факторы при описании речевых жанров [11, с. 70]. Мы разделяем данный подход и считаем необходимым дополнить анкету жанров Т.В. Шмелевой такими экстралингвистическими детерминантами как место, время и канал общения.

8. Место и время. Хронотоп цифрового обзора существенно отличается от традиционных форм. Жанр существует в двух временных измерениях: как записанный материал (с жесткими требованиями к хронометражу) – от 30-секундных shorts / reels («экспресс-обзоры») до более чем 60-минутных гастрономических путешествий, и как актуальный сетевой продукт, создающийся в режиме реального времени (прямой эфир, круглый элемент интерфейса в мобильном приложении Telegram для отправки видеосообщения). Пространственный контекст также приобретает новое значение: съемка в ресторане (с живой реакцией) принципиально отличается от домашнего обзора доставленной еды. Культурная локализация (например, обзоры халяльной кухни) добавляет жанру новые смысловые слои.

9. Канал общения. Выбранная для размещения кулинарного обзора платформа определяет технологическую и семиотическую специфику жанра. Качественная видеосъемка, монтаж и использование специальных эффектов воздействуют на эмоциональное восприятие материала. Более того, интерактивные элементы, такие как возможность комментирования и лайков, создают пространство для диалога между автором и аудиторией. Важно учитывать, что, выбирая канал общения, адресант также ориентируется на социальный контекст адресата. Например, пользователи социальных сетей могут ожидать неформального и развлекательного подхода, в то время как на специализированных кулинарных платформах аудитория может быть настроена на более глубокую аналитическую информацию.

Как следует из проведенного анализа, жанр кулинарного обзора гибриден: он сочетает информативность (как классический ресторанный отзыв) и развлекательность (мемы, эксцентричные реакции). Модель Т.В. Шмелевой помогает систематизировать признаки жанра, но для комплексного анализа нужно учитывать поликодовую природу сетевого продукта и платформенную детерминированность жанровой формы.

Настоящее исследование подтверждает, что кулинарный обзор является динамичным гибридным жанром сетевой коммуникации, синтезирующим черты оценочно-аналитического, информативного и развлекательного типов дискурса. Его специфика определяется тремя взаимосвязанными аспектами:

1. Поликодовой природой, в которой вербальные, визуальные и аудиальные коды формируют единый семиотический комплекс, усиливающий прагматическое воздействие.
2. Платформенной детерминированностью, при которой хронометраж, интерфейс и алгоритмы платформ задают структурные и стилистические ограничения.
3. Гибридизацией интенций: доминирующая оценочная функция сочетается с просвещением (нюансы технологии приготовления), развлечением (эксцентричная подача) и социальной интерактивностью (комментарии, коллаборации).

Литература

1. Семилет, Т. А. Социальные сети как культурные матрицы интернет-коммуникации / Т. А. Семилет, В. В. Витвинчук, И. В. Фотиева [и др.] // Культура и текст. – 2019. – № 2 (37). – С. 226–242.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин ; сост. С. Г. Бочаров ; подгот. текста Г. С. Бернштейн, Л. В. Дерюгина ; примеч. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
3. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. – Саратов : Колледж, 1997. – Вып. 1. – С. 88–98.
4. Дементьев, В. В. Персонологическая генристика / В. В. Дементьев // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Колледж, 2011. – Вып. 7 : Жанр и языковая личность. – С. 5–24.
5. Седов, К. Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности / К. Ф. Седов // Жанры речи : сб. науч. ст. ; редкол.: В. Е. Гольдин (отв. ред.) [и др.]. – Саратов : Колледж, 1999. – Вып. 2. – С. 35–73.

6. Орлова, Н. В. Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка» : к вопросу о соотношении стиля и жанра / Н. В. Орлова // Жанры речи : сб. науч. ст. ; редкол.: В. Е. Гольдин (отв. ред.) [и др.]. – Саратов : Колледж, 1997. – Вып. 1. – С. 51–56.
7. Гольдин, В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи / В. Е. Гольдин // Жанры речи : сб. науч. ст. ; редкол.: В. Е. Гольдин (отв. ред.) [и др.]. – Саратов : Колледж, 1997. – Вып. 1. – С. 23–34.
8. Вежбицка, А. Речевые жанры / А. Вежбицка // Жанры речи : сб. науч. ст. ; редкол.: В. Е. Гольдин (отв. ред.) [и др.]. – Саратов : Колледж, 1997. – Вып. 1. – С. 99–111.
9. Горошко, Е. И. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное / Е. И. Горошко, Е. А. Жигалина // Коллегиум. – 2009. – № 1. – С. 105–123.
10. Barton, D. Language Online : Investigating Digital Texts and Practices / D. Barton, C. Li. – London : Routledge, 2013. – 205 p.
11. Дементьев, В. В. Речеганровая компетенция модельной языковой личности и представление речеганровой картины современности / В. В. Дементьев // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – № 1. – С. 70–80.

¹Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

²Гомельский государственный технический
университет имени П.О. Сухого

Поступила в редакцию 11.07.2025

Общее и отличительное в английских, русских и белорусских фразеологизмах с компонентом *три / третий*

М.Ю. СЕНЧУК

В статье рассматриваются фразеологизмы с компонентом *три / третий* в английском, русском и белорусском языках. Устанавливается, как число 3 используется в различных языках для передачи культурной информации народов; выявляются общие и отличительные особенности в использовании фразеологизмов, обусловленные историческими и социальными контекстами каждой культуры. Выявление культурной информации фразеологизмов с компонентом *три / третий* отражает и фиксирует связь с народной культурой, что способствует правильному восприятию количественных фразеологизмов, точности при переводах, пониманию культурных особенностей и менталитета трёх народов.

Ключевые слова: фразеологизм, число, традиции, символика, ценности, сходства, отличия.

The article discusses phraseological units with the component *three / third* in English, Russian and Belarusian. It is established how the number 3 is used in various languages to convey cultural information of peoples; common and distinctive features in the use of phraseological units are identified, due to the historical and social contexts of each culture. The identification of cultural information of phraseological units with the component *three / third* reflects and captures the connection with folk culture, which contributes to the correct perception of quantitative phraseological units, accuracy in translations, understanding the cultural characteristics and mentality of the three peoples.

Keywords: phraseological unit, number, traditions, symbolism, values, similarities, differences.

Фразеология – это относительно поздно выделенный раздел науки о языке, а его единицами в широком понимании являются идиомы, пословицы, поговорки и другие устойчивые конструкции.

Фразеология является многогранной дисциплиной, пересекающейся с различными аспектами языкознания и культурологии. Связь с лексикологией заключается в изучении словосочетаний как «строительных» единиц языка, с их особым значением, структурой и использованием. Изучение фразеологизмов в рамках лингвокультурологического подхода представляет собой важный аспект понимания языка в целом и фразеологических единиц в частности как отражение, фиксация и трансляция языка, культуры и менталитета народа. Устойчивые выражения могут варьироваться в зависимости от социальной группы, диалекта или региона, что является важным аспектом социолингвистического анализа.

Исторические корни фразеологии уходят в глубокую древность и связаны с развитием языка и культуры народов. Основными аспектами, связанными с историческими корнями фразеологии, являются древние языки и литература, фольклор, исторические события, культурные контакты между различными культурами, развитие науки и технологий, социальные изменения и другие.

Одним из первых исследователей, обративших внимание на устойчивые выражения, был лингвист Л. Бархударов. Его научные труды заложили основы современного понимания фразеологии, которые включают в себя систематизацию, классификацию фразеологических единиц и их семантический анализ. Значительный вклад в развитие русской фразеологии внесли В. Виноградов, В. Мокиенко, Н. Шанский, А. Смирницкий, В. Телия и др.

Наш интерес привлекли квантитативные (количественные) фразеологизмы (КФ) как особая группа фразеологических единиц, основой образования которых являются слова, выражающие количество, порядок при перечислении, степень и др. При этом КФ передают не только количественное значение, но и выявляют эмоциональную, экспрессивную и оценочную окраску. В результате КФ не только показывают новые понятия, но и выражают оценочное суждение, дают образное описание, служат усилению высказывания и доводят информацию из прошлого, что связана с числом.

Исследования в области КФ русского языка нашли отражение в работах многих лингвистов. Так, Г. Скобликова выделяет четыре группы фразеологизмов: с числительными, с количественными наречиями, сочетания числительных и количественных наречий, а также конструкции, содержащие несколько чисел. Т. Колосова акцентирует внимание на особенностях структуры и семантики русских КФ. В. Морковкин изучает семантические процессы, происходящие в составе КФ. Функции фразеологизмов в речи описывают Н. Шанский и А. Тихонов.

Наше внимание к КФ обусловлено тем, что каждое число наделено уникальной символикой, которая обычно варьируется в зависимости от культурного контекста. Символика чисел в различных лингвокультурах включает как общие универсальные значения, так и специфичные для каждой нации интерпретации. Символическая природа чисел является одной из удивительных особенностей, которая с древних времён пронизывает многие стороны жизни и культуры, различные аспекты мировоззрения и искусства.

Так, число *три* имеет глубокое символическое значение во многих культурах и духовных традициях. Это символизирует гармонию, совершенство и завершенность. Оно часто встречается в мифологии и религии как число троицы или триады. В мистических и религиозных учениях число 3 часто рассматривается как символ полноты, совершенства и равновесия [1].

Символика числа расширяется на различные аспекты жизни: рождение, жизнь, смерть; небо, земля, человек; тело, разум, дух и т. д. Оно также может отражать три основных фазы жизни: становление, развитие, совершенствование. В магических и эзотерических системах число 3 часто связано с силой творения, силой слова и магической троицей. Оно также символизирует три аспекта человеческой природы: телесное, умственное, духовное. Кроме того, число 3 может представлять гармоничное сочетание противоположностей, тройственное единство и согласование противоречий. Число 3 также раскрывает себя через три аспекта времени: прошлое, настоящее, будущее; три аспекта пространства: длина, ширина, высота; три стадии развития: начало, середина, конец. В целом, символическая природа числа 3 подчеркивает обширное присутствие этого числа в различных аспектах жизни, придающее ему значимость и символическое значение [2].

Всё это обусловило использование числа *три* во фразеологизмах разных народов, что позволит определить признаки сходства и различия и выявить культурные, исторические и религиозные контексты в каждом из языков. Для реализации данной цели был собран фактический материал и проведён сравнительный и сопоставительный анализ выявленных из разных источников КФ: в английском – 35, в русском – 85, в белорусском – 57.

Установлено, что общим для трёх языков является общая символика числа – полнота и завершенность. Примером может служить концепция Троицы в христианстве (Отец, Сын и Святой Дух). Также число 3 – число судьбы и удачи. Примером выступает английское выражение *third time's a charm* 'третья попытка может быть удачной'. Во многих сказках и мифах число три играет важную роль. Например, *три желания*, *три испытания*, *три медведя*, *три головы*, *три поросёнка* и т. д. Эти мотивы присутствуют как в русских и белорусских, так и в английских сказках. Число три часто используется в искусстве (*три грации*, *три мудреца*) и в музыке (*три аккорда*). Число 3 пронизывает множество аспектов человеческой культуры, языка и мышления, подчёркивая его универсальное значение как символа целостности, удачи, гармонии, структуры и культурных традиций [3].

Однако фразеологизмы с компонентом *три* / *третий* в английском, русском и белорусском языках могут различаться как по тематике, так и по культурным образам. В русском языке акцентируется внимание на народных традициях и сказочных элементах, белорусский язык сочетает элементы народной мудрости с акцентом на общинные ценности, в то время как в английском – на риторике и исторических событиях. Так, английское выражение *good things come threes* 'хорошие вещи приходят трижды (тройками)' имеет несколько версий происхождения и уходит корнями в латинское выражение *omne trium perfectum* 'всё, что приходит в тройках идеально', что переводится на английский *the rule of three* 'правило трёх'.

В английском языке фразеологизмы с компонентом *три* часто используются для акцентирования внимания и аргументации, в то время как в русском и белорусском языках они больше сосредоточены на моральных уроках и культурных аспектах. Также важно отметить, что в английском языке число 3 используется во фразеологических единицах для создания

запоминающихся фраз (*the rule of three; in threes; three cheers for; three's a crowd; third wheel* и др.), в русском – для передачи моральных уроков (*трижды проверь; трижды поклониться; трижды герой; три раза подумать* и др.), а в белорусском – для подчёркивания единства и сотрудничества (*тры разы спытайся, адзін раз адкажы; тры ў адным* и др.).

Анализ КФ позволяет выделить три группы в трёх языках: частичные, полные и безэквивалентные. Важно отметить, что наибольшее количество полных и частичных эквивалентов выявлено в русском и белорусском языках. Разница в количестве полных и частичных эквивалентов фразеологизмов между русским и белорусским языками по сравнению с английским может быть объяснена несколькими факторами:

- русский и белорусский языки принадлежат к одной языковой семье; они могут иметь общие корни и исторические особенности, что создаёт условия для появления эквивалентов;
- многие выражения возникают из одинаковых культурных реалий, обычаев и менталитета;
- в белорусском языке много заимствованных фразеологизмов из русского языка, что увеличивает количество эквивалентов;

- фразеологизмы в славянских языках имеют более выраженные структурные аналогии.

Из числа выявленных фразеологизмов в трёх языках наибольший интерес представляют частичные эквиваленты. Это выражения в разных языках, которые передают схожее значение, но не полностью совпадают по структуре, образности и стилистике. Они могут использоваться в схожих контекстах, но при этом могут иметь различные образы. Частичные эквиваленты играют важную роль в переводе и адаптации, поскольку позволяют передать смысл при отсутствии полного эквивалента [4].

К таким фразеологизмам относятся, например, *think twice, speak once* – *дважды подумай, один раз скажи* – *тры разы падумай, адзін раз скажы* ‘обдумай свои слова перед тем, как их произнести’ (совпадают по структуре, не совпадают по числовому компоненту); *to kill three birds with one stone* – *убить трёх зайцев одним выстрелом* – *забіць трох птушак аднім стрэлам* ‘достижение нескольких целей одновременно’ (имеют одинаковую структуру, отличаются образами); *three peas in a pot* – *как две капли воды* – *як дзве кроплі вады* ‘описание нескольких людей, которые очень похожи друг на друга или хорошо ладят между собой’ (совпадают в русском и белорусском языках, отличаются от английского языка числовым компонентом); *insert your five cents* – *вставить свои пять копеек* – *устаўляць свае тры грошы* ‘вмешиваться в разговор, высказать своё мнение, когда тебя не спрашивали’ (совпадают в русском и английском языках, отличаются от белорусского числовым компонентом); *seven evils* – *тридцать три несчастья* – *тры дні грозы* ‘затяжные неудачи; человек, с которым всегда случается что-то неприятное (имеют схожее значение в трёх языках, отличаются структурой и числовым компонентом)’; *three times a week* – *три раза на день* – *тры разы на дзень* ‘очень часто’ (имеют одинаковую структуру, отличаются временным компонентом) и др.

Полные эквиваленты – выражения в разных языках, которые имеют одинаковое или близкое значение, структуру и образность. При переводе текстов полные эквиваленты помогают сохранить оригинальный смысл и стилистическую окраску высказывания.

В группу полных эквивалентов трёх языков входят следующие фразеологизмы: *third time's a charm* – *третий раз удачный* – *трэці раз шчаслівы* ‘успех после двух неудач’; *good things come in threes* – *хорошие вещи приходят по три* – *добрыя рэчы прыходзяць па тры* ‘хорошие события или вещи часто происходят в группах по три’; *the rule of three* – *правило трёх* – *правіла трох* ‘риторический приём, согласно которому информация представленная в группах по три, воспринимается лучше’; *third wheel* – *третий лишний* – *трэці лішні* ‘кто-то чувствует себя лишним в компании других’; *three in one* – *три в одном* – *тры ў адным* ‘что-то, что объединяет три функции или качества’; *three's a crowd* – *трое* – *это толпа* – *трое* – *гэта натоўп* ‘два человека чувствуют себя менее комфортно в присутствии третьего’; *three cheers for* – *трижды ура!* – *тры разы ўра!* ‘поддержка или одобрения; отметка достижений другого человека’; *the power of three* – *сила тройки* – *сіла тройкі* ‘три элемента вместе могут быть более эффективными или мощными, чем по отдельности’; *three bullets in one head* – *три пули в одной голове* – *тры кулі ў адной галаве* ‘наличие нескольких проблем или забот одновременно’; *three days to think it over* – *три дня на раздумья* – *тры дні на разважанні* ‘необходимость времени для принятия решения’; *three steps forward* – *три шага вперёд* – *тры*

крокі наперад ‘прогресс или движение вперёд’; *threefold* – *тройной* – *тройны* ‘что происходит трижды или в трёх экземплярах’; *three roads, three fates* – *три дороги-три судьбы* – *тры шляхі* – *тры лёсы* ‘каждый выбор ведёт к разным последствиям’ и др.

Безэквивалентные фразеологизмы – это выражения, которые не имеют точных аналогов в другом языке, они часто требуют более подробного объяснения или перевода, чтобы передать их смысл, поскольку в них отражена культура, традиции, менталитет и исторические особенности того или иного народа.

К таким фразеологизмам в английском языке относятся: *three sheets to the wind* ‘сильно пьяный человек’; *three strikes and you're out* ‘в бейсбольной терминологии означает, что если человек делает три ошибки, он больше не имеет возможности участвовать’; *it takes two to tango, but three can make it awkward* ‘это выражение подразумевает, что во многих конфликтных ситуациях двоим людям достаточно взаимодействия’; *behind the scenes, the third party* ‘используется для описания ситуации, когда кто-то присутствует, но не на переднем плане или не активно участвует’; *as phony as 3 dollar bill* ‘фраза означает что-то лживое, фальшивое, как купюра в 3 доллара’; *in three shakes of a lamb's tail* ‘очень быстро, моментально’; *a three-ring circus* ‘означает хаотичную или запутанную ситуацию, с большим количеством вещей, происходящих одновременно’; *count to three* ‘рекомендация досчитать до определённого числа, чтобы успокоиться, прежде чем реагировать’ и другие [5].

В русском языке – это фразеологизмы: *три раза в жизни* ‘очень редко’; *трижды проверенный* ‘надёжный, проверенный многократно’; *трижды герой* ‘высшая степень признания заслуг’; *трижды проклятый враг* ‘крайне негативное отношение к кому-то’; *трижды благовословенный* ‘о чём-то хорошем, удачном’; *трижды сплюнуть через левое плечо* ‘суеверие, чтоб избежать сглаза’; *трижды постучать по дереву* ‘суеверие, чтобы не сглазить’; *трижды поклониться* ‘выражение глубокого уважения’; *трижды обернуться назад* ‘быть очень осторожным’; *трижды перепроверить* ‘быть крайне внимательным’; *трижды перекреститься* ‘для защиты от сглаза или неудач’; *три грации* ‘символ красоты и изящества’; *три головы* ‘используется для описания чудовищ в сказках’; *трижды прав* ‘абсолютная правота’; *три копейки* ‘очень мало’; *три вершка от горшка* ‘о человеке маленького роста’; *три короба* ‘очень много (говорят о словах, обещаниях)’; *третий сорт – не брак* ‘что-то среднее, не самое лучшее, но и не самое худшее’; *три богатыря* ‘символ силы и единства’; *три погребели* ‘очень далеко или в труднодоступном месте’ и др.

В белорусском языке к безэквивалентным фразеологизмам относятся: *тры разы палічы* ‘необходимость подумать или проверить что-то несколько раз перед принятием решения’; *тры ўхілы* ‘расхождение взглядов в каком-то вопросе’; *тры свае* ‘три вещи человека, которые ему особенно нужны и важны’; *тры салаўі* ‘три очень талантливых или красивых человека, которые выделяются среди других’; *бачыць на тры сажні ў зямлю* ‘быть проницательным и дальновидным’; *тры бочкі арыштантаў* ‘очень много рассказывать про что-либо неправдоподобное’; *дзе двух зваду вядзе, там трэці крадзе* ‘когда третий выигрывает от споров двоих’; *кеп, дурань, блазен – тры штукі разам* ‘полный дурак’; *як тры дні не еў* ‘быть очень голодным’; *ні ў тры, ні ў два* ‘быть неуместным’; *схавай свае тры грошыкі* ‘не лезь не в своё дело’; *тры чвэрці да смерці* ‘совсем недолго’; *тры вясёлкі* ‘что-то яркое, многоцветное, часто в переносном смысле’ и др. [6].

Таким образом, фразеологизмы с компонентом *три / третий* в английском, русском и белорусском языках отражают уникальные культурные и исторические контексты каждого народа. Общим для них является символика числа 3, связанная с идеями единства, гармонии и мудрости. Русский и белорусский являются родственными, поэтому имеют большее количество полных и частичных эквивалентов, а вот английский язык является не родственным по отношению к этим двум, следовательно количество полных и частичных эквивалентов значительно меньше. В английском языке имеют значение риторические приёмы и влияние на коммуникацию. В русском языке внимание акцентируется на фольклорных корнях. Белорусские фразеологизмы чаще всего подчёркивают социальные связи. Эти различия свидетельствуют о богатстве и разнообразии культурного наследия каждого языка.

Литература

1. Смирницкий, А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. – М., 1998. – 260 с.
2. Красных, В. В. Этнолингвистика и лингвокультурология : лекц. курс / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 283 с.
3. Якушин, Б. В. Гипотезы о происхождении языка / Б. В. Якушин. – М. : Наука, 1984. – 137 с.
4. Жуков, В. П. Русская фразеология : учеб. Пособ. для вузов / В. П. Жуков. – М. : Высш. шк., 1986. – 310 с.
5. Oxford idioms dictionary for learners of English. – Oxford : University Press, 2021. – 469 p.
6. Лепешаў, І. Я. Фразеалогія сучаснай беларускай мовы : вучэб. дапам. для студ. філ. фак. ВНУ / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Выш. шк., 1998. – 271 с.

Гомельский государственный
медицинский университет

Поступила в редакцию 27.05.2025

Художественный мир китайской и русской детской литературы: общее и уникальное

Сун Цзе

В статье на материале фольклорных и литературных текстов России и Китая для детей анализируется понятие художественный мир детства с точки зрения его принципов: подлинности, идентичности и игрового начала. Рассматривается система образов, представлений, идей, отражающих и преобразующих реальность в соответствии с особенностями детского восприятия в русской и китайской литературе.

Ключевые слова: литературное творчество, детская проза, художественный мир детства, образ ребенка.

This article using folklore and literary works for children from Russia and China, analyzes the concept of the artistic world of childhood in terms of its principles: authenticity, identity, and playfulness. It examines the system of images, representations, and ideas that reflect and transform reality in accordance with the peculiarities of children's perception in Russian and Chinese literature.

Keywords: literary creativity, children's prose, the artistic world of childhood, the image of the child.

Художественное творчество является деятельностью по осмыслению, отражению и интерпретации объективного мира, в связи с чем ему имманентно присущ принцип «подлинности». В рамках данного исследования «подлинность» трактуется как многомерная категория, ключевая для структуры художественного мира. Её содержание раскрывается через диалектическое взаимодействие между «художественным миром» и «жизненной реальностью» [1]. В пространстве детской литературы художественный мир не только подчиняется общим законам творчества, но и обладает спецификой, обусловленной необходимостью соответствовать познавательным особенностям, эмоциональным потребностям и эстетическому восприятию детской аудитории, транслируя подлинные чувства и мысли через систему образов.

Настоящее исследование посвящено анализу художественного мира детства в русской и китайской литературе на примере ряда произведений. Уникальность культурно-исторических традиций и идеологических контекстов двух стран обуславливает значительный компаративный потенциал их детской литературы, проявляющийся в художественных стилях и воспитательных функциях. Что касается художественной аутентичности, то особенности генезиса и социального предназначения детской литературы в Китае и России предопределили как общие черты, так и различия в моделировании мира детства.

Специфика художественного мира детской литературы проявляется в нескольких аспектах.

Прежде всего, детская литература дистанцируется от взрослой в подходах к осмыслению, отражению и интерпретации действительности. Её художественный мир – это не упрощенная или «омоложенная» версия мира взрослой литературы, а самостоятельное явление, обладающее собственными эстетическими критериями и познавательной логикой. Специфика восприятия, эмоциональный строй и модели мышления ребенка фундаментально отличаются от взрослых, что обуславливает необходимость следования особым художественным законам при отображении и осмыслении мира [2].

Дети, особенно младшего возраста, склонны к анимистическому восприятию действительности, в связи с чем «говорящие животные» и «одушевленная природа» в детской литературе не являются обманом, но, напротив, соответствуют детской психологии. Тематический репертуар детской литературы обращен к близким ребенку сферам: животным и растениям, героям, мифологическим и волшебным существам, к которым детское сознание проявляет особую восприимчивость [3].

При этом важно подчеркнуть, что проблематика детской литературы должна быть отлична от взрослой и ограждена от насилия, пошлости и азарта, присущих миру взрослых. Это,

однако, не означает, что детская литература должна избегать реалий социальной жизни или «обманывать» детей, скрывая от них правду. Напротив, она никогда не призывала к уходу от действительности. Будь то классическая сказка «Девочка со спичками» Г.-Х. Андерсена, критический реалистический роман «Оливер Твист» Ч. Диккенса, современная сказка «Соломенный человечек» Е Шэнтао или роман Цао Вэньсюаня «Бронза и подсолнухи» – «все они “разрывают на части” реальную общественную жизнь, чтобы дети могли ее увидеть, используя художественные и образно-эстетические приемы, писатели рассказывают детям о “реальных людях”, “реальном мире” и “реальных истинах”» [4, с. 54].

Во-вторых, художественный мир детской литературы должен быть созвучен специфике детского мышления, психологическим особенностям и этапам социализации ребенка. В эстетике взрослой литературы подлинная сущность жизни, воплощенная в художественном мире, «есть особая природа жизни, отраженная через взаимоотношения и поступки некоторых конкретных персонажей» [5, с. 6]. В отличие от нее, детская литература не ставит своей целью обязательное соответствие субъективного замысла автора объективной реальности, то есть прямое отражение истинных жизненных отношений объективного мира.

Исторически в детской литературе широко представлены сюжеты и образы, основанные на волшебстве, олицетворении, абсурде, гротескном преувеличении, пространственно-временных смещениях и воскрешении. С точки зрения взрослого, оценивающего мир через призму рационального мышления, такие элементы представляются ненаучными и грубо нарушающими принцип подлинности. Однако для детского восприятия они являются реальными, правдоподобными, яркими и наполненными жизненной силой.

В-третьих, принципы организации художественного мира детской литературы детерминированы и ограничены особенностями мышления ее основной аудитории – детей и подростков. Согласно теории генетической эпистемологии и психологии развития швейцарского психолога Жана Пиаже, «детское мышление имеет изоморфное соответствие с примитивным мышлением, что приводит к анимизму (все вещи имеют дух), искусству (все вещи находятся во мне), произвольному комбинированию, предпринципным концепциям и другим особенностям детского мышления, которые явно отличаются от современных моделей мышления взрослых» [6, с. 39].

Так, анимизм, по Пиаже, заключается в том, что дети наделяют сознанием, намерениями и эмоциями любые объекты – от игрушек до солнца и камней. Артефактизм проявляется в том, что ребенок объясняет происхождение природных явлений, не понимая, что природа развивалась посредством безличных, естественных физических и биологических процессов [6, с. 41]. Произвольная ассоциация возникает, когда дети связывают события или объекты, лишённые объективной логической связи, на основе сугубо субъективного восприятия [7, с. 59]. Прекаузальное мышление, объединяющее эти черты, представляет собой свойственный детям способ объяснения причинно-следственных связей, который противоречит формальной логике взрослых и является сплавом анимизма, артефактизма и произвольных ассоциаций.

Таким образом, дети не «рассуждают ошибочно» – они проходят уникальный и необходимый этап когнитивного развития, активно выстраивая в воображении волшебную и фантастическую картину мира с помощью доступных им психических инструментов [8, с. 7].

В основе художественного мира детства лежат три ключевых принципа детского мышления: жизненность (подлинность), самобытность (идентичность) и игровое начало.

Жизненность (подлинность) как принцип детского художественного произведения подразумевает видение мира глазами ребенка, для которого все сущее является одушевленным. В сознании детей (особенно в младшем возрасте) весь окружающий мир – цветы и деревья, птицы и животные, предметы обихода, а в особенности куклы, игрушки и другие антропоморфные объекты – наделен человеческой душой, обладает собственной жизнью, эмоциями, мыслями, чувствами и речью.

Самобытность (идентичность) означает, что ребенок, погружаясь в чтение, не рефлексирует о соответствии художественного мира объективной реальности. Он входит в произведение с полной верой, готовностью к чуду и внутренним согласием, чтобы затем эмоцио-

нально слиться с персонажами, жить их жизнью, сопереживать их радостям и горю. Иными словами, происходит процесс ассимиляции: читатель отождествляет себя с художественным образом, образуя с ним нераздельное целое.

Принцип игрового начала раскрывает специфику детского мировосприятия, которое руководствуется внутренне выработанными правилами, соответствующими собственной логике мышления ребенка. Объективный мир с его внутренними законами «понятен и осмыслен взрослыми. Взрослые приспосабливаются к этому миру в соответствии со своими собственными моделями мышления и навыками выживания, а также устанавливают набор правил и систем символов (таких как законы, системы, иерархии, политическая власть, валюта, транзакции и т. д.), которые может понять и свободно использовать только мир взрослых. Поэтому этот объективный физический мир, а также правила и языковые символы, которые взрослые свободно используют для адаптации к этому миру, совершенно изолированы и чужды детскому миру. У детей нет ни способности, ни интереса к их пониманию. Чтобы приспособиться к этому миру, дети также создают свой собственный набор игровых правил и языковых символов в соответствии со своими собственными моделями мышления и логикой» [9, с. 5].

Изменения во времени, а также культурно-исторический и социально-бытовой контекст неизбежно влияют на детское мировоззрение и в значительной степени формируют характер. Русская и китайская детская литература, обладая глубокими культурными традициями и богатой галереей классических образов, демонстрируют как типичные различия в характерах персонажей, так и определенные сходства.

На формирование детской литературы обеих стран огромное влияние оказал фольклор. Народные сказки, мифы, легенды, а также русские былины и китайские классические романы, такие как «Путешествие на Запад» и «Возвышение в ранг духов», будучи адаптированными, стали важными источниками сюжетов.

Яркой иллюстрацией служит сравнение образов русского и китайского героев. Самый юный богатырь Алеша Попович предстает веселым, остроумным, порой хвастливым и даже легкомысленным, но при этом наделенным смекалкой и удалью. Его победа над Тугарином Змеем демонстрирует, что успех в борьбе зависит не столько от грубой силы, сколько от ума и изобретательности. Алеша одолевает противника хитростью: насмешками он выводит его из себя, и, воспользовавшись потерей бдительности, одерживает верх. Таким образом, русские богатыри, вступающие в противоборство с драконами и волшебниками, олицетворяют отвагу и народную мудрость.

Схожие качества можно обнаружить у героя китайской сказки «Волшебная кисть Ма Ляна», написанной Хун Синьтао в 1955 г. Автор создал образ мальчика из бедной семьи, который, получив волшебную кисть, способную воплощать рисунки в реальность, становится поборником справедливости, наказывая зло и поощряя добро. Ма Лян, как и Алеша Попович, добр и справедлив, а его поступки сочетают в себе мудрость и мужество, что выявляет общее в архетипах положительного героя обеих традиций [10].

Повествовательные структуры в китайской и русской детской литературе эволюционируют от классической линейности к экспериментальным нелинейным формам, каждая из которых отражает уникальные культурные смыслы и исторический контекст. В русской литературе этот переход совершился относительно рано: на смену акценту на коллективистских идеалах пришёл углублённый интерес к внутреннему миру личности. В этом ключе нелинейное повествование стало средством рассказать о пережитых травмах (например, в военной прозе) и передачи ощущения растерянности. Китайская традиция, в свою очередь, обратилась к нелинейным моделям позднее, в период после реформ и открытости, что было обусловлено переосмыслением детской психологии (с учетом скачкообразности мышления) и ростом потребности в освоении травматического исторического опыта через опосредованные формы повествования.

Ярким примером классической линейной структуры служит сказка Чжан Тяньи «Гайна волшебной тыквы», четко следующая законам познавательного и психологического развития ребенка. Ее композиция выстроена по традиционной схеме: завязка, развитие действия, кульминация и развязка, которые сопровождаются нравственным становлением героя.

В начале повествования читатель знакомится с мальчиком Ван Бао – обычным, но несколько ленивым и несобранным ребенком, чью жизнь омрачают школьные трудности. Под влиянием бабушкиных рассказов он погружается в мечты о волшебной тыкве, способной исполнить любые его желания. Эти фантазии неожиданно материализуются: во время рыбалки он находит говорящую тыкву, готовую безоговорочно служить ему.

Первоначальная радость от исполнения желаний – готового домашнего задания, вкусных угощений и новых игрушек – вскоре сменяется тревогой. Ван Бао обнаруживает, что тыква действует примитивно и разрушительно: она не создает блага, а попросту отнимает их у других. Мальчик невольно превращается в обманщика и вора, теряя доверие окружающих. Ситуация достигает критической точки, когда на экзамене тыква подменяет работы всех одноклассников его собственной, едва не приведя к публичному разоблачению.

Осознав губительную природу «помощи» тыквы, Ван Бао находит в себе силы отказаться от нее и уничтожает ее. Финал истории, оставляющий возможность трактовать произошедшее как сон, подчеркивает глубокий нравственный урок, усвоенный героем: он приходит к пониманию, что «в мире не бывает бесплатных обедов» и любое достижение требует личных усилий [11, с. 109]. Таким образом, сюжет произведения выстраивается традиционно: «желание – осуществление – проблема – прозрение – отказ – рост», а его повествовательная структура остается кристально ясной и дидактически завершенной.

Роман Пэн И «Безумный зеленый ежик» (1996) представляет собой пример новаторской повествовательной структуры в китайской детской литературе. Это произведение, сочетающее элементы фэнтези с глубоким психологизмом, исследует темы детской травмы, семейных отношений, одиночества и искупления. Его повествовательная структура отступает от традиционной линейности, выстраивая сюрреалистичную картину мира посредством нелинейного, многоперспективного и символического коллажа.

Повествование от первого лица позволяет погрузиться во внутренний мир травмированного ребенка, используя «сумасшедшего» зеленого ежа в качестве основного символа и движущей силы повествования, чтобы силой разорвать репрессивный семейный тупик и привести отца и сына, находящихся в глубокой отчужденности, в фантастический лес, символизирующий подсознательное / исцеляющее пространство [12, с. 18–20]. В романе сочетаются двухлинейные композиционные переплетения и психологический реализм. Угнетающая семейная обстановка, напряженные отношения отца и сына, ярость отца, страх и одиночество «я» – это реалистическая линия, рисующая холодный и жестокий мир детства. Появление таинственного зеленого ежа, его «безумное» поведение и фантастический лес – это линия фэнтези, представляющая собой экстернализацию и проекцию внутреннего мира главного героя (желание, страх, боль и потребность в любви). Эти две линии тесно переплетены. Повествование стирает границы между реальностью и фантазией и больше фокусируется на показе истинных чувств персонажей, особенно детей.

«Повесть о Зое и Шуре» (1949) Любови Космодемьянской представляет собой документально-художественное произведение, основанное на реальных событиях из жизни ее детей – Зои и Александра (Шуры) Космодемьянских. Сюжет выстроен в строгом хронологическом порядке, последовательно раскрывая этапы: мирная довоенная жизнь, начало войны, уход Зои на фронт и ее гибель, гибель Шуры, а также посмертное признание и духовное наследие героев.

С момента первой публикации в 1949 г. повесть стала классикой советской детской и юношеской литературы, оказав значительное влияние не только в СССР, но и в странах социалистического лагеря. «Ее суть – пропаганда патриотизма, героизма и самопожертвования» [13, с. 89]. Использование линейного повествования от первого лица (матери) позволило достоверно и детально описать путь юных героев от обычного взросления до героического самопожертвования.

Это произведение является классическим примером социалистического реализма с выраженной идейно-воспитательной функцией. Его успех обусловлен органичным сочетанием документальной основы, глубины человеческих чувств – материнской любви, патриотизма, скорби – и мощного воспитательного заряда. Таким образом, книга представляет собой не только историческую хронику, но и духовный символ своей эпохи.

Совершенно иная по эмоциональной тональности повесть-сказка Эдуарда Успенского «Крокодил Гена и его друзья» (1966). Ее герои – добродушный крокодил Гена, наивный Чебурашка, жизнерадостная девочка Галя и вредная старушка Шапокляк, вечно ищущая повод для пакостей, – были хорошо знакомы каждому советскому ребенку [14].

Сюжет произведения складывается из серии относительно самостоятельных, но связанных общим замыслом эпизодов. В центре каждого из них – небольшая проблема, возникающая в процессе «строительства Дома друзей» (например, пропажа инструментов, покраска стены, нехватка материалов или новая проделка Шапокляк). Развитие действия подчинено повторяющейся схеме: возникновение проблемы – попытка ее решения – вмешательство Шапокляк – объединение усилий для преодоления препятствий. Таким образом, в повести отсутствует сложный сюжет или острый конфликт в традиционном понимании; ее наполняют юмористические ситуации, демонстрирующие важность дружбы, взаимопомощи и стойкости перед мелкими неурядицами.

Повествовательная структура произведения представляет собой модель, основанную на персонажах, где отдельные события связываются в единое целое. Такой подход обеспечивает простоту восприятия и увлекательность, одновременно транслируя юному читателю ценности дружбы, взаимовыручки и неизменного оптимизма. Образы Гены и Чебурашки прочно вошли в советский культурный код, став символом искренней дружбы, а Шапокляк со своим уникальным обаянием «комедийной злодейки» стала незаменимым источником комического и остроты в повествовании.

Образы и символы также играют важную роль в построении художественного мира китайской и русской детской литератур. Они являются не только носителями эстетического выражения, но и мостами для культурного наследия и передачи ценностей. Образы и символы в китайской и русской детской литературе подобны «двусторонней вышивке»: русская делает акцент на жизненном просветлении с помощью духовных символов, а китайская подчеркивает социальную дисциплину с помощью этических образов, но обе они сеют культурные семена в детские сердца через символизацию реальности. Китайская и русская детская литература – это как два разных духовных полюса, представляющие совершенно разные символические спектры в выражении художественного мира.

Символическая система русской детской литературы отличается особой религиозно-философской глубиной. Так, в повести К. Паустовского «Золотая роза» (1955) метель – не только природное явление, но и символ переменчивости судьбы. Река Волга в «Детстве» М. Горького (1913) обретает двойной смысл, олицетворяя как национальное страдание, так и путь к духовному искуплению. Подобные символы часто сопряжены с изображением суровых реалий и не избегают экзистенциальных тем, таких как смерть и одиночество.

Символический мир китайской детской литературы пронизан традиционной и лирической эстетикой. Так, в сказке Е Шэнтао «Соломенный человечек» (1992) образ поля становится воплощением сочувствия к трудящемуся человеку, а тростниковое болото в повести Цао Вэньсюаня «Бронза и подсолнухи» (2005) служит одновременно свидетельством страданий и источником душевного тепла. Для китайской традиции характерно превращение природных объектов в нравственные символы: бамбук олицетворяет честность и стойкость, слива – упорство, а лотос – чистоту. В отличие от русской традиции, даже в образах, передающих страдание, китайская литература сохраняет особую лирическую мягкость, воплощая эстетику светлой печали, лишенной отчаяния.

Наиболее рельефно различие художественных миров проявляется в трактовке природных образов, которые занимают значительное место в обеих традициях, но наполнены разным смыслом.

В русской детской литературе природа наделена первобытной жизненной силой и религиозной таинственностью. Огромный лес предстает здесь не просто ландшафтом, а одушевленным существом, обладающим собственной волей. В повести М. Пришвина «Кладовая солнца» (1945) лес изображен как царство, полное опасностей и чудес, где дети обретают не столько знания о растениях, сколько благоговейное отношение к жизни. Метель осмысливается как символ изменчивости судьбы, а береза – как воплощение русской души. Природа наделена духовностью и становится для детей средством непосредственного соприкосновения с сутью жизни.

В отличие от этого, природные образы в китайской детской литературе отличаются гармоничностью и лиризмом. В произведениях Лу Синя «От “Сада ста трав” до “Кабинета трех запахов”» (1926) и Цао Вэньсюаня «Соломенный дом» природа предстает как пространство, насыщенное человеческими переживаниями. Бамбуковые рощи, лотосы и рисовые поля – это не только пейзажи, но и культурные символы, носители определенных эмоций. Философское представление о «гармонии человека и природы» в традиционной китайской культуре часто наделяет природные образы моральным подтекстом и человеческим теплом. Смена времен года осмысливается здесь не только как климатический цикл, но и как метафора жизненного ритма; горы и реки – не просто географические объекты, а проекция внутреннего мира. Такой взгляд на природу подчеркивает гармоничное сосуществование человека и окружающей среды, а природа становится особым пространством для эмоционального и нравственного развития ребенка.

Различие в изображении природы отражает разные представления о реальности. Русская литература стремится к истине бытия – природа как объективная реальность, независимая от человеческой воли, своей дикостью напоминает человеку о его месте во вселенной. В китайской литературе больше внимания уделяется правде эмоций – природа, как продолжение души, своей красотой питает развитие человечества. Это различие не является различием между хорошим и плохим, а лишь естественным проявлением уникальных культурных кодов. В условиях современного мира диалог двух взглядов на природу открывает перед детской литературой более широкие возможности: он не только позволяет детям понять объективные законы природы, но и помогает им установить эмоциональную связь с ней.

В конечном счете, образы в детской литературе обеих стран служат единой цели – помочь ребенку сформировать целостную картину мира и его ценностные ориентиры. Художественные миры китайской и русской литературы, при всем различии своих символов и образов, выполняют общую фундаментальную функцию: они помогают детям осмыслить мир и формируют их сознание. Несмотря на разность стилей, символические системы обеих традиций сходятся в главном – своей художественной образностью они призваны посеять в детских сердцах семена истины, добра и красоты. Если русская литература дает ребенку смелость смотреть в лицо суровой действительности, то китайская наделяет его способностью видеть и ценить красоту жизни. Они дополняют друг друга и вместе обогащают духовный рост детей.

В будущем детской литературе необходимо уделять больше внимания субъектности ребенка, находя баланс между вымыслом и реальностью, избегая чрезмерного приукрашивания действительности и не навязывая детям преждевременно сложность мира взрослых. Кроме того, важной тенденцией станет межкультурный диалог. Опираясь на подлинные образцы художественного самовыражения разных культур, русской и китайской, в частности, детская литература может эффективнее удовлетворять разнообразные потребности детей и стать их духовным ориентиром на пути взросления.

Литература

1. Кондаков, Б. В. Художественный мир литературы и феномен детского мирознания. Статья первая / Б. В. Кондаков, Т. Д. Попкова // «Языкознание и литературоведение» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-mir-literatury-i-fenomen-detskogo-mirosoznaniya-statya-pervaya/viewer>. – Дата доступа : 12.09.2025.
2. Цзэдун, Мао. Речь на Яньаньском съезде по литературе и искусству = 在延安文 · 座 · 会上的 · · / Мао Цзэдун // Избранные произведения Мао Цзэдуна. – М. : Народ. изд-во, 1991. – Т. 3. – 911 с.
3. Синь, Лу. О «мультфильме» = 《漫 · “漫画”》 / Лу Синь // Taibai Bimonthly. – Shanghai, 1935. – V. 2, № 1. – 72 с.
4. Тяньи, Чжан. О творчестве = 天翼 · 作 / Чжан Тяньи. – Шанхай : Шанхайское лит.-худ. изд-во, 1982. – 345 с.
5. Юаньсян, Ван. Литературная теория и современная эпоха = 文学理 · 与当 · 今 · 代 / Ван Юаньсян. – Ханчжоу : Изд-во Чжэцзянского ун-та, 2002. – 517 с.
6. Пиаже, Ж. Представление ребенка о мире = The child's conception of the world / Ж. Пиаже. – Нью-Йорк : Харкорт, Брейс Йованович, 1929. – 319 с.

7. Пиаже, Ж. Представление ребенка о физической причинности = The child's conception of physical causality / Ж. Пиаже. – Лондон : Kegan Paul, 1930. – 309 с.
8. Пиаже, Ж. Игра, сны и подражание в детстве = Dreams and imitation in childhood / Ж. Пиаже. – Нью-Йорк : Нортон, 1951. – 68 с.
9. Цюаньгэнь, Ван. О художественной правде, художественном образе и художественной перспективе в эстетическом творчестве детской литературы = 儿童文学美造中的真、形象、角 / Ван Цюаньгэнь. – Теория и творчество, 2010. – 10 с.
10. Синьтао, Хун. Волшебная кисть Ма Ляна = 神笔良 / Хун Синьтао. – Шанхай : Детское изд-во, 1955. – 137 с.
11. Тяньи, Чжан. Тайна волшебной тыквы = 宝葫芦的秘密 / Чжан Тюяньи. – Пекин : Китайское изд-во детской и юнош. лит-ры, 1958. – 239 с.
12. И, Пэн. Безумный зеленый еж = 狂刺猬 / Пэн И. – Чанша : Хунаньское изд-во детской и юнош. Лит-ры, 1996. – 145 с.
13. Космодемьянская, Л. Т. Повесть о Зое и Шуре : повесть : для среднего и старшего школьного возраста / Л. Т. Космодемьянская ; литературная запись Ф. Вигдоровой. – М. : Детская лит-ра, 2023. – 318 с.
14. Успенский, Э. Н. Крокодил Гена и его друзья / Э. Н. Успенский. – М. : Детская лит-ра, 1966. – 72 с.

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 23.10.2025

Фармальна-змястоўныя асаблівасці ўвасаблення матыва навала-кантынуум у аповесці «Дзесяць» З. Бядулі

З.І. ТРАЦЦЯК

У артыкуле разглядаецца спецыфіка рэпрэзентацыі матыва навала-кантынуум у аповесці «Дзесяць» З. Бядулі. Адзначаецца імкненне пісьменніка паяднаць здабыткі рэалістычнага і мадэрнісцкага пісьма, што дазволіла ўвасобіць дынамічны характар эпохі і заглыбіцца ў псіхалогію персанажаў, якія апынуліся ў плыні экстрэмальных грамадска-палітычных трансфармацый. У сувязі з паэтыкай мадэрнізму пісьменнік звяртаецца да мантажу і выпрабоўвае мастацкія вартасці падтэксту. Падкрэслены асаблівыя адносіны апавядальніка і персанажаў да слова як сродку назапашання і сістэматызацыі ведаў пра падзеі першай трэці XX ст. і рэалізацыі іх крэатыўных здольнасцей. У аповесці «Дзесяць» мова і маўленне герояў сведчаць пра прыналежнасць да «сваіх» ці «чужых», якія па-рознаму рэагуюць на маральна-этычныя і быццёвыя праблемы, народжаныя кожным асобным эпізодам навалы-кантынуума.

Ключавыя словы: беларуская літаратура, Першая сусветная вайна, матывы навала-кантынуум, З. Бядуля.

The article examines the specific features of 'continuous disaster' motif representation in Z. Byadula's short story 'Ten'. The writer's desire to combine the achievements of realistic and modernist writing is noted. It allowed to embody the dynamic nature of the era and delve into the psychology of the characters who found themselves in the flow of extreme socio-political transformations. In connection with the poetics of modernism, the writer turns to montage and tests the artistic merits of the subtext. The special relationship of the narrator and the characters to the word as a means of accumulating and systematising knowledge about the events of the first third of the twentieth century and realising their creative abilities is emphasized. The characters' language and speech indicate their belonging to 'friend' or 'foe', who react differently to the moral-ethical and existential problems born of each individual episode of the continuous disaster.

Keywords: Belarusian literature, World War I, 'continuous disaster' motif, Z. Byadula.

1920–30-я гг. – час інтэнсіўнага станаўлення беларускай савецкай прозы, пашырэння яе тэматычнага дыяпазону, што, у тым ліку, прыводзіла да шматаспектнага асэнсавання плыні радыкальных сацыяльных змен, якія прыпалі на пачатак XX ст. Увасабленне надзвычайнай дынамікі і сацыяльнага маштабу падзей скіроўвала літаратараў на пошукі прыдатных мастацкіх сродкаў, якія б дапамаглі яскрава і адносна лаканічна прэзентаваць спецыфіку гістарычных працэсаў, добра знаёмую самім творцам і іх першым чытачам. У гэты перыяд пашыраным для беларускай прозы на грамадска-палітычную тэматыку становіцца матывы вайна / навала-кантынуум (паўтаральны элемент твораў розных жанраў, які праз адпаведнае фармальна-змястоўнае адзінства акрэслівае шэраг камплементарных сінхронных і асінхронных сацыяльных працэсаў, што ў сукупнасці адбываюцца на быцці нацыі і прыватным жыцці персанажа). Сістэмная распрацоўка дадзенага матыва, поруч са стварэннем адмысловай мастацкай канцэпцыі чалавека, які жыве у час грамадскай нестабільнасці, распачынаецца ў 1920-я гг., калі З. Бядуля, П. Галавач, Ц. Гартны, М. Гарэцкі, М. Зарэцкі, Я. Колас, К. Чорны і інш. асэнсоўваюць наступствы Першай сусветнай вайны, рэвалюцыі 1917 г. (у асобных выпадках з адсылкамі да 1905–07 гг.), Польшка-савецкай вайны (1919–21) і т. д.

Аповесць З. Бядулі «Дзесяць» вызначаецца паслядоўным зваротам да матыва вайны / навалы-кантынууму, угрунтаванага ў падзеі першай трэці XX ст. Аўтар твора тлумачыў падвышаную цікавасць да недалёкага мінулага так: «пачынаючы з вялікай імперыялістычнай вайны, потым Кастрычнік, грамадзянская вайна, савецкае будаўніцтва, культурны ўздым мільёнаў працоўных, адыход адной эпохі і надыход другой – не вычарпальнае мора для назірання і творчасці пісьменніка» [1, с. 12]. Паралельна праявілі імкненні ўвасобіць герояў твора комплексна, як «істот гістарычных, сацыяльных, псіхалагічна-індывідуальных» [2, с. 8]. Падобны падыход запатрабаваў не толькі аналітычнага роздуму пра перажытае беларускім народам, але і тонкай псіхалагічнай нюансіроўкі паводзін персанажаў. Спыніўшы ўвагу на малой апавядальнай форме, аўтар, тым не менш, ставіў глабальную мэту: нагадаць пра 1905–

07 гг., вайну 1914–18 гг., рэвалюцыю 1917 г., барацьбу з польскімі жаўнерамі, падзел Беларусі на заходнюю і ўсходнюю часткі, голад 1932–33 гг., а таксама прааналізаваць адмысловую рэакцыю персанажаў на набыты досвед. З аднаго боку, пісьменнік падкрэсліў бясконцасць і непарыўнасць выпрабаванняў, якія напаткалі соцыум у першай трэці XX ст., з другога, спадзяваўся, што «нашчадкі ўсімі сіламі і сродкамі будуць намагацца зразумець вытокі і прычыны мінулых катаклізмаў» [3, с. 13]. З. Бядуля абраў менавіта «інтэнсіўны» (сэнсава-насычаны, але адносна лапідарны, проціпастаўлены «экстэнсіўнаму» аморфна-дэталізаванаму) падыход да выкладу матэрыялу, які павінен аднавіць дынамічны рух часу, што прапанаваў шараговаму чалавеку не толькі сутыкнуцца з наступствамі грамадска-палітычнай турбулентнасці, але і ў паскораным тэмпе «перажыць усю гісторыю культуры: ад лучыны – да электрыцтва, ад язды на кані – да самалёту» [4, с. 43]. У той жа час, навацкі ў сферы навукі і тэхнікі не спрасцілі маральна-этычных пошукаў бядулевых персанажаў, не знішчылі адчування крызіснасці эпохі.

Працуючы на момант стварэння аповесці пераважна ў плыні сацыялістычнага рэалізму, пісьменнік, тым не менш, выпрабоўваў асобныя актуальныя для яго здабыткі мадэрнізму: напрыклад, мастацкі патэнцыял мантажу і падтэксту. Паводле логікі свабодных асацыяцый у аповесці «Дзесяць», спалучаюцца розныя па часе падзеі, звязаныя з лёсам каваля Міхалкі з вёскі Глухі Бор. Паралельна аўтар звяртаецца да прыёму тыпізацыі, як адзінапрымальнага сродку ўвасаблення важкіх рыс рэчаіснасці і характарыстык персанажа, што асацыюецца са сваім прататыпам – шараговым беларусам. Прапанаваныя З. Бядулям эпізоды ўспрымаюцца як непарыўнае цэлае, бо, услед за аўтарам, чытач заглябляецца ва «ўнутраныя, эмацыйна-сэнсавыя сувязі паміж персанажамі, падзеямі і эпізодамі, што паўстаюць больш важкімі за іх знешняе, прычынна-часовае знітаванне» [5, с. 586–87]. Эксперыментальнае паяднанне набыткаў двух рознаскіраваных мастацкіх плыняў – рэалізму і мадэрнізму – рыса, характэрная для светапогляду З. Бядулі, які важкімі чыннікамі нацыянальнай культуры і самасвядомасці лічыў «працэсы інтэрферэнцыі, сінтэзу, барацьбы розных рэпертуараў (традыцыйных і наватарскіх, індывідуальных і агульных, элітарных і масавых, сусветных і рэгіянальных) за дамінуючае становішча ў межах нацыянальнай сацыясеміятычнай сістэмы» [6, с. 88].

Для апавядальніка і персанажаў бядулевага твора «Дзесяць» адзіным сродкам усведамлення, раскрыцця і захавання сутнасці матыву вайны / навалы-кантынуума было слова, якое прымала форму чутак, уважаных разважанняў, эмацыйных выказванняў, гумарыстычных ці саркастычных прамоў, клішэ і эўфемізмаў, дэталізаваных аповедаў ці памежна скарачаных паведамленняў. Далучаныя да плыні навалы-кантынуума, персанажы пільна ўслуховаліся ў кожнае слова: «людзі Глухога Бору шмат наслухаліся навін за апошнія лета. Гэтыя навіны сыпаліся на іх, як агнёвы град. Праходзячы праз дзесятыя вусны, навіны перарабляліся ў надзвычайныя бліскучыя байкі пра цара Мікалая, пра дзяржаўную думу, пра каханне царыцы з Грышкай Распуціным, пра Керанскага, пра бальшавікоў, пра вайну і шмат пра што іншае» [4, с. 8]. На думку З. Бядулі, выжыванне ў часы навалы-кантынуума залежала, у тым ліку, ад здольнасці інтэрпрэтаваць пачутае. Гэты працэс ускладняўся, бо слова прыўлашчвала новыя нечаканыя сэнсы і змужала заглябляцца ў палітычны і навуковы дыскурсы, вучыцца расшыфроўваць сапраўдны змест самых эўфемістычных выказванняў. Так, апавядальнік не паленаваўся давесці, што хавалася за выказваннем «Мы прышлі да вас не ваяваць, а навясці лад і парадак у вашай краіне. Так загадаў кайзер Вільгэльм!» [4, с. 15]. Рэальны змест прамовы быў адмыслова праявітым: «“Лад і парадак” быў наведзены. Многа сялян забралі як бальшавікоў, ад кожнай хаты бралі даніну – яек, масла, сала, быдла, збожжа. Вярнуўся зьнекуль пан Прушынскі. І пачалася адплата за маёнтак і лес» [4, с. 15].

Аўтар падкрэсліў, што абразіць шараговага персанажа магла не столькі зніжаная лексіка («русішэ швайн», пачутае ад кайзераўцаў), колькі пафасныя, але малазмястоўныя клішыраваныя выразы, абьякава кінутыя адрасату («погиб на поле брани славной смертью за царя и отечество» [4, с. 13]). Выжыванне магло запатрабаваць ад персанажа словатворчасці і, як вынік, стварэння новых сэнсаў. У часы Першай сусветнай вайны бядуляў каваль Міхалка

* Тыпалагічна падобная канцэпцыя выкладу матэрыялу пра навалу-кантынуум характарызуе, напрыклад, апавяданне «Чарговы запіс» Ц. Гартнага.

вырашыў выратаваць селяніна, у якога салдаты-чужынцы збіраліся рэквізаваць каня. Базавыя веды ідыша (некалі працаваў у яўрэя-краўца) і здольнасць да лінгвістычных эксперыментаў дазволілі стварыць напаякамичнае тлумачэнне («У мужыка фэрд ніт гут. У шляхтэс гут фэрд!» [4, с. 15]), якое разлажала нямецкіх жаўнераў. Тым не менш, персанаж адчуў адмысловае задавальненне, бо праявіў свае крэатыўныя здольнасці. Гэтыя ж здольнасці спатрэбіліся, калі Міхалка прыгадваў уплыў навукова-тэхнічнага прагрэсу на шараговага чалавека, распавёў пра нязнаныя раней «цуды», звязанымі з удасканаленнем тактыкі вядзення вайны: «дынаміт, які зрывае масты, руйнуе камяніцы, меліць у трэскі сталетнія лясы. Нейкія газы нішчаць цэлыя палкі салдат у некалькі хвілін <...> самалёты лунаюць над зямлёю аграмаднымі птушкамі <...> А колькі сілы ў маленькіх бомбах» [4, с. 45]. Персанаж, ідучы ад параўнальна простага (нейтральнай лексікі, нескладаных сінтаксічных канструкцый), кіраваўся да складанай філасофскай праблемы сваёй сучаснасці: як няспынная тэхналагізацыя баявых дзеянняў адбіваецца на фізічным і духоўным быцці чалавека, змяняе лад яго мыслення і маўлення.

У аповесці «Дзесьць» З. Бядуля свядома стварыў падкрэслена неэмацыйны вобраз навалы-кантынуума. Узважаны, лапідарна выкладзены факт па сіле ўздзеяння пераўзыходзіў меладраматычныя шматслоўныя апаведы. Таму пра барацьбу жыхароў Глухога Бору з жаўнерамі-пазнанцамі, якія прышлі ўслед за кайзераўскімі салдатамі, аўтар прыгадаў так: «А там – жытняе поле прагнулася.

Крыкі.

Войкала цемра.

Стрэльбы бухалі, грымелі ... Гойдалася поле ў пошчэках-водгаласах ...

Грамада паўстанцаў страляла ў упор.

Пяць стрэльбаў пяць коней упалі. Польскі атрад уцякаў.

Пяць жаўнераў жыўцом у жыта пацягнулі ...

Зноў вынырнуў месяц.

Тырчэлі чорныя коміны Глухога Бору. Здалёку відаць былі» [4, с. 18]. Працытаваны ўрываек алюзійна адсылка да сугестыўнай прозы, для інтэрпрэтацыі якой канцэптuallyна важкім быў не толькі сам тэкст, але і рэканструюемы чытачом падтэкст. Варта адзначыць і «кінематаграфічнасць» працытаванага ўрыўка, дзе кожны камплементарны мастацкі вобраз, нягледзячы на свой памежны лаканізм, дапамагаў у стварэнні дынамічнага малюнка ўзброенай барацьбы. Такім чынам, З. Бядуля падкрэсліў, што слова дазваляла яго апавядальніку і персанажам стварыць уласную версію навалы-кантынуума, якая цалкам захоўвала спецыфіку іх мыслення і маўлення ці інкарпаравала адмысловыя маўленчыя рысы ў апавед ад трэцяй асобы (напрыклад, у форме няўласна-простай мовы).

Тая ж неэмацыйнасць вызначае эпізод, прысвечаны голаду 1932–33 гг., верагодна, недзе ў расійскай глыбінцы. Адчуваецца, што аўтар знайшоў слоўную фармулёўку жаху, які апанаваў яго эпізадычных персанажаў, пакінутых сам-насам з навалай, і паралізаваў іх ментальныя здольнасці, засяроджаныя выключна на падтрыманні жыцця, а не на маральна-этычным удасканаленні асобы:

«– Гэта горш усялякіх войнаў, горш пажараў, – не сваім голасам гаварыў бацька.

Маці плакала і часта перад бажніцамі на каленях стаяла <...>

У ва ўсіх адзін бацька – голад <...>

Хлопчык даўным-даўно забыўся, што ёсць дзесьці на сьвеце хлеб і бульба.

Можа ніколі і ня было гэтага добра? Можа аб гэтым толькі ў байках баялі?

Што дня ў іхняй вёсцы памірала некалькі чалавек <...>

Суседзі хадзілі панурыя, як цені. Па нябожчыках бадай ня плакалі, не прычытвалі. У вачах жывых зьяў галодны воўчы бляск» [4, с. 23]. У дадзеным выпадку Міхалка дадаў да нізкі навалы-кантынуума новы фрагмент, які выходзіў за межы яго персанальнага досведу, але прынцыпова не супярэчыў яго ўяўленню пра навалу-кантынуум. Глыбока асэнсаваўшы пачутае ад сведкі падзей, які ледзь выбавіўся ад галоднай смерці, персанаж адчуў патрэбу ўдакладніць маштабны малюнак поўнай трагізму эпохі.

На думку пісьменніка, слова ўспрымалася як маркер далучанасці да свету «сваіх», нават часова раз'яднаных у плыні навалы-кантынуума. Для Міхалкі жыхары суседняй вёскі Жоўтыя

Пяскі, якія адышлі да Заходняй Беларусі, ніяк не асацыяваліся з «чужым». Таму, калі пагранічныя слупы ахутвае туман, «ня відаць іх. Ня відаць і варты. Тады Міхалцы здаецца, што ніякай граніцы няма, што гэта толькі *байка, прыдуманая людзьмі*» [курсіў наш. – З.Т.] [4, с. 19], прыкрае злоўжываннем словам, якое, выпадкова выйшаўшы з-пад кантролю прамоўцы, набыло выключны дэструктыўны патэнцыял, парушыла логіку быцця беларуса. Тое ж слова, перамогшы негатыўныя і абсурдныя канатацыі, дазволіла персанажу скласці сваю вобразна-паэтычную версію таго, што адбылося: «Падзялілі Беларусь. Так справа вымагала. Так трэба было.

Адно булку хлеба сыпакла гаспадыня. Нехта вострым нажом раскроіў гэту булку на дзьве палавіны» [4, с. 20].

Адзначым, што ў плыні навалы-кантынуума галоўны герой аповесці паралельна з асэнсаваннем трагізму падзелу радзімы паступова ўсведамляў уласную нацыянальную прыналежнасць: «Якая-ж гэта Беларусь? – ламаў галаву Міхалка <...>

- Як яна выглядае?
- Па якому гаворыць?
- Чаго хоча ад нас?

Шмат запытанняў было ў Міхалкі аб гэтай Беларусі ... <...> Даведаўся аб ёй Міхалка, калі пачала звацца савецкай» [4, с. 18]. Важкім чыннікам, які вытлумачыў персанажу яго далучанасць да загадкавай Беларусі, стаў ізноў моўны фактар: «зусім ня знаў раней, што, апроча нямецкай, умее гаварыць яшчэ і на беларускай мове» [4, с. 18]. Падкрэслім, што ў пэўнай ступені аўтар перабольшвае несвядомасць персанажа. Тым не менш, такая напаўгумарыстычная форма выкладу матэрыялу дазволіла аўтару алузійна звярнуцца да сур'ёзнай праблемы, абыходзячы пільнасць цэнзараў.

Відавочна, што праблема карэляцыі «свайго» і «чужога» займала галоўнага героя бядулевай аповесці. У адпаведнасці з кан'юктурай часу Міхалка разглядаў яе ў сувязі з класавай ідэалогіяй, таму на парадку дня былі лозунгі кшталту «Яны – багатыя, мы – бедныя. Яны – кулакі, мы – беднякі» [4, с. 29], якія проціпастаўлялі два светы, што ні ў якім разе не маглі замірыцца. Слоўная «формула» праблемы падкрэслівала бескампрамісны характар барацьбы, якая дадала змрочных колераў у палітру навалы-кантынуума.

Разважаючы пра падзеі першай трэці ХХ ст., З. Бядуля не заўсёды прытрымліваўся храналагічнага прынцыпу выкладу падзей. Так, пра 1905–07 гг. у Глухім Бары чытач даведваецца напрыканцы аповесці. На нашу думку, робіцца гэта не столькі ў сувязі з перыпетямі сюжэту, якія дазволілі згадаць пра рэвалюцыю, што «вельмі арыгінальна праходзіла ў гэтым кутку» [4, с. 36] і для шараговых персанажаў асацыявалася з «фальшывым пагромам», які выратаваў Боруха, аўтаматычна прызнанага ворагам урада, ад «царскіх людзей», што, паводле чутак, «хадзілі па ваколліцах і разбуралі яўрэйскія хаты, а яўрэяў на сьмерць забівалі» [4, с. 36]. У плыні памяці гэты эпізод успрымаўся ў шэрагу іншых, пэўны часавы прамежак знішчыў эмацыйны складнік таго, што адбылося, засведчыў яго тыповасць для эпохі войн і рэвалюцый, поўнай унутранага драматызму і трагізму. Акрамя таго, мысленне апавядальніка, якое відавочна базуецца на свабодных асацыяцыях, дазваляе адвольна пераходзіць ад эпізода да эпізода, абстрагавацца ад шэрагу выпадковых і нязначных дэталей, акцэнтуючы ўвагу то на тыповым, то на выбітна адметным.

Аповесць «Дзесяць» вызначаецца мастацкай канцэпцыяй увасаблення матыву навалы-кантынуума, якая шчыльна звязана з мовай і маўленнем апавядальніка і персанажаў. У творы З. Бядулі слова пададзена не толькі як галоўны сродак канцэптуалізацыі ланцуга грамадска-палітычных выпрабаванняў, прыпаўшых на першую трэць ХХ ст., але і як адмысловая форма захавання шматпланавага індывідуальнага досведу пра надзвычайныя падзеі, які хутка і лёгка губляўся ў шэрагу бясконцых (камплементарных паводле сваёй прыроды) катаклізмаў, што не дазваляла па-сапраўднаму глыбока асэнсаваць кожны яго асобны эпізод. З. Бядуля сведчыў: навала-кантынуум змушае інтэрпрэтаваць любую атрыманую інфармацыю, вылучаючы і суб'ектыўнае, і аб'ектыўнае, абуджае крэатыўныя здольнасці апавядальніка і персанажаў, скіроўвае на шлях засваення новай лексікі, неабходнай для адносна адэкватнага ўспрымання грамадска-палітычнага і навукова-тэхнічнага дыскурсаў, а таксама разважанняў

пра маральна-этычныя праблемы эпохі. Бядулеў аповед пра навалу-кантынуум вызначаецца лапідарна-ашчаднымі адносінамі да слова, якое па-магчымасці пазбаўлена меладраматычных і сентыментальных канатацый, што патэнцыяльна маглі дэфармаваць інтэнцыі апавядальніка і, адпаведна, аўтара. У аповесці «Дзесяць» слова, у якім адлюстраваны светапогляд яго носьбіта, маркіравала прыналежнасць асобы да «сваіх» ці «чужых», якія па-рознаму перажывалі перыпетыі Першай сусветнай вайны, рэвалюцыі 1917 г., Польска-савецкай вайны (1919–21) і т. д. У моўнай плыні, якая функцыянавала паводле свабодных асацыяцый, падзеі мінулага паўставалі амаль што як сінхронныя, а гэта, у сваю чаргу, адбівалася на спецыфіцы аповеду, які парушаў гістарычна абгрунтаваную храналогію падзей.

Літаратура

1. Бядуля, З. Аповесць аб аповесці / З. Бядуля // Чырвоны сейбіт. – 1928. – № 6–7. – С. 12–14.
2. Мельнікава, З. Уводзіны / З. Мельнікава // Беларуская проза XX–XXI стагоддзяў : героі, паэтыка, аксіялогія. – Брэст : БрДУ, 2022. – С. 6–10.
3. Казберук, У. «Будзь сам сабою, беларус ...» / У. Казберук // Бядуля З. Выбраныя творы. – Мінск : Кнігазбор, 2006. – С. 5–20.
4. Бядуля, З. Дзесяць / З. Бядуля // Узвышша. – 1927. – № 5. – С. 8–49.
5. Халізов, В. Монтаж / В. Халізов // Літаратурная энцыклапедыя тэрмінаў і паняццяў ; гл. ред. А. Ніколюкін. – М. : НПК «Інтелвак», 2001. – С. 586–587.
6. Садко, Л. Полісістэмнасць у літаратурна-крытычных артыкулах і ранняй лірыцы З. Бядулі / Л. Садко // Вестник БарГУ. – 2022. – № 1. – С. 86–93.

Полоцкий государственный
университет имени Евфросинии Полоцкой

Поступила в редакцию 04.03.2025

Прыёмы вербалізацыі невербальных паводзін у мастацкім тэксце (на матэрыяле прозы І. Мележа і У. Караткевіча)

А.М. ЧАРНЫШОВА

У артыкуле аналізуюцца механізмы і прыёмы вербалізацыі невербальных сродкаў камунікацыі (кінесікі, такесікі, акулесікі) у мастацкіх тэктах беларускіх пісьменнікаў. Разглядаецца аўтарскае апісанне фізічных целаў паводзін герояў, як важны элемент псіхалагічнай характарыстыкі і развіцця сюжэта. Асноўная ўвага надаецца лексічным спосабам рэпрэзентацыі нямоўных паводзін, функцыям вербалізаваных невербальных сродкаў зносін у стварэнні падтэксту і перадачы чалавечых эмоцый у мастацкім творы. Робіцца выснова аб сістэматычным выкарыстанні аўтарамі гэтых прыёмаў для павышэння рэалістычнасці і эмацыянальнага ўздзеяння на чытача.

Ключавыя словы: кінесіка, такесіка, акулесіка, невербальныя сродкі зносін, невербальная камунікацыя, зносіны, вербалізацыя, мастацкі тэкст, семіётыка.

This article analyzes the mechanisms and techniques of verbalizing nonverbal communication tools (kinesics, takesics, and oculesics) in the fiction of Belarusian writers. The authors' descriptions of characters' body behavior are considered as an important element of psychological characterization and plot development. Primary attention is paid to the lexical representation of nonverbal behavior and the functions of verbalized nonverbal communication tools in creating subtext and conveying human emotions in fiction. It is concluded that the authors systematically used these tools to enhance realism and emotional impact on readers.

Keywords: kinesics, takesics, oculesics, nonverbal communication tools, nonverbal communication, communication, verbalization, fiction, semiotics.

Камунікацыя ў рэальным жыцці ўяўляе сабой складаны сінтэз вербальных і невербальных сігналаў. Па дадзеных вучоных, да 70% інфармацыі можа перадавацца менавіта праз невербальны канал. Невербальныя сродкі зносін валодаюць высокай ступенню спантаннасці, эмацыянальнай нагружанасцю і ўніверсальнасцю.

У наш час невербальная камунікацыя даследуецца прадстаўнікамі розных навук: лінгвістамі, сацыёлагамі, псіхолагамі, фізіёлагамі, антрапологамі, этнографамі, а таксама спецыялістамі ў вобласці невербальнай семіётыкі, комплекснай навукі, задачай якой з'яўляецца выяўленне і апісанне прыроды і механізмаў невербальнай знакавай камунікацыі, – праводзяцца даследаванні, мэты якіх выявіць заканамернасці, што абумоўліваюць дыялагічнае ўзаемадзеянне вербальнага і невербальных знакавых кодаў. На пярэдні план выходзіць дзеянне асобных параметраў і спалучэнняў параметраў, якія рэгулююць камунікатыўную дзейнасць чалавека, а таксама выяўленне тых семантычных абласцей, якія жэсты абслугоўваюць разам з мовай. У шматлікіх сітуацыях зносін невербальныя знакі і мадэлі паводзін становяцца больш эфектыўнымі, чым вербальныя, а для выражэння пэўных тыпаў зместу ў некаторых сітуацыях могуць быць выкарыстаны толькі яны [1, с. 290].

Невербальная камунікацыя – гэта «абмен і інтэрпрэтацыя людзьмі невербальных паведамленняў, якія закардаваны і перадаюцца асаблівым чынам, а менавіта: з дапамогай выразных рухаў цела; гукавога афармлення маўлення; пэўным чынам арганізаванага мікраасяроддзя, акаляючага чалавека; выкарыстання матэрыяльных прадметаў, якія маюць сімвалічнае значэнне. Ад вербальных паведамленняў невербальныя адрозніваюцца вялікай шматзначнасцю, сітуацыйнасцю, сінтэтычнасцю, спантаннасцю» [2, с. 82].

Многія лінгвісты адзначалі важнасць вывучэння не толькі вербальных сродкаў камунікацыі, але і невербальных. Так, Ф.Ф. Фартунатаў пісаў: «мова, як сукупнасць знакаў для мыслення і для выказвання думак і адчуванняў, можа быць не толькі мовай, матэрыялам для якой служаць гукі маўлення, але яна можа быць таксама і мовай жэстаў і мімікі, і такая мова існуе ў чалавецтве побач з мовай слоў. Прадметам вывучэння ў мовазнаўстве служаць менавіта мова слоў, якая па сваёй прыродзе гукаў маўлення здольная дасягаць значна

большага ўдасканалення параўнальна з мовай жэстаў і мімікі, але каб зразумець фізічныя і духоўныя ўмовы, якія робяць магчымым з'яўленне мовы, неабходна прымаць да ўвагі і іншыя выражэнні думак і адчуванняў у нашых рухах» [3, с. 195–196].

Вядомы спецыяліст у галіне псіхалінгвістыкі І.Н. Гарэлаў адзначаў, што невербальная сістэма камунікацыі сфармавалася значна раней вербальнай, а таму з'яўляецца такой жа значнай, як і мова, і можа замяніць яе ў некаторых выпадках, напрыклад: ківок, замест сцвярдзальнага адказу словам. Невербальны знак узмацняе камунікацыю. У некаторых выпадках жэст (міміка) можа больш дакладна выяўляць адценне пачуцця, эмоцыі; чалавек звычайна жэстамі паказвае дарогу... Такім чынам, вербальныя сродкі могуць узаемадзейнічаць з вербальным або цалкам замяняць іх. Таксама вучоны лічыць жэст з'явай індывідуальнай, звязанай з ходам думак чалавека [4, с. 24–33].

У апошні час даследуецца выкарыстанне невербальных знакаў у мастацкіх тэкстах. Аднак трэба памятаць аб спецыфіцы ўжывання і ўплывення невербальных паводзін у праявітую канву. Невербальныя знакі ў тэксце разглядаюцца як другасныя знакавыя сістэмы, вербалізаваныя пры дапамозе першаснай знакавай сістэмы – натуральнай мовы. У мастацкім тэксце гэтыя знакі не існуюць аб'ектыўна, а павінны быць сканструяваны аўтарам пры дапамозе мовы. Лінгвісты Я.М. Верашчагін і В.Р. Кастамараў слухна сцвярджалі, што «любая з'ява рэчаіснасці можа быць адлюстравана, апісана вербальна, у тым ліку і невербальныя паводзіны персанажаў у мастацкім тэксце» [5, с. 36].

Беларуская літаратура ХХ ст., у прыватнасці проза І. Мележа і У. Караткевіча, дае багаты матэрыял для такога аналізу. Абодва пісьменнікі прызнаны майстрамі псіхалагізму, а іх творы адрозніваюцца глыбокай прапрацоўкай характараў і ўвагай да дэталей побыту і паводзін персанажаў. Аналіз іх тэкстаў дазволіць раскрыць спецыфічныя прыёмы ідыястылю ў рабоце з невербалікай.

Мэта дадзенага артыкула – выявіць і прааналізаваць моўныя прыёмы вербалізацыі невербальных сродкаў зносін у аўтарскіх творах І. Мележа і В. Караткевіча і вызначыць іх ролю ў рэалізацыі мастацкай задумы.

Метадалагічнай асновай даследавання прыёмаў вербалізацыі невербальных паводзін у мастацкім тэксце з'яўляюцца апісальны метады, метады кантэкстуальнага аналізу, метады лінгвістычнага назірання і элементы стылістычнага аналізу.

У рэальных зносінах невербальныя сігналы часта дамінаюць, удакладняюць, абвяргаюць ці дапаўняюць сказанае словамі. У мастацкім тэксце, аднак, чытач не мае магчымасці назіраць за рэальнымі жэстамі або чуюць інтанацыі. Задача аўтара складаецца ў тым, каб «перавесці» гэты невербальны пласт інфармацыі ў плоскасць вербальнага кода, выкарыстоўваючы рэсурсы мовы. Гэты працэс «вербалізацыі» невербальных паводзін з'яўляецца ключавым прыёмам стварэння псіхалагічнай глыбіні і рэалістычнасці апавядання.

Як слухна адзначала М.А. Маякіна, «апісанне невербальнай камунікацыі ў мастацкім тэксце непасрэдна звязана з камунікатыўным працэсам... Трансляцыя перажыванняў і эмоцый персанажаў ажыццяўляецца не толькі вербальна, але і пры дапамозе сродкаў невербальнай камунікацыі, прычым аўтары мастацкіх твораў нярэдка даюць нават больш пераканаўчае апісанне эмацыянальнага жыцця чалавека, чым гэта робяць псіхологі» [6, с. 249].

У якасці асноўных катэгорый аналізу ў артыкуле намі выдзяляюцца: **кінесічныя** сродкі зносін (вербалізаваныя ў мастацкім тэксце жэсты, пастава, міміка); **акулесічныя** сродкі зносін (слоўнае апісанне візуальнага кантакту, інтэнсіўнасці і напрамку погляду герояў); **такесічныя** сродкі зносін (вербалізаваныя ў аўтарскім тэксце дынамічныя дотыкаі ў працэсе зносін людзей).

Вербалізацыя невербальных паводзін у тэксце ажыццяўляецца праз розныя моўныя механізмы: 1) прамое апісанне жэстаў, мімікі, паставы, погляду: выкарыстанне дзеясловаў руху (*кіўнуць, зірнуць, нахмурыцца*); 2) адлюстраванне стану: выкарыстанне прыметнікаў і прыслоўяў, якія фіксуюць вынік невербальнага дзеяння (*твар быў бледным, сядзеў нерухома*); 3) наданне невербальнаму дзеянню дадатковага, часта ацэначнага, сэнсу: ужыванне параўнанняў і метафар (*рукі дрыжалі як асінавае лісце; схваць вочы*); 4) апісанне жэстаў, якое папярэднічае або суправаджае маўленне, што дазваляе стварыць падтэкст.

Разгледзім спосабы вербальнай рэалізацыі **кінесічных** і **такесічных** сродкаў зносін у творах пісьменнікаў. Адзначым, што вялікая колькасць жэстаў тактыльныя, бо многія рухі цела ў працэсе камунікацыі (зносін каханых, сапернікаў, блізкіх людзей) звязаны з дотыкамі.

Іван Мележ у раманах выкарыстоўвае невербальную для стварэння эфекту глыбокага пагружэння ў побыт беларускага Палесся. Яго героі нешматслоўныя, і іх унутраны свет часта раскрываецца праз дзеянні і цялесныя рэакцыі. Уладзімір Караткевіч ужывае невербальныя рухі больш экспрэсіўна і сімвалічна, часта для стварэння кантрасту паміж высакароднымі героямі і іх сапернікамі, а таксама для ўзмацнення драматызму гістарычных падзей. Аўтары апісваюць жэсты, якія перадаюць эмацыянальны і псіхалагічны стан герояў падчас камунікацыі. Эмоцыі, вербалізаваныя ў аўтарскім тэксце, могуць быць як негатыўнымі, так і пазітыўнымі і праяўляюцца праз жэсты, міміку, разнастайныя рухі цела. Гама негатыўных эмоцый разнастайная, а кінемныя адзінкі, што прадстаўляюць іх, могуць абазначаць: **гнеў**, **лютасць** (*Ганна гнеўна рванулася, з усяе сілы кулаком таўханула яго ў грудзі. – Адыдзі, чорт сліявы!..* [7, с. 50]; *Бекеш у пакоі зачыніў акно. – Махляры. Сыны сіманіі. Адроддзе пекла... Гандляры богам... Сука! Вялікая блудніца. І ён сціснуў кулак!* [8, с. 137]; *Васіль спасцярожліва азірнуўся на Ганну – яна ўжо не спала, усё чула, – і губы яго задрыжалі ад гневу. – Адыдзі ты!..* [7, с. 29]; *Вочы брата Альбіна ліхаманкава, светаносна блішчэлі, рот дрыжэў ад гневу, ссунутыя бровы трапяталі. – Будзьце вы пракрытыя, хлусы!* [8, с. 298]). Ключавая негатыўная эмоцыя прадстаўлена вербалізаванымі кінемамі са словам **кулак** як актыўная частка рукі, што ўтварае жэст, і дзеясловамі (*кулаком таўхануць, сціснуць кулак*) і мімічнымі выявамі з галоўным кампанентам **губы**, **рот** з лексічным канкрэтызатарам эмоцыі (*губы задрыжалі ад гневу, рот дрыжэў ад гневу*). Адзначым, што эмоцыя гневу часцей апісваецца дзеясловамі **біць**, **ударыць**, **стукнуць** каго-небудзь як яркавы спосаб выражэння агрэсіі (*даць па твары, ударыць ботам*): *Глушак затросся ад гневу: – Замаўчы ты! Вош! Гніда!.. Глушак не ўтрываў... даў сыну па твары* [7, с. 377]; *Яўхім люта, колькі сілы, ударыў ботам раз, другі – ёй зацяло дыхаць. «Заб'е!.. Ну, і няхай!.. Усе адно!..»* [9, с. 243]; **злосць** – негатыўная эмоцыя паводле вербальнага апісання падобная на папярэднюю, але адрозніваецца аўтарскімі кантэкстуальнымі ўдакладненнямі ў выглядзе адвербіяльнага канкрэтызатара **злосна** ці субстантыўнага **ад злосці** разам з дзеясловам: *– Ён – любіць?.. – Любіць! – Ганніны губы злосна скрывіліся. – Любіць!.. Як грушу! Вытрасе скоро душу!* [9, с. 487]; *У пана Юрыя дрыжалі ноздры ад злосці* [10, с. 255]. Вербальнае апісанне **злосці** праяўляецца праз невербальныя дзеянні, актыўным органам ўтварэння якіх з'яўляецца **рука**, што адлюстравана ў адпаведным назойніку (*замахнуцца рукой*), ці перададзена імпліцытна праз дзеяслоў *даць* які ў кантэксце разумеецца як дзеянне, ўтворанае рукой (*даць па твары*): *Ірад замахнуўся на яе рукой. – Бач ты, які злосны, – маці раптам зусім на-маладому засмяялася...* [11, с. 92]; *Каля Яўхіма апынуўся брат яго, Сцяпан. Але замест таго, каб памагчы Яўхіму, чамусьці пацягнуў яго назад, чубаты адразу зазлаваў, даў Сцяпану па твары* [7, с. 431]; **незадаволенасць** дэманструецца звычайна пры дапамозе апісання жэставых рухаў галавой або мімічнымі выявамі на твары, пры гэтым канкрэтызацыя эмацыянальнага стану, у якім знаходзіцца герой, перадаецца праз адвербіяльныя лексічныя адзінкі (*незадаволена матнуць галавою, недавольна смыкнуць губамі, недавольна варухнуць брывамі*): *Але пад вечар, калі Васіль прыцягнуўся з лесу з возам дроў, маці пераказала яму, што прыходзіў Міканор і прасіў зайсці пагаманіць. Васіль на гэта запрашэнне не сказаў нічога, але па тым, як незадаволена матнуў ён галавою, маці здагадалася, што яно не спадабалася сыну* [7, с. 155]; *– Ад кантузіі можа... Кантужаны буў... Дубадзел смыкнуў губамі недавольна, сказаў судзячы: – Сердабольны ты нешто, Глушак!* [12, с. 151]; *– Праўда ёто, што Яўхім б'е цябе? Яна недавольна варухнула брывамі, памаўчала* [9, с. 483]; **крыўда** невербальна звязана ў мастацкім дыскурсе з апісаннем рухаў губамі (вуснамі): *Губы яго пакрыўджана і бездапаможна задрыжалі – пра што? Хацеў сказаць і не мог, замест слоў адно пачулася ў горле пакутнае бульканне* [7, с. 293]; *– Выйдзі, – кінуў кардынал жанчыне. Тая надзьмула вусны. – Табе кажу* [8, с. 142]; **сорам**, вербальная перадача якога звязана з актыўным органам **галава** і перадаецца праз дзеяслоўныя словазлучэнні **апусціць галаву**, **схіліць галаву** (*– Хто ты, каб зычыць гэткае страшнае? Сляпы апусціў*

галаву. – Я Шолах, – сказаў ён. – Я прадаў Полацк кіеўскаму Уладзіміру... [13, с. 223]; ... – Увогуле гэта падобна на здраду сябрам. Каб толькі жывым, то гэта яшчэ нічога. – Генузь? – спытала яна. Севярын моўчкі схіліў галаву [14, с. 320]); **адчай, распач** вербальна прадстаўлены словазлучэннямі з галоўным кампанентам **рука** і дзеясловамі, якія ўтвараюць дзеянне пры дапамозе гэтай часткі цела (абхапіць рукамі галаву, ухапіцца за галаву): – Васілько!.. – бедавала, бегала навокал сына і тых, якія яго трымалі, матка. Абхапіла рукамі галаву, загаласіла з адчаем, на ўвесь голас [9, с. 408]; – Я пераб'ю палавіну! Так казаў, што было відаць: не жартуе. Пераб'е. Жонка ля стала ўхапілася за галаву: што гаворыць! [12, с. 147].

Пазітыўныя кінемы семантычна прадстаўлены ў тэкстах наступнымі эмоцыямі: **радасць, захапленне**. Для апісання гэтага эмацыянальнага стану аўтары выкарыстоўваюць жэсты з актыўным органам **галава** (узрадавана кіўнуць), **рука** (схапіць за локаць з захапленнем) і **далонь** (пляскаць далонькамі) і мімічныя выявы з актыўнай часткай твару **вусны** (вусны трэсліся) і **веі** з канкрэтызатарамі (радасна задрыжалі веі) (Грыбок, узрадавана кіўнуўшы, пайшоў хутчэй [7, с. 56]; Параска схавала Ганну за локаць, сказала з захапленнем: – Увесну – агарод выштукуем! На зайздрасць усяму раёну!.. А?.. [9, с. 489]; Пылок ляцеў проста ў вочы коням задняй тройкі. Наталля, смеючыся і закахваючы вочы, пляскала далонькамі і спявала [10, с. 14]; У яе трэсліся вусны. – Двайняты! Князюхна, мілы! [10, с. 158]; Алесь ішоў, калі раптам нешта нейсвадомленае прымусіла радасна задрыжаць яго веі. Ён усміхнуўся – перад яго ганкам стаялі ў святочных уборах Кагуты [10, с. 72]); **пяшчоты, ласкі**, якія вербалізуюцца праз апісанне тактыльных паводзін (пяшчотна паглядзіць на галаве, гладзіць валасы, пяшчотна правесці далонню па галаве), прычым характар эмацыянальных адносін выражаны ўжо экспліцытна праз лексічны адзінкі, якія прадстаўляюць актыўны ці пасіўны орган утварэння таго ці іншага жэста (локцік, лапка, галоўка): Калі ён наваліўся ў траву каля воза, нахілілася, пяшчотна паглядзіла на галаве [7, с. 21]; Ганна не ўтрывала, пяшчотна правяла далонню па яго галаве. – У ты, беленькі мой!.. [7, с. 487]; Бізун пяшчотна прыціскаў яе локцік [13, с. 296]; Паглядзіў яе лапку. – Будзь добры з... людзьмі, чорцік [10, с. 243]; Яня лашчылася да старога галоўкай... Дзед перабіраў шурпатымі пальцамі валосікі ўнучкі... [10, с. 21]; **зацікаўленасці**, для моўнай рэпрэзентацыі якой аўтары выкарыстоўваюць сімптаматычныя жэсты з актыўным органам **галава** ці яго канкрэтызатарам **твар** (падняць / узняць / ускінуць галаву): Толькі адно дайшло, узварушыла: даючы нейкага зелля, маці сказала, што можа б Захарыху-знахарку пазваць. Хадоська як бы ажыла, падняла галаву, ціха, але рашуча прамовіла: – Не! [7, с. 464]; Пад нечымі крокамі заракатала бляха. Я ўзняў галаву. Ролік ішоў да мяне, і выраз на ягоным твары быў збянтэжаны і засаромлены [14, с. 216]; – Хто такая? – ускінуў галаву Андрэй. – Ірына Горава [11, с. 78]; **здзіўлення**, якое праяўляецца праз жэсты, дзе актыўным органам з'яўляецца **галава**: Смерць ускінула галаву: – Ты? Табе ж усё адно нічога, нічога больш не дапаможа [13, с. 234]; а таксама праз міміку з актыўнымі часткамі твару **бровы, сквіца** (Раз выпадкам сутыкнуліся тварам у твар – у алешніцкай краме; Параска аж бровы падняла здзіўлена і ўзрадавана: пазнала Ганну з аднаго позірку [9, с. 481]; – Вы можаце вярнуцца, – сказаў ён. – Вас ніхто не прасіў сюды. У каіталяна адвісла ніжня сквіца: – Т–ты... ж–жывы? [13, с. 244]).

Аўтары вербалізуюць у тэкстах **этыкетныя** жэсты, якія адпавядаюць нормам сацыяльных паводзін у пэўнай камунікатыўнай сітуацыі і падкрэсліваюць сімвалічныя прыкметы. Этыкетныя жэсты могуць суправаджаць вербальнае паведамленне, выступаць ілюстратарамі моўнай камунікацыі і часта з'яўляюцца тактыльнымі. Самымі пашыранымі этыкетнымі жэстамі, вербалізаванымі ў мастацкім дыскурсе, з'яўляюцца жэсты **са значэннем прывітання і развітання**, прадстаўленыя невербальнымі дзеяннямі на далёкай і блізкай адлегласці (гавораць аб роўнасці суб'еднікаў) і часта перадаюцца аднолькавымі лексічнымі найменнямі (дзеясловамі і дзеяслоўнымі словазлучэннямі): Кляоннік, вітаючы, узняў руку з разцом [8, с. 36]; Яўхім, дайшоўшы да іх, дужай рукой прытыніў неслухмянага каня, весела паздароўкаўся. Вольную руку падаў спачатку Хадосьцы, якая пры гэтым адразу паружавела, потым Ганне [7, с. 106]; Звыкла трымаючы адну руку ў кішэні, ён весела адказаў Апейку на прывітанне, моцна, энергічна паціснуў руку [9, с. 189]; Перайшоўшы вуліцу, ён павярнуўся і ўзняў руку. – Бывай! [13, с. 252]; Пакінуўшы замак, мы паціснулі адзін аднаму рукі і разышліся [11, с. 391]).

Дадзеныя жэсты могуць быць таксама рэпрэзентаваны праз найменні, што абазначаюць блізкія адносіны праз лексемы **пацалавацца** (*Мачыха паздаровалася, пацалавалася, бацька ад хвалявання толькі любасна, жаласна заморгаў вачыма* [12, с. 8]), дзеяслоўныя словазлучэнні **пацалаваць у галаву** (*Але ён ужо ўстаў, падняў яе і паставіў перад сабою. – Бывай, варагіня. Бог з табою. І пацалаваў яе ў галаву* [13, с. 187]). Пацалунак часта суправаджаецца **абдымкамі**: *Абдымаючы яе на развітанне, Васіль з рашучасцю... думае: ці цяпер, ці ніколі! Ён заплюшчвае вочы і прыкладвае губы да Ганнінага твару...* [7, с. 39].

У тэкстах І. Мележа і У. Караткевіча сустракаюцца вербалізаваныя жэсты абрадавага дзеяння (*перахрысціць, перахрысціцца*). Хрысцяцца героі звычайна ў працэсе **малення** дома перад іконай: *Глушак глянуў на сына, як на звар'яцелага. Рука сама сабой перахрысцілася на абразы* [7, с. 302]; ці, перахрысціўшы, **благаслаўляюць** субяседніка на нейкую справу: *Яна [маці] перахрысціла яго, благаславіла і, уздыхнуўшы, пайшла к калёсам* [7, с. 18].

Акрамя таго, вызначаюцца так званыя **мужчынскія этыкетныя жэсты**, асабліва тыя, якія прымяняюцца ў адносінах да жанчыны. Сюды адносяцца разнастайныя дзеянні, дзе праяўляецца мужчынская галантнасць. Галантныя жэсты пашыраны ў творах У. Караткевіча, таму што яго тэксты вызначаюцца рамантызмам і гістарычнай стылізацыяй. Менавіта таму аўтар і дэманструе асаблівыя адносіны да жанчыны: *Міма Алеся паспяшаў да сходаў бацька. Весела падміргнуў сыну. Збег уніз і, падышоўшы да дзверцаў, галантна падставіў руку, каб дапамагчы сысці з прыступак жанчыне* [10, с. 88]; *Гораў адчыніў перад жанчынаю дзверы* [11, с. 18]. Галантнасць у герояў-мужчын праяўляецца і падчас прывітання, развітання ці падзякі жанчыне: *Яна не адразу пазнала яго... Алець схіліўся і пацалаваў ёй руку. – Я вельмі ўзрадаваны, – голас чамусьці асекся. – Мы так даўно не бачыліся* [10, с. 344]; *Яна была такая мілая ў сваёй турбоце за мяне, што я... узяў яе ручку і паднёс да вуснаў. – Дзякую, пані гаспадыня* [13, с. 303].

Творы І. Мележа вызначаюцца асаблівымі прыкладамі этыкетных жэстаў. У тэкстах пісьменніка існуюць сацыяльна маркіраваныя сітуацыі, якія патрабуюць выкарыстання канкрэтных этыкетных жэстаў. У дадзеным выпадку гэта сітуацыя паводзін на калектыўных сходах і пры галасаванні, дзе пры **выражэнні згоды** па якім-небудзь пытанні людзі павінны падняць руку: *– Хто за тое, каб таварыша Апейку Івана Анісімавіча аставіць у партыі? – Ён сам, першы ж, падняў руку. За ім падняў руку Беразоўскі* [9, с. 289], **падтрымліваюць** тое, што гаворыць аратар і пляскаюць у далоні: *– Па-мойму, савецкая ўлада такая і павінна быць! Як Іван Анісімавіч!... Жанчыне запляскалі; хтосьці крыкнуў: «Правільна!»* [9, с. 284] або **прозяць слова**, падымаючы руку: *– Прапаную спачатку выслухаць міжнароднае становішча, – падняў руку Андрэй Руды* [7, с. 174].

Прааналізуем прыёмы вербалізацыі **акулесічных** сродкаў камунікацыі ў мастацкім дыскурсе. Як правіла, узаемадзеянне суразмоўцаў пачынаецца з таго, што паміж імі ўсталёўваецца візуальны кантакт, які і сігналізуе аб **гатоўнасці пачаць размову**. У такіх выпадках сустрэча позіркаў можа мець фатычны характар. Вербальна ў тэксце ён можа перадавацца розным наборам лексем: дзеяслоўныя адзінкі, словазлучэнні (нават метафарычныя) і дзеепрыслоўны зварот: *Шчука і Хілінскі пераглянуліся. – Ці не досыць? – спытаў Шчука* [11, с. 551]; *– Не хочаце! – пачуў ён. Глушак прамовіў гэта так цвёрда і з такой нястрымнай злосцю, што Башлыкоў азірнуўся. Іх позіркі сутыкнуліся* [12, с. 146]; *Лыганоўскі ўстаў, цвёрда, але няспешна падышоў да Лапатухі, увесь час глядзячы яму ў вочы. І сеў крыху ніжэй, так, каб гэтыя вочы бачыць...* [13, с. 471]. У прыкладзе пры дапамозе дзеепрыслоўнага звароту «глядзячы ў вочы» разам з жэстам «устаў і падышоў», які паказвае скарачэнне дыстанцыі паміж камунікантамі, У. Караткевіч імкнецца стварыць максімальна праўдападобную сітуацыю зносін, дзе суразмоўцы позіркам паведамляюць аб тым, што гатовыя да размовы.

Часта ў працэсе зносін суразмоўцы негалосна размяркоўваюць паміж сабой камунікатыўныя ролі: хтосьці з іх дамінуе, а хтосьці падпарадкоўваецца. Менавіта таму і выдзяляецца такі сэнс паводзін вачэй, як **кантроль над працэсам камунікацыі і паводзінамі партнёра**: *На пляцоўцы я ўбачыў Хілінскага, які якраз заходзіў у кватэру. – Зноў нешта? – ён уважліва разглядаў мяне* [11, с. 255]; *Шабета пільна зірнуў на яго, як бы вывучаючы* [7, с. 73]. Прыклады паказваюць, што ў персанажа, які кантралюе працэс зносін, асноўным

невербальным сродкам выражэння гэтага сэнсу з'яўляецца позірк у вочы суразмоўцы ці на яго самога. Часта ў такім кантэксце пісьменнікі выкарыстоўваюць прыслоўі ўважліва, пільна з мэтай акцэнтаваць увагу непасрэдна на гэтым дамінуючым позірку.

Наступны сэнс, які выражаюць вочы ў камунікатыўным акце, – **жаданне ўстанавлення кантакту і атрымання інфармацыі**, ён даволі пашыраны ў працэсе камунікацыі, таму што асноўнай функцыяй невербальных зносін з'яўляецца камунікатыўная. Асноўным невербальным сродкам выражэння такіх зносін з'яўляецца прамы позірк у вочы. Працэс атрымання інфармацыі можа выражацца ў мастацкім тэксце пры дапамозе дзеяслоўных словазлучэнняў *дапытліва зірнуць, вочы ўпіліся* і іншымі лексічнымі адзінкамі: *Дапытліва зірнула на бацьку. – Спадзяюся, не паскупіўся ты на гарэлку для людзей?* [10, с. 89]; *«Што ж вас прывяло?» – весела, быццам і не помніў колішняй гразьбы, сказаў чалавек, сядоучы за столік насупраць. Светлыя, уважлівыя вочы быццам ўпіліся ў Васіля* [9, с. 432].

І наадварот, чалавек, які спрабуе пазбегнуць зносін, не жадае наладзіць кантакт, аўтаматычна адводзіць вочы з мэтай не сустракацца позіркам з суразмоўцам, які яму непрыемны. У кантэксце нежаданне кантакту перадаецца словазлучэннямі *апусціць вочы, адводзіць позірк* і інш. Позірк адлюстроўвае адсутнасць зацікаўленасці ў суразмоўца працягваць размову ці нейкім іншым спосабам кантактаваць з людзьмі: *– Не чаравала я. Калі і чаравала, дык вачыма, голасам, словам. Пані Любка глянула на яе і апусціла вочы* [13, с. 199]; *– Хто шчэ хоча сказаць? – Ён павёў галавой на класе. Адводзілі позірк, апускалі вочы, смалілі цыгаркі* [12, с. 60].

Як бачна з прыведзеных вышэй прыкладаў, моўнае апісанне візуальнага кантакту дастаткова разнастайнае. Вербалізаваныя кінематы тыпу прадстаўлены дзеясловамі зрокавага ўспрымання. У аналізуемых тэкстах мэтанакіраваны працэс зрокавага ўспрымання звязаны з актыўнымі дзеяннямі органаў зроку, абазначаецца вялікай групай дзеясловаў з дамінантай **глядзець** і разнастайнымі сінонімамі **пазіраць, глянуць, паглядваць** і інш. Разам з дадзенымі лексічнымі адзінкамі заўсёды ўжываюцца канкрэтызатары (часцей за ўсё прыслоўі), што перадаюць стан героя і эмоцыі, якія ён адчувае: *– І жэласна глянуў мне ў вочы. – Іх не будзе. Яна ж памрэ...* [13, с. 407]; *...Можна было б выпраўляцца, і Глушак недавольна паглядваў на хату, дзе невядома чаго яшчэ корпалася Ганна, а з ёй і старая* [9, с. 7].

Нярэдка пры вербалізацыі кінем, якія характарызуюць візуальны кантакт, пісьменнікі звяртаюцца да метафары (часцей сустракаецца ў творах У. Караткевіча): *Калі ён сказаў ёй: «так альбо не», – яна адказала з ледзянымі вачыма: – Выявіце раней свой шлях, а потым скажыце мне* [11, с. 259]; *– Ты з Падвальнай? – Угу. Зноў нядобрая дуэль вачэй. Неасцярожнае слова і...* [14, с. 195]; *– На каго вы падазраеце? – мякка, шчыра падступіўся Шабета. Вочы Грыбчыхі патухлі. – Не буду бога гнявіць, не знаю* [7, с. 66].

Вербалізацыя невербальных сродкаў зносін – гэта складаны і шматгранны лінгвістычны прыём, які актыўна выкарыстоўваецца беларускімі класікамі І. Мележам і У. Караткевічам. На матэрыяле іх прозы мы бачым, як аўтары, выкарыстоўваючы розныя лінгвістычныя прыёмы (дзеясловы дзеяння, метафарычныя апісанні, кантэкстуальныя звязкі), пераводзяць мову цела ў мову слоў. Невербальныя паводзіны ў іх тэкстах выконваюць не проста ілюстрацыйную функцыю: раскрываюць схаваныя матывы і ўнутраныя канфлікты персанажаў, а таксама служаць значным сродкам эмацыянальнага ўздзеяння на чытача, абыходзячы прамыя аўтарскія ацэнкі. І. Мележ выкарыстоўвае гэты інструментарый для стварэння тонкага, рэалістычнага псіхалагізму і перадачы бытавых дэталаў жыцця палескай вёскі. У. Караткевіч прымяняе невербаліку больш экспрэсіўна, для ўзмацнення драматызму і расстаноўкі маральна-этычных акцэнтаў у сваіх творах на гістарычную тэматыку.

Такім чынам, невербальнае ў мастацкім тэксце становіцца паўнапраўным вербальным элементам, неабходным для глыбокага разумення твора, пацвярджаючы тэзіс аб тым, што майстэрства пісьменніка заключаецца не толькі ў тым, што ён гаворыць, але і ў тым, як ён апісвае маўчанне, погляд і жэст.

Літаратура

1. Крейдлин, Г. Е. Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге : Жестовые ударения / Г. Е. Крейдлин // Труды международной конференции «Диалог 2006 : компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». – М., 2006. – С. 290–296.
2. Куницына, В. Н. Межличностное общение. Учебник для вузов / В. Н. Куницына, Н. В. Казаринова, В. М. Погольша. – СПб. : Питер, 2002. – 544 с.
3. Косовский, Б. И. Общее языкознание : Хрестоматия / Б. И. Косовский ; под ред. проф. А. Е. Супруна. – Минск : Вышэйш. школа, 1976. – 430 с.
4. Горелов, И. Н. Невербальные компоненты коммуникации / И. Н. Горелов ; Отв. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Наука, 1980. – 104 с.
5. Верещагин, Е. М. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // Вопросы языкознания. – 1981. – № 1. – С. 36–47.
6. Маякина, М. А. Фразеологические единицы, описывающие невербальное поведение человека, как компонент развития языковой и общекультурной компетенций / М. А. Маякина // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2011. – № 33 (248). – Филология. Искусствоведение. Вып. 60. – С. 248–250.
7. Мележ, І. Людзі на балоце / І. Мележ. – Мінск : Мастацкая літаратура 1991. – 402 с.
8. Караткевіч, Ул. Выбраныя творы : у 2-х т. / Ул. Караткевіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1980. – Т. 2 : Хрыстос прыязмліўся ў Гародні (Евангелле ад Іуды) : Раман. – 400 с.
9. Мележ, І. Подых навалніцы / І. Мележ. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1973. – 512 с.
10. Караткевіч, Ул. Каласы пад сярпом тваім : Раман / Ул. Караткевіч. – Мінск : Юнацтва, 1981. – Кн. Першая. – 381 с.
11. Караткевіч, Ул. Нельга забыць : Раман / Ул. Караткевіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1982. – 335 с., іл.
12. Мележ, І. Завеі, снежань : Раман / І. Мележ. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1978. – 240 с.
13. Караткевіч, У. З вякоў мінулых : Апавяданні; Аповесці / У. Караткевіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1978. – 440 с., 1 л. іл.
14. Караткевіч, Ул. Выбраныя творы : у 2-х т. / Ул. Караткевіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1980. – Т. 1 : Апавяданні, аповесці / Аўт. прадм. В. Быкаў. – 336 с.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 24.11.2025

Специфика пространственно-временных отношений в повести У. Бекфорда «Ватек»

Ю.Д. ШАБУНЯ

Рассматривается специфика пространственно-временных отношений в повести английского писателя У. Бекфорда (William Thomas Beckford, 1760–1844) «Ватек» (Vathek, 1782). Отмечается многослойность художественного пространства произведения. Анализируются Дворцы Пяти Чувств, которые ассоциируются со смертными грехами: чревоугодием, похотью, гордостью и гневом. Подчеркивается роль пространства и времени в формировании жанровых особенностей, атмосферы и художественного мира произведения. Анализируется взаимодействие пространственных и временных координат, создающее ощущение замкнутости, изоляции и психологической напряженности, характерной для готического жанра.

Ключевые слова: готическая литература, дворец, ориентализм, художественное время, художественное пространство, хронотоп.

The article deals with the features of space and time structure in the novel of the English writer W. Beckford (1760–1844) «Vathek» (1782). It notes the multi-layered artistic space of the novel. The article analyzes the palaces of the five senses which are associated with the deadly sins: gluttony, lust, pride, and wrath. It emphasizes the role of space and time in the formation of genre features, atmosphere, and literary-artistic world of the novel. It analyzes the interaction of spatial and temporal coordinates creating a feeling of insularity, isolation and psychological tension which is the characteristic of the Gothic genre.

Keywords: Gothic literature, palace, orientalism, literary time, literary space, chronotope.

Введение. По определению М.М. Бахтина, пространственно-временные отношения в произведении называются хронотопом [1, с. 234]. Хронотоп имеет сюжетобразующее [2, с. 3] и жанровое значение, а также представляет собой формально-содержательную категорию внутри произведения [1, с. 235], организующую его художественное единство. Хронотоп является важнейшей характеристикой готического произведения, в котором пространство и время определяют развертывание сюжета.

Ю.М. Лотман отмечает превалирующее значение пространства в рамках хронотопа и пишет, что пространство текста «оказывается одним из основных средств осмысления действительности за изображением вещей» [3 с. 186] и играет моделирующую роль в тексте [3, с. 196]. По мнению М.М. Бахтина, время является основополагающей составляющей единицей хронотопа: «Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории» [1, с. 123]. Различия во мнениях о доминантной составляющей хронотопа отражают различные подходы к его пониманию: Ю.М. Лотман подчеркивает важность пространства как средства осмысления действительности и моделирования текста, тогда как М.М. Бахтин считает, что время является основной структурной единицей, создающей динамическую основу сюжета и истории. Существование различных мнений на тему доминантной составляющей части хронотопа говорит о том, что в литературоведении существует нерешенная дискуссия, что именно играет ключевую роль в формировании и восприятии хронотопа – пространство или время.

В зарубежном литературоведении хронотоп рассматривается с точки зрения ключевого инструмента для анализа структурных и тематических особенностей готической литературы. По мнению Р.Р. Джонстон, «организация времени и пространства в повествовании представляет собой сложное явление и играет значительную роль, а также может принимать множество различных форм, что является особым местом для организации и реализации социокультурных и социоисторических установок и убеждений»¹ (Здесь и далее перевод наш. – Ю.Ш.). Хронотоп является важной характеристикой текста, отражающей взаимосвязь пространства и времени в формировании художественного мира.

¹ «... the organization of time-spaces in narrative is complex and significant and can take on a multitude of different shapes and shapings. Such shapes and shapings are likely to reveal a great deal about implicit and explicit sociocultural and sociohistorical attitudes and beliefs» [4, p. 137].

Дж. Ховард отмечает, что хронотоп является ключом к прочтению готических произведений [5], что указывает на его аналитическую ценность в рамках художественного произведения. Использование методов М.М. Бахтина подчеркивает значимость диалогичности и многослойности времени и пространства в произведении. По мнению Я. Бломмарта, хронотоп характеризуется «мобильностью»² и его контекст обеспечивает не только точное «этнографическое описание»³, но и «пояснительный потенциал»⁴. «Мобильность» хронотопа указывает на его динамику в произведении, а также на вариативность временных и пространственных координат. Таким образом, хронотоп выступает инструментом для глубокого литературоведческого анализа готической литературы.

Изучению хронотопа посвящен ряд научных исследований. Рассматривая поэтику пространства и времени в готическом сюжете Г.В. Заломкина формулирует характеристику хронотопа, под которым понимает «формы пространства и времени, характерные для сюжета произведений, созданных в русле готической традиции, и специфические принципы их развертывания» [2, с. 19], что объединяет художественное пространство и время как равнозначные составляющие компоненты хронотопа. Е.В. Скобелева пишет, что «в «готическом» романе XVIII – начала XIX вв. место действия – площадка для страшных испытаний, отгороженная от повседневности» [7, с. 8], указывая на основную характерную черту художественного пространства в готическом романе. Т. Бриджмен полагает, что пространство и время являются повествовательными структурами и влияют на интерпретацию текста [8, с. 52]. Е. Гомел выделяет фантастический элемент в рамках художественного пространства, поскольку для эстетики предромантизма идея универсального и однородного пространства является устаревшей [9]. А.Г. Томпсон полагает, что литературные произведения отражают дух определенных исторических эпох, вследствие чего замковый хронотоп приобретает значимость для анализа способов функционирования времени и пространства в качестве контекстуальных структур, служащих фоном для исторических событий [10]. Таким образом, хронотоп играет важную роль в формировании готической эстетики, тематической и эмоциональной насыщенности произведений.

Повесть английского писателя У. Бекфорда (*William Thomas Beckford*, 1760–1844) «Ватек» (*Vathek*, 1782) представляет собой яркий пример художественного осмысления пространственно-временных отношений, которые формируют особую атмосферу и конфликт произведения. Именно пространственно-временной компонент играет важную роль в создании «арабской сказки» У. Бекфорда. Специфика хронотопа проявляется в динамике взаимодействия различных пространств в повести, наличии фантастического элемента и сказочных мотивов, а также особенностях временного восприятия, что способствует глубокому погружению читателя в атмосферу произведения и пониманию его смыслов. Б.Р. Напцок отмечает, что У. Бекфорд создает в «Ватек» сложную «символично-аллегорическую картину мира Востока» [11, с. 173]. Взаимодействие черт готического романа и сказки в «Ватек» формирует особый художественный мир и пространственно-временные отношения.

В этой связи актуальность настоящего научного исследования носит комплексный характер. В рамках данного анализа особое внимание уделяется тому, как автор использует пространство и время для создания атмосферы произведения, психологического портрета главного героя, а также для раскрытия темы произведения. Так, исследование специфики пространственно-временных отношений в повести У. Бекфорда «Ватек» позволяет глубже понять особенности созданного автором художественного мира, а также отметить черты готической и ориентальной эстетики. В современном литературоведении особое значение приобретает анализ структурных элементов произведения, таких как пространство и время, поскольку они играют ключевую роль в формировании жанра, а также смысловых и эмоциональных аспектов текста.

Новизна настоящей работы, как и актуальность, обусловлена несколькими аспектами. В данной работе происходит попытка выявить особенности пространственно-временных отношений в повести «Ватек» У. Бекфорда и их роль в формировании целостного художественного мира произведения. Важным аспектом является доказательство того, что особенно-

² «a “mobile” context» [6].

³ «ethnographic description» [6].

⁴ «explanatory potential» [6].

сти художественных пространств выступают основой создания готической и сказочной атмосферы произведения. Изучение данной темы способствует расширению теоретических подходов к анализу художественных текстов, позволяет выявить закономерности и особенности использования пространственно-временных структур в литературе, а также носит междисциплинарный характер, объединяя литературоведение, культурологию и психологию.

Основная часть. Уильям Бекфорд – английский писатель и романист. Самым известным произведением автора является фантастическая повесть «Ватек», написанная на французском языке в духе готической эстетики. Авторский стиль и интерес к романтическому средневековью определила склонность У. Бекфорда к коллекционированию произведений искусства – картин живописцев итальянского кватроченто, экзотических азиатских предметов [12, p. 10]. На английском языке «арабская сказка» (*Eastern tale*) [12, p. 13] была опубликована в 1786 г. как мистификация: У. Бекфорд издал повесть без указания автора, как перевод с арабского языка. Произведение получило название «Арабская сказка, из неопубликованной рукописи» (*An Arabian Tale, from an Unpublished Manuscript: With Notes Critical and Explanatory*) [13, p. 9].

Повесть «Ватек» является отправной точкой нового для XVIII в. направления в развитии западноевропейской культуры – романтического ориентализма [14]. Термин «ориентализм» изначально был связан с востоковедением и увлечением Востоком в художественной культуре. Е.А. Чач полагает, что данный термин указывает на дихотомию «Запад и Восток»: «под ним понимают также различие “Востока” и “Запада”, способ мышления, способ описания и западный стиль подчинения, необходимые Западу, с одной стороны, для культурного конструирования Востока и обретения власти над ним, а с другой стороны – для формирования собственной идентичности через противопоставление себя восточному “другому”» [15, с. 2]. В произведении «Ватек» ориентализм проявляется через создание образа Востока, который служит не только фоном для развития сюжета, но и инструментом формирования культурных и социальных стереотипов. Автор использует романтические и мифологические представления о Востоке, подчеркивая его загадочность, экзотичность и новизну по отношению к Западу, что формирует фоновое пространство и время в произведении – мир Востока в Средние века. В этом контексте пространство и время в «Ватек» служат средствами для конструирования образа Востока как места, насыщенного религиозными размышлениями и убеждениями, властью, таинственностью и культурными различиями, что соответствует идеям ориенталистской дихотомии.

Повесть У. Бекфорда «Ватек» отражает возникший в английской культуре второй половины XVIII в. интерес к Востоку, что расширяло границы европейского мирозерцания [16, с. 11]. В повести автор изображает ряд дворцов, которые имели различные характеристики. Дворец Алькорреми господствует над городом Самаррой, но Ватеку он кажется слишком тесным, из-за чего он строит пять новых дворцов, отвечающих его чувствам. Дворец Алькорреми располагался на высоком холме; к нему вела величественная лестница, состоящая из одиннадцати тысяч ступеней, что породило в Ватеке чувство гордыни: «Это восхождение внушило ему мысль о его величии и совершенно вскружило голову. Он был готов поклоняться самому себе, как богу...»⁵. Дворец Алькорреми олицетворяет власть, гордость и самовосхищение. Его расположение на высоком холме и лестница, ведущая к нему, подчеркивают стремление Ватека к превосходству. Дворец соотносится с эстетической категорией возвышенного – *the sublime*, на что указывает его удаленность от земного мира: «Он посмотрел вниз и увидел людей, размером с муравьев, горы показались ему меньше ракушек, а города – меньше ульев»⁶. Таким образом, на создание художественного пространства повести У. Бекфорда повлияли эстетические концепции, распространенные в XVIII в., в особенности категория возвышенного. Как отмечается в предисловии к «Ватеку», повесть представляет собой «возвышенное описание, которое сближает повесть не только с восточными сказками, но и с готическим романом и его характерными чертами необъятности, неизвестности и ужаса»⁷.

⁵ «The idea which such an elevation inspired of his own grandeur completely bewildered him; he was almost ready to adore himself» [12, p. 21].

⁶ «He cast his eyes below and beheld men not longer than pismires, mountains than shells, and cities than bee-hives» [12, p. 21].

⁷ «... sublime description that aligns Vathek not only with oriental tales, but also with the gothic novel and its signature effects of immensity, obscurity, and terror» [13, p. 9].

Восхождение по лестнице к башне дворца Алькорреми вызывает в Ватеке один из грехов – гордыню, что создает образ человека, одержимого тщеславием и желанием самоутверждения. Данный дворец отражает опасность гордыни, которая может привести к духовному падению и потере истинных ценностей. Кроме того, башня дворца по описанию напоминает тюрьму: «Незнакомца окружили, заковали в крепкие цепи и отправили в темницу большой башни. Темница эта была окружена семью рядами железных прутьев и снабжена длинными остриями со всех сторон»⁸.

Первый из дворцов, построенный Ватekom, изобиловал отборной едой и напитками и назывался Вечным Пиром, или Ненасытным⁹. Данный дворец отражает пороки главного героя. В нем он предавался искушению перед огромным выбором различных кушаний. Дворец Вечный Пир, или Ненасытный, символизирует чрезмерное и бесконечное желание Ватекы к удовольствиям и богатству. В контексте повести дворец указывает на внутренние страсти Ватекы, его стремление к изобилию и насыщению, которые приводят к духовной пустоте, моральному падению и разочарованию. Дворец отражает внутреннюю природу Ватекы, его желание наслаждения, которое, несмотря на внешнее изобилие, может привести к пустоте и утрате истинных ценностей. Данный дворец представляет собой метафорическую тюрьму Ватекы и показывает, как чрезмерное увлечение материальными благами может отвлечь человека от духовных поисков и внутреннего развития, делая его пленником своих страстей и желаний.

Второй дворец – Храм Мелодии, или Нектар Души¹⁰. В нем Ватек собрал лучших музыкантов и поэтов, чтобы те могли усовершенствовать таланты и разойтись повсюду, чтобы наполнить окрестности своими песнями. Храм Мелодии, или Нектар Души, символизирует духовное и культурное развитие. В данном дворце Ватек собрал деятелей искусства, чтобы они могли совершенствовать таланты и распространять красоту и гармонию через музыку и поэзию. Образ данного дворца подчеркивает важность духовных ценностей, искусства и творчества как средств обогащения души и формирования эстетических воззрений. В контексте повести он показывает, что истинное богатство – это развитие внутреннего мира, духовное просвещение и вдохновение, которые могут наполнять окружающих гармонией и воспроизводить особое эмоциональное состояние.

Третий дворец – Услада Глаз, или Опора Памяти¹¹. У. Бекфорд описывает данный дворец как воплощение волшебства: он изобиловал редкими находками со всех концов света, располагал картинной галереей знаменитого Мани и возбуждал любопытство у любого, кто туда входил. Данный дворец символизирует богатство знаний, красоты и культурного наследия. Строение подчеркивает важность памяти, исторического и художественного богатства. Третий дворец можно интерпретировать как образ внутреннего мира, наполненного воспоминаниями, знаниями и эстетическими ценностями, которые служат источником вдохновения. Так, дворец указывает на необходимость сохранять и ценить культурное наследие, поскольку оно способствует пониманию идентичности.

Четвертый дворец – Дворец Благоуханий или Побуждение к Удовольствию¹². Данный дворец, как и Храм Мелодии, является метафорой наслаждения и тяготения к различным формам эстетического удовольствия. В изображении дворца прослеживается мотив опьянения: У. Бекфорд описывает великолепие этого места и обширный сад, в котором «цветы распространяли чистейшие запахи»¹³, вызывая «приятный бред»¹⁴. Дворец символизирует стремление человека к наслаждению и эстетическому удовольствию. Его описание подчеркивает идею о том, что удовольствия и чувственные наслаждения могут погружать в забвение и увлекать, создавая состояние опьянения и наивысшего уровня блаженства. Таким об-

⁸ «... the stranger was surrounded, pinioned with strong fetters, and hurried away to the prison of the great tower, which was encompassed by seven empalements of iron bars, and armed with spikes in every direction longer and sharper than spits» [12, p. 24].

⁹ «The Eternal or Unsatiating Banquet» [12, p. 18].

¹⁰ «The Temple of Melody, or the Nectar of the Soul» [12, p. 18].

¹¹ «The Delight of Eyes, or the Support of Memory» [12, p. 18].

¹² «The Palace of Perfumes which was termed likewise The Incentive to Pleasure» [12, p. 19].

¹³ «every fragrant flower diffused through the air the purest odours» [12, p. 19].

¹⁴ «agreeable delirium» [12, p. 19].

разом, данный дворец также соотносится с эстетической категорией возвышенного. Кроме того, важную роль играет концепция величественного – *the great*, поскольку данный дворец состоял из нескольких залов, отличающихся своими крупными размерами. Дворец отражает важность эстетического опыта и чувственного восприятия как части внутреннего мира человека, а также показывает, что поиск удовольствий, свойственный Ватеку – естественная часть человеческой природы, которая может как обогащать, так и затмевать разум.

Последний, пятый дворец – Убежище Радости, или Опасный¹⁵, символизирует греховность Ватека. В данном дворце он принимал «соблазнительных»¹⁶ и «прекрасных»¹⁷ молодых женщин, которые «одаривали ласками»¹⁸ всех, кому Ватек позволял приблизиться к ним. Дворец указывает на темные стороны человеческой природы, а также становится местом чувственных удовольствий, страстей и моральных искушений Ватека. Данный дворец отражает опасность потери духовных ценностей под влиянием страстей, а также внутреннюю борьбу между добром и злом. В контексте повести он служит инструментом для погружения в мир соблазнов и грехов, что может привести к духовному падению и разрушению внутренней гармонии.

При описании дворцов прослеживаются сказочные сюжеты и готические мотивы. Так, одним из важных мотивов выступает мотив замкнутости. Автор пишет, что город Самарра находился на пограничье: с одной стороны долина ограждалась высоким холмом, а с другой стороны была страшная пропасть. Такая географическая замкнутость усиливает чувство безысходности и отчужденности от окружающей действительности. Самарра и дворцы Ватека – сказочный мир, полный ужасных событий. Ватек находится в ловушке, не имея возможности найти выход. Главный герой впадает в безумие вследствие колдовства, что прослеживается через мотив болезни: «Его охватила лихорадка, а аппетит пропал насовсем. Подобно тому, как раньше он хотел есть, теперь он хотел пить. Ненасытная жажда мучила его»¹⁹. Болезнь проходит, когда Ватек выпивает зелье. Болезнь и исцеление в контексте повести являются элементами сверхъестественного, поскольку оба процесса происходят под действием магических сил. Однако у исцеления есть другой эффект: он побуждает Ватека поддаться своим страстям и ряду смертных грехов: чревоугодие, похоть, гордость, гнев. Исцеление, несмотря на внешнее избавление от болезни, способствует духовному падению героя, что подчеркивает тему внутренней борьбы и разрушения личности под воздействием искушений.

В повести «Ватек» прослеживается синтез ориентализма и готического романа. Как отмечает Б.Р. Напцок: «В “Ватек” понятие сверхъестественного, “готические” антураж, мотивы, пейзаж, хронотоп, герои, воспринятые из английской “готики”, были соединены с восточными традициями, представлениями, религиозными верованиями» [17, с. 32]. У. Бекфорд трансформирует традиционную английскую готику, а также создает новую модификацию готического жанра – ориентальный роман ужаса [17, с. 32]. В целом, творчество У. Бекфорда характеризуется френетическим направлением в готической традиции. Е.В. Тарасова пишет, что «френетическая готика отвергает сентиментальность и обращается к дикому и необузданному проявлению ужаса, чтобы повергнуть читателя в шок» [18, с. 7]. У. Бекфорд описывает ужасы, происходящие во дворцах Ватека: колдовство; сабли, текст на которых меняется каждый день; лицо чудовища; индеец, сворачивающийся в шар и катающийся по залам дворцов; кровавые полосы на небе; мрак; жестокое убийство пятидесяти детей и т. д. Некоторые из ужасных событий происходят в измененном состоянии разума Ватека, забвении и иллюзии: «Башня содрогнулась. Мертвые тела исчезли. Огонь из мрачно-малинового обратился в ярко-розовый. Воздух наполнился изысканными душистыми испарениями. Мраморные колонны издавали гармоничные звуки, а расплавленные рога распространяли восхитительные благоухания»²⁰.

¹⁵ «The Retreat of Joy, or the Dangerous» [12, p. 19].

¹⁶ «seducing» [12, p. 19].

¹⁷ «beautiful» [12, p. 19].

¹⁸ «receive with caresses» [12, p. 19].

¹⁹ «A fever seized him, and his appetite failed. Instead of being one of the greatest eaters he became as distinguished for drinking. So insatiable was the thirst which tormented him...» [12, p. 30].

²⁰ «... tower shook, the dead bodies vanished in the flames which at once changed from a swarthy crimson to a bright rose colour; an ambient vapour emitted the most exquisite fragrance, the marble columns rang with harmonious sounds and the liquefied horns diffused a delicious perfume» [12, p. 56].

При помощи художественных средств, относящихся к френетической готике, У. Бекфорд передает ужасы, происходящие в Самарре. Автор конструирует художественный образ пространства, используя подробные описания места действия, а также символы и детали, которые способствуют воссозданию в воображении читателя точного пространства.

Художественное пространство, созданное У. Бекфордом, представлено тремя вертикальными уровнями [11, с. 171]: «верх» – вершина башни, где Ватек ощущал себя близким к божественным силам и посвященным в тайны астрологии; «середина» – земной мир, представленный городом Самаррой и Дворцами Пяти Чувств Ватека; «низ» – подземный мир, где Ватек обречен на вечное скитание. Разнузданность страстей и жестокое поведение становятся возмездием Ватека за все совершенное зло и стремление к бесконечным благам. Таким образом, автор раскрывает вечную тему борьбы добра и зла. В произведении У. Бекфорда происходит «инициация наоборот» [7, с. 5]: Ватек не отказывается от зла, а остается в заколдованном лабиринте навсегда.

В повести «Ватек» прослеживается трансформация художественного пространства. В первую очередь, дворец Алькорреми и его башня являются домом Ватека, где он может уединиться. Все пять Дворцов Чувств символизируют границу реального и фантастического, поскольку потустороннее проникает в обычную жизнь. Когда Ватек приказывает запереть Дворцы Пяти Чувств, они функционируют как хранители тайных знаний, где Ватек может в одиночестве заниматься науками (астрология, алхимия). Когда Ватек совершает преступления, его дворцы становятся эпицентром зла, а также метафорической тюрьмой для него самого, а также временной тюрьмой для Гяура.

Заключение. Повесть У. Бекфорда «Ватек» представляет собой сложное художественное произведение, в котором пространственно-временные отношения играют ключевую роль в формировании его художественного мира и раскрытии тематических аспектов. Автор использует различные пространственные конструкции для создания готической атмосферы ужаса, подчеркивания психологического состояния персонажа и развития сюжета. Место действия многослойно, изолировано не только в пространстве, но и во временном аспекте, поскольку автор изображает восточный мир средних веков. У. Бекфорд описывает Дворцы Пяти Чувств Ватека, которые соотносятся не только с различными сенсорными чувствами (вкус, слух, зрение, обоняние, осязание), через которые Ватек воспринимает действительность, но и указывают на богохульство и греховность персонажа (чревоугодие, похоть, гордость, гнев). Каждый из дворцов ассоциируется с удовольствием, но при наивысшем уровне наслаждения в каждом из дворцов Ватека ждет искушение, ведущее к греховности, духовному падению и разложению личности. Таким образом, через изображение дворцов автор обращается к ряду философских тем: противостояние добра и зла, неотвратимость возмездия, природа человеческого сознания, границы восприятия реальности, понятие идентичности, а также вопросы этики и морали.

Специфика пространственно-временных отношений произведения У. Бекфорда «Ватек» заключается в том, что пространство и время не выступают лишь как пассивные фоновые элементы художественного мира, а активно участвуют в формировании сюжета, отражая взаимодействие главного героя с окружающей средой. Важной особенностью является динамика пространственно-временных отношений, которая способствует созданию ощущения замкнутости, изоляции и психологической напряженности, характерных для готического произведения.

Литература

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 504 с.
2. Заломкина, Г. В. Поэтика пространства и времени в готическом сюжете : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / Г. В. Заломкина. – Самара, 2003. – 20 с.
3. Лотман, Ю. М. В школе поэтического слова. Художественное пространство в прозе Гоголя / Ю. М. Лотман. – М. : Просвещение, 1988. – 352 с.
4. Johnston, R. R. A narrative chronotope / R. R. Johnston // *Children's Literature as Communication*. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2002. – P. 137–157.
5. Howard, J. Reading Gothic fiction : a Bakhtinian approach / J. Howard. – Oxford, 1994. – 120 p.

6. Blommaert, J. Commentary : Mobility, contexts, and the chronotope / J. Blommaert // *Language in Society*. – 2017. – V. 46, №. 1. – P. 95–99.
7. Скобелева, Е. В. Традиция «готического» романа в английской литературе XIX и XX веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Е. В. Скобелева. – М. : МГУ, 2008. – 16 с.
8. Bridgeman, T. Time and space / T. Bridgeman // *The Cambridge companion to narrative*. – 2007. – V. 52. – P. 52–65.
9. Gomel, E. Narrative space and time : Representing impossible topologies in literature / E. Gomel. – New York : Routledge, 2014. – 236 p.
10. Томпсон, А. Г. Английский замок : средневековая оборонительная архитектура / А. Г. Томпсон ; пер. с англ. А. Л. Андреева. – М. : Центрполиграф, 2011. – 412 с.
11. Напцок, Б. Р. Специфические особенности хронотопа в «готической» сказке У. Бекфорда «Ватек» / Б. Р. Напцок // *Вестник Адыгейского гос. ун-та*. – 2016. – №. 2 (177). – С. 171–176.
12. Beckford, W. The history of the caliph Vathek / W. Beckford. – London : JC Nimmo and Bain, 1883. – 406 p.
13. Beckford, W. Vathek / W. Beckford. – London : Oxford University Press, 2013. – 140 p.
14. Said, E. Orientalism / E. Said. – New York : Pantheon Books, 1978. – 368 p.
15. Чач, Е. А. Ориентализм в общественном и художественном сознании серебряного века : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. А. Чач. – СПб., 2012. – 22 с.
16. Комната с гобеленами / Сост., вступ. ст. и коммент. Н. Соловьевой ; пер. с англ. и фр. – М. : Правда, 1991. – 560 с.
17. Напцок, Б. Р. Синтез ориентализма и «готической» традиции в сказке У. Бекфорда «Ватек» / Б. Р. Напцок // *Вестник Адыгейского гос. ун-та*. – 2010. – №. 1. – С. 32–38.
18. Тарасова, Е. В. Традиции готического романа в прозе США XIX – первой трети XX веков (Э.А. По, А. Бирс, Г.Ф. Лавкрафт) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Е. В. Тарасова. – Минск, 2018. – 24 с.

Полоцкий государственный
университет имени Евфросинии Полоцкой

Поступила в редакцию 26.06.2025

Глагол «дыхаць» как средство олицетворения (на материале художественных произведений белорусских авторов 20-го века)

О.А. ШУМАНСКАЯ

Глагол «дыхаць», как лексема обозначающая физический опыт человека, часто подвергается вторичной концептуализации и используется в переносных значениях. Цель исследования состоит в выявлении особенностей функционирования глагола «дыхаць» в приемах олицетворения в белорусской художественной литературе 20-го века. Рассмотрено 178 примеров. В них выделены и описаны типы конструкций с глаголом, выявлены его основные значения. Выделено 8 тематических групп существительных, чаще других подвергающихся олицетворению.

Ключевые слова: витальные потребности, глагол «дыхаць», олицетворение, образный строй белорусского языка.

The verb «to breathe» is a lexeme that denotes a human's physical experience. It often becomes a subject to secondary conceptualization and is used in figurative meanings. The aim of the study is to identify the features of the verb «to breathe» functioning in personification in Belarusian fiction of the 20th century. 178 examples from works of Belarusian fiction are examined. Types of constructions with the verb «to breathe» are identified and described, the meanings that the verb «to breathe» receives in these constructions are revealed. Eight thematic groups of nouns that most frequently become a subject to personification are identified.

Keywords: vital needs, verb «to breathe», personification, figurative structure of the Belarusian language.

Введение. Вопрос о рассмотрении средств образности речи не является новым в филологии. Традиционно он изучается в рамках лингвостилистики или литературоведения. Исследования направлены на анализ художественных стилей различных авторов и того, как соотносятся идейно-тематическое содержание произведений и художественные средства, используемые для его раскрытия. Но в последние десятилетия появляется все больше работ, посвященных изучению средств образности речи в контексте исследования взаимосвязи языка и культуры, актуализации в речи ключевых культурных концептов, фиксации и отражения в языке знаний, разделяемых определенными лингвокультурными группами (Е.А. Юрина, Н.А. Илюхина, М.В. Грекова, О.В. Авраменко, Н.В. Землякова, А.В. Балдова). Согласно современным лингвистам, *«образное видение мира имеет лингвистическую детерминированность, поскольку базируется на закреплённых в языковых единицах образах, общепринятых в определенной языковой культуре»* [1, с. 3]. Ученые высказывают идеи о том, что *«типовые образы языковой культуры составляют часть когнитивной системы носителей языка и с одной стороны отражают, а с другой – предопределяют специфику национального мировидения, они воплощены в значении языковых единиц и регулярно, хоть и с определенной долей вариативности, реализуются в различных видах дискурса»* [1, с. 4]. Подобный подход к рассмотрению языковых образов базируется на работах, посвященных языковым и концептуальным метафорам (Дж. Лакофф и М. Джонсон, К.Г. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, В.Г. Гак, В.Н. Телия, А.П. Чудинов, Э.В. Будаев); на результатах исследований в русле лингвокультурологии и когнитивной лингвистики (Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, Н.Д. Арутюнова, R. Landgaker, A. Wierzbicka).

Для нас интерес представляет то, как глагол «дыхаць», репрезентирующий витальную потребность, функционирует как средство олицетворения в белорусской художественной литературе 20-го в. Олицетворение или «прозопопея» является разновидностью метафоры, приписывающей *«неодушевленным предметам признаков и свойств живых существ»* [2]. Исследователи отграничивают понятие «олицетворение» от «персонификации», трактуемой как *«полное уподобление неодушевленного предмета человеку, при котором предмет наделяется не частными признаками человека, а приобретает все человеческие черты, часто человеческий облик»* [3]. Выделяются узкое и широкое толкования олицетворения. В узком значении данное понятие понимается как наделение животных или неодушевленных объек-

тов свойствами, присущими человеку – мыслями, чувствами и речью. Более широко «олицетворение» – приписывание неодушевленным объектам и явлениям свойств, характерных для любых одушевленных объектов, не только людей [4]. В статье мы придерживаемся более широкой трактовки. Семантика глагола «дыхаць» такова, что неодушевленный предмет, используемый в сочетании с глаголом, автоматически оживляется, поскольку дышать способны только живые существа. Он воспринимается как активный деятель ситуации, ее полноправный участник: *«Угрэтая сонцам зямля дыхала ласкай і цеплынёй», «Нёман унізе дыхае густою, белаю і сцюдзёнаю, параю»*. Однако подобному объекту редко приписываются свойства, как например, способность мыслить и чувствовать, характерные только для людей.

В выборе глагола «дыхаць» для исследования важными представляются следующие аспекты: физиологический характер описываемого им действия и то, какой частью речи он является. Исследователи отмечают высокий образный потенциал глагола как части речи, поскольку он, *«отличаясь исключительной сложностью своего содержания, богатством парадигматических и синтагматических связей, имеет гибкую семантическую структуру и богатые ассоциативно-смысловые свойства, которые и определяют потенциальную возможность употребления глагола в переносном значении»* [5, с. 216]. Что касается семантики рассматриваемого глагола, то он описывает телесный и сенсорный опыт. Как известно, лингвисты признают важность телесного опыта в процессе вторичной концептуализации: *«все типы метафоризации основаны на ассоциативных связях человеческого опыта»* [6, с. 4], *«у истоков концептуализации человеческого опыта оказывались концепты, основанные на телесном опыте и обобщающие опыт тела (т. е. его рецепторов, воспринимающих реальность в диапазонах, предписанных биопрограммой человека»* [6, с. 32]. Таким образом, изучение особенностей функционирования глагола «дыхаць» в художественных произведениях белорусских авторов представляется актуальным с точки зрения того, как представления о мире, характерные для белорусской лингвокультуры, отражаются и фиксируются в языке при помощи образных средств, в частности, олицетворения.

Материалом исследования послужили контексты, отобранные методом сплошной выборки в белорусских художественных произведениях, размещенных в национальном корпусе белорусского языка (<https://bnkorpus.info>). Общее количество проанализированных примеров составило 178 текстовых отрезка. Было выделено восемь тематических групп существительных, выступающих объектами олицетворения вместе с глаголом «дыхаць». В группы вошли лексемы (синонимы и смежные понятия), обозначающие землю, поле, водоемы, воздух, лес; лексемы, объединенные темами «словесное творчество», «урбанизация». Последнюю группу составили существительные, не связанные между собой общей темой. Проанализированные существительные вместе с глаголом употребляются в конструкциях **«субъект + «дыхаць» + как?»** и **«субъект + «дыхаць» + чем?»**: *«сонца даўно схавалася, зямля ўсё дыхала гарачынёй», «дыхае спёкай зямля», «холадам дыхала рэчка», «спакойна дыхала рака», «... лес астываў наволі, дыхаў усё спакайней і спакайней»*.

Основная часть. В первую по частотности употребления группу входят существительное «**зямля**» и синонимичная ему лексема «**глеба**» (38 контекстов). В проанализированных примерах отражена их ассоциативная связь с плодородием и жизнью, что пересекается с их символическими значениями в белорусском фольклоре [7], в котором они воплощают материнский образ: *«Зямля дыхала маладымі, жыццетворчымі сокамі», «Вялікай прагнасцю дыхала глеба. Яна любіла, калі над ёю рыталі-хруцелі косці, калі мускулы рабіліся цвёрдымі, як дубовыя сукі, і пругкімі, як сталёвыя спружыны. Яна любіла, калі гарачая жыжа поту бруднымі ручайкамі разыходзілася па глыбокіх зморшчынах загарэлага твару»*. Существительное «зямля» также используется для обозначения того, что в белорусской культуре принято называть «малой Родиной» – места, в котором человек родился, вырос и ощущает с ним особую связь. Возделанный надел земли и окружающие его территории, на которых «ощущается присутствие человека и результаты его трудов» [8], выступают микрокосмом для белоруса:

*Прыпадзі, душа мая, к падножжам тым,
Дзе крыніцы пачынаюць шлях,
Прыкладзіся вухам насцярожаным, –*

*Чуеш? Вольна дыхае зямля!
Гэта ёй ты ўся навек аддадзена
Чысцінёю дум і пачуцця,
Гэта з ёй даўно умова складзена:
Жыць і славіць кожны дзень жыцця!* (Звонак. Слаўлю жыццё).

В сочетании с существительными «зямля», «глеба» в проанализированных контекстах актуализируются значения:

- «давать жизнь»: *«як дыхае хлебам зямля»;*
- «двигаться», «прогибаться под тяжестью, уходить вниз»: *«Зірні наўкола: гэта не балоты дыхаюць пад нашымі нагамі – гэта зямля»;*
- излучать или выделять тепло, холод, свет, влагу, испарения и др.: *«ад вясны зямля дыхала свежаю параю», «адталым дыхала зямля», «зямля дыхае свежай вільгаццю».*

Рассматриваемые лексемы также используются для обозначения эмоций, настроения главных героев: *«Стаяў той асабліва прыгожы дзень, якія бываюць звычайна ў канцы жніўня месяца... Зямля здаецца лёгкай, бязважкай, яна ўся дыхае цішай, спакоем».* В контекстах *«натхнёна дыхала зямля», «дыхае роўна зямля...», «дрымотна дыхае зямля»* олицетворение усиливается за счет использования наречий, обозначающих состояния и процессы, свойственные живым субъектам: *«натхнёна», «дрымотна»* и *«роўна».*

Вторыми по частотности употребления являются существительные, объединенные в тематическую группу **«водоёмы»**: *акіян, мора, рэчка, возера, рака, Дняпро, Сож, Неман, Волга, багна, балота.* Они выявлены в 34 контекстах, в которых актуализируются значения:

- движение, течение: *«цяжка дыхаў неспакойны Дняпро», «... і дыхае возера», «унізе дыхала, білася аб скалы мора», «там дыхае Волга»;*
- выделение тепла, холода, испарений: *«мора дыхала па-ранейшаму цеплынёю», «Мора, яшчэ не зусім супакоенае, лагодна пакарабачанае шырокімі хвалямі, дыхае парай», «рэчка дыхала парнаю вільгаццю»;*
- описание эмоций, настроений: *«... Бязмежныя вадзяныя прасторы дыхалі велічавым спакоем, трапяткой серабрыстай люстранасцю ...».*

Существительные рассматриваемой тематической группы наиболее часто используются со словами, придающими им положительную коннотацию, подчеркивающими мощь и масштаб водной стихии, усиливающими эффект одушевления: *«дыхаць велічавым спакоем», «лёгка дыхаў шырокі Сож», «... але мора дыхала па-ранейшаму цеплынёю, радасцю, шчасцем, летам».*

Однако отдельно стоит отметить контексты с ярко выраженной отрицательной окраской. В них фигурируют лексемы *«балота», «багна», «каламута»* (мутная вода, характерная для болотистых местностей), символизирующие недобрые нечистые места в белорусском фольклоре [7]: *«змыеш усю накіпелую атруту, якою дыхаюць твае балоты», «... цемра ў ім, багна на яго дыхае, сонца сюды не зазірае», «... а рукі то круцілі алешыну, то ўсё ўзмахвалі, загрэбвалі ваду; калі пагрузалася да рота і каламута дыхала ў самыя вочы жудасцю».*

Третья тематическая группа **«воздух»** включает лексемы *«паветра», «вецер», «ветрык», «вятрыска».* Они регистрируются в 23 текстовых отрезках для описания:

- атмосферы, предчувствия приближающихся изменений (социальных, индивидуальных, природных и др.): *«Перад Лабановічам паўстаў велічны вобраз грознай, хоць і залітай крывёю нядаўняй рэвалюцыі. Паветра дыхала навальніцай, полымя магло ўзгарэцца... », «А свежы вецер дыхае вясной... »;*
- физических явлений (тепла, холода, дыма, огня): *«Вецер і над возерам дыхаў гарачынёю, нібы з вялізнай печы...», «Стрыманы вецер дыхаў адтуль як не чадам»;*
- пространства и его масштаба: *«свежы вецер дыхаў вялікімі абшарамі вады».*

Наиболее часто лексемы данной группы употребляются со словами, придающими им положительную коннотацию: *«цеплы», «лёгкі», «свежы», «ласкавы», «вясновы», «стрыманы».*

К четвертой по частотности употребления группе относятся существительные, объединенные в тематическую группу **«лес»**: *«лес», «бор», «сасоннік».* Они выявлены в 19 текстовых отрезках. Часто используются вместе с лексемами, придающими им положительную окраску

(«цёплы», «свежы», «цеплыня», «водар», «вільгаць», «свежасць», «цішыня», «лёгка», «адпачываць»): «*навакольны лес дыхаў роснай вільгацю*», «... *Лес дыхаў свежасцю, уставаў папаратнік абапал партызанскіх сцяжынак*». В целом, образ леса в проанализированных отрывках вызывает ассоциации со спокойствием и умиротворением, свежестью, прохладой:

*Яшчэ пад сонцам
бор сасновы
Жывіцай дыхаў з-над кары,
І захад сонца быў барвовы,
І быў ружовы лік зары.*

Данная группа существительных наиболее часто используется в ситуациях описания физических процессов (выделения тепла, холода, влаги) и настроений, эмоциональных состояний: «...*лес пасля дажджу дыхаў свежасцю і тонкай цеплынёй*»; «... *патыхала вільготным халадком, а бор дыхаў неастылай цеплынёй учарашняга дня*».

Пятым по частотности употребления является существительное «поле» и синонимичные ему «сенажаць», «прастора», «разлогі» (16 контекстов). Они фигурируют в ситуациях описания:

– простора и ощущения свободы, воли: «*дыхала поле неабдымным прасторам*», «... *дыхала прастора воляю, ветравою свежасцю*»;

– физических процессов (выделения испарений, тепла, холода, запахов): «... *дыхае расою сенажаць*», «... *цеплынёю, што з поўдня прыйшла, поле дыхае ноччу вясенняй*», «... *Свеціць сонца, поле дыхае парнасцю*».

В шестую группу входят существительные, объединенные понятием «словесное творчество»: «слова», «твор», «замалёўкі», «нарысы». Они встречаются в 15 контекстах. При помощи лексем в текстах актуализируется тема взаимоотношений автора и его основного творческого инструмента (слова) и в целом, творчества, его смысла и целей: «*Кожнае слова выходзіла суцэльным, адлітым, дыхала сілаю і абдуманасцю*», «... *і полымем замілавання і нянавісі дыхаюць творы Віктора Гюго*».

В седьмую группу включены существительные, называющие значимые социальные явления середины 20-го в., преимущественно связанные с двумя процессами – урбанизацией и механизацией («завод», «горад», «цягнік», «матор»): «...*дыхае завод, кіпяць вуліцы, плакаты*», «*цягнік дыхаў парай на нізкае сонца, і яно, трапляючы ў сівыя клубы, мяняла колер*», «*Дыхае горад смогам*», «*Толькі заводскі раён дыхаў жыццём*». Было зарегистрировано 8 подобных контекстов, в которых актуализируются значения:

– функционировать, работать: «... *Доўга яшчэ завод ледзьве дыхаў*», «... *Тут “нармальнае” жыццё: дыхае завод, кіпяць вуліцы*», «... *Толькі заводскі раён дыхаў жыццём*»;

– описание физических процессов (выделения испарений, тепла, холода, запахов): «...*Горад дыхае настоенаю ў камяніцах спёкаю*», «... *Дыхае горад смогам*», «... *гарачынёй дыхаў матор*».

В восьмую группу включены существительные, не связанные общей темой: существительное «небо» и лексемы, обозначающие поры года, части суток, растения, абстрактные понятия, эмоции. Было зарегистрировано 25 контекстов. В них актуализируются значения:

– описание физических процессов (выделения испарений, тепла, холода, запахов): «*Раніца яшчэ дыхае начной прахаладай*»;

– описание эмоций, состояний, атмосферы: «*час дыхаў аскетызмам*», «*Ад спакойных, троху пахіленых каласоў дыхала прыемная радасць*».

Заключение. Глагол «дыхаць» как лексема, обладающая высоким образным потенциалом, активно используется в средствах художественной выразительности и, в частности, в приемах олицетворения. Их рассмотрение позволяет тщательнее изучить репрезентацию символов и ценностей белорусской культуры в образном строе языка. Так, объектами олицетворения в конструкциях с глаголом «дыхаць» становятся существительные, обозначающие культурные и социальные явления, значимые для белорусского общества 20-го в. Среди них отчетливо выделяются образы и понятия, характерные для двух пластов культуры: традиционной и более поздней, формирующейся в Новейшее время. Так, олицетворению, в первую

очередь, подвергаются существительные, номинирующие символы белорусского фольклора: земля, поле, лес, воздушная и водная стихия. Перечисленные природные объекты и явления выступают в качестве вариаций типичного пространства (просторы), освоенного беларусами, обладающие для них большой концептуальной ценностью [9]. Объектами олицетворения также часто становятся существительные, репрезентирующие важные социальные явления 20-го в.: урбанизацию и механизацию.

Литература

1. Юрина, Е. А. Образный строй языка / Е. А. Юрина. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. – 156 с.
2. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов [Электронный ресурс] / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Режим доступа : <https://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-terms/index.htm>. – Дата доступа : 20.09.2025.
3. Белокурова, С. П. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс] / С. П. Белокурова. – Режим доступа : <http://grammar.ru/LIT/?id=3.0>. – Дата доступа : 20.09.2025.
4. Константинова, С. К. Олицетворение в художественном тексте : семантические и грамматические аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. К. Константинова ; Белгородский гос. пед. ун-т им. М.С. Ольминского. – Белгород, 1996. – 223 с.
5. Чеснокова, Н. В. Языковые механизмы глагольной образности / Н. В. Чеснокова // Вестник ТГУ. – 2010. – № 12. – С. 216–223.
6. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка / Е. С. Кубрякова. – М. : Знак. – 208 с.
7. Шамак, А. Древняя мифология белорусов [Электронный ресурс] / А. Шамак, Ю. Шамак. – Режим доступа : https://knihi.com/Ales_Samak/Jarila,_Dievoja_i_Pierielet-trava_Drievniaja_mifolohija_bielarusov-rus.html. – Дата доступа : 20.09.2025.
8. Швед, І. А. Прыродна-ландшафтны код міфапэтычнага мыслення як аб'ект междысцыплінарнага даследвання / І. А. Швед // Вучоныя запіскі. Ч. 1 : Гуманітарныя і грамадскія навукі. – 2011. – № 7. – С. 184–193.
9. Лобач, У. А. Міфасемантыка традыцыйнага культурнага ландшафту беларусаў канца XIX – пачатку XXI ст. : дыс. ... д-ра гіст. навук : 07.00.07 / У. А. Лобач ; Полацкі дзярж. ун-т. – Полацк, 2017. – 270 с.

Белорусский государственный
университет иностранных языков

Поступила в редакцию 14.10.2025

Философия

УДК 1(091) +11(115) +128

EDN: WQYSZW

Богостроительство и спасение в учении о доминанте
и хронотопе А.А. Ухтомского

Н.В. ЕРЕМЕЕВА

В статье учение о доминанте русского и советского физиолога академика А.А. Ухтомского рассматривается в трех аспектах. Психофизиологический аспект доминанты раскрывается в состоянии готовности нервной системы, этический – в усилиях по достижению счастья, философско-религиозный – в желании присутствия Бога, сбытии Его в личном религиозном опыте человека. Делается вывод о необходимости понимать учение А.А. Ухтомского о хронотопе как особом сущем в определенном пространстве и времени, заданном доминантой богостроительства, как опыт осмысления духовного подвижничества и соработничества в деле достижения личного спасения.

Ключевые слова: доминанта, хронотоп, время, спасение, сотериология, богостроительство, подвижничество, А.А. Ухтомский.

In this article the doctrine of the dominant of the Russian and Soviet physiologist, academician A.A. Ukhtomsky, is considered in three aspects. The psychophysiological aspect of the dominant is revealed in the state of readiness of the nervous system, the ethical aspect – in efforts to achieve happiness, the philosophical and religious aspect – in the desire for the presence of God, realizing Him in the personal religious experience of a person. The conclusion is made about the necessity of understanding the teaching of A.A. Ukhtomsky about the chronotope as a special entity in a certain space and time, determined by the dominant of God-building, as an experience of understanding spiritual asceticism and cooperation in the matter of achieving personal salvation.

Keywords: dominant, chronotope, time, salvation, soteriology, God-building, asceticism, A.A. Ukhtomsky.

Введение. Умное делание на уровне эволюции человека, возможность духовного развития каждой отдельной личности, исходя из данных научных исследований нервной деятельности, «психофизиология спасения» [1, с. 7] представлена в трудах акад. А.А. Ухтомского. Ученый с мировым именем, один из основателей физиологической школы Санкт-Петербургского университета, раскрывается потомкам как русский философ и мыслитель, органицист и космист по духу мышления [2, с. 53] только сейчас. Открытие им принципа доминанты – состояния готовности, внимания, тонуса нервной системы, «величиной, господствующей в смысле влияния на эффект» [3, с. 66] – оставалось зашифрованным посланием для большинства современников, пока не была проделана значительная работа по восстановлению обширных дневниковых записей и переписки академика. Изучению его трудов посвящают все больше времени в связи с актуальностью его представлений о хронотопе. Открытие хронотопа как особой пространственно-временной структуры как нельзя лучше иллюстрирует единообразие законов природы и человеческого бытия, которые, «синтезированные в одну философскую идею и картину мира», обеспечивают «исходную нагруженность своего временения и опространствления», и именно ее «человек будет так или иначе воспроизводить, синтезировать на протяжении всего жизненного пути» [4, с. 446]. Тем не менее, связь теории хронотопа с реляционной теорией пространства-времени, где они не заданы раз и навсегда и не существуют как универсальные, общие для всех, а напротив, «пространство и время становятся частью картины» [5, с. 144], в дискурсе философии задает ряд специфических проблем, тем более очевидных в эпистемологическом отношении. Если в современной физике теория относительности предполагает работу с напряжением, возникающим на границе понятий нестабильности и необратимости [5, с. 145], то философская «хронотопология» [4, с. 446] актуализирует хайдеггеровский вопрос о смысле бытия, который

может быть разрешен в том числе и отрицательно. На наш взгляд, именно против такого отрицательного решения и направлена этическая и философско-религиозная стороны учения академика Ухтомского. Его модель реальности является не просто частным случаем применения общих закономерностей мировоззренческой диалектики в области психофизиологии, но, как и у М. Хайдеггера, становится парадигмой спасения, поскольку исходит из будущего, предвосхищая смысл бытия посредством ориентации в хронотопе благодаря осознаваемой и определяющей доминанте [2, с. 54]. А.А. Ухтомский задает вектор доминанты в реальности четырехмерном пространстве-времени как нравственную оценку и этику поступка [2, с. 54–55]. Для М. Бахтина хронотоп это семантический мир на фоне мира вообще, мир события, архетип, символическая реальность прежде всего художественного произведения [2, с. 58], тогда как Ухтомский взаимосвязанным пониманием хронотопа и доминанты, когда организм мыслится как интегральное целое, единица, сущее в пространстве и времени [3, с. 74, 81], устремленное согласно своей доминанте нервной системы, осмысливает посредством науки физиологии духовные практики подвижников Церкви и выстраивает диалектику души и тела в психоонтологию спасения [1, с. 32–34].

Основная часть. Целью данной работы является историко-философский анализ учения русского и советского физиолога академика А.А. Ухтомского о хронотопе и доминанте как философской концепции спасения. Для ее достижения решается ряд конкретных задач – постановка проблемы времени в русской философии, интерпретация учения о доминанте в трех аспектах, психофизиологическом, этическом и философско-религиозном, обоснование вывода о необходимости понимать учение А.А. Ухтомского о хронотопе как опыт осмысления духовного подвижничества и сотрудничества в деле достижения личного спасения. В рамках данной статьи, безусловно, при поддержке традиционных для историко-философского анализа методов – сравнительного и исторического – продуктивной будет признать в качестве ведущей феноменологическую и герменевтическую методологию понимания времени через обретение и историю смыслов. Новизна данного исследования заключается в том, чтобы не только представить учение А.А. Ухтомского как отражение в представлениях о хронотопе органического единства пространства и времени, целостно-космического мироощущения, столь характерного для всей русской философии [2, с. 53], но и подчеркнуть антидеструктивное значение теории хронотопа, ее сберегающую и созидательную функцию. Для самого же А.А. Ухтомского организация хронотопа доминантой богостроительства преодолевает имплицитно заложенный в нем и отмечаемый исследователями солипсизм [4, с. 448]. Предлагаемое в данной работе выделение трех аспектов понимания доминанты – психофизиологического, этического и философско-религиозного – не противоречат друг другу, но напротив, позволяют истолковать последовательно раскрывающиеся смыслы подлинного бытия субъекта в горизонте пространства-времени хронотопа спасения. Вопреки привычному для нас сегодня восприятию понятия спасения целиком в богословском контексте, концепт спасения органично функционирует и в философском поле, являясь целью и смыслом философского научения [6, с. 206], что справедливо не только для античности, хотя верно и то, что спасение как философское понятие фундирует прежде всего платоническую традицию философствования. Спасение трактуется как избавление, средство и способ избавления, сохранность, обеспечение безопасности, гарантия, благополучное возвращение, благо и счастье, чему соответствует семантика слова «спасение» в греческом языке¹. М. Фуко выделяет с опорой на фразеологию греческих текстов такие значения производных от слова «спасение» глагольных форм, как сберегать (чистоту, память), сохранять должное, оправдать, делать добро [6, с. 206–208]. В таком понимании хронотоп Ухтомского занимает свое место в ряду сотериологических программ от античной эпимелей и христианского спасения до строительства социального субъекта в марксизме.

Постановка проблемы времени в русской философской мысли предполагает не только «правильное» понимание времени как «всевременности» – ибо представления об испорченности линейного естественнонаучного времени является маркером несовершенства челове-

¹ Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь : ок. 70000 слов : в 2 т. / И. Х. Дворецкий ; под ред. чл.-кор. АН СССР проф. С. И. Соболевского. – М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – С. 159б.

чества в его нынешнем состоянии, – но и сведение начала, развития и конечной цели человеческой жизни и всей мировой истории в точку развертывания-сжатия изначального события [7, с. 91]. Его переживание и принятие – и это не только и не столько событие священной, но и личной истории – является качественным присутствием русского бытия-времени [8, с. 33, 36]. Очевидно, что такое время не подпадает под измерение и не распадается на моменты [8, с. 37]. Оно не дискурсивное, а интуитивно схватываемое, переживаемое как качественное состояние сознания единой и всеобщей гармонии [7, с. 91], которой прилежит и человеческое сознание. Священник, физик и философ П. Флоренский, говоря об условиях такого сознания, указывает на «укрощение своей рассудочной деятельности и выход в благодатное мышление восстановленного, очищенного и воссозданного человеческого естества», однако отмечает, что «на данный момент связная полнота есть лишь чаяние» [9, с. 161–162]. И если для П. Флоренского чаяние направлено только на Иисуса Христа, то естественнонаучное крыло русской философии осмысливает воссоздание человечества во всеединстве с природой и космосом в социокультурном пространственно-временном континууме. По выражению В.И. Вернадского, в «процессы, связанные с временем, мы... не только проникаем из научного изучения внешней природы – мы их переживаем» [10, с. 487–488]. В случае с религиозными мыслителями, подобными П. Флоренскому и герою данной статьи А.А. Ухтомскому, смысл времени раскрывается через развертывание события спасения и основан на содержании времени как эпистемы и на его переживании – возможности человека быть в истории спасения, быть ему сопричастным [11, с. 8]. Эта дуальность времени отсылает нас к хрестоматийному пониманию Августина, очевидно эксплицирующего связь времени, души и спасения, но также, минуя столетия и эпохи, такое понимание феномена времени сближает философию Ухтомского с неклассической эпистемологией Э. Гуссерля и М. Хайдеггера.

Психофизиологическое понимание доминанты раскрыто и описано А.А. Ухтомским в анализе лабораторных опытов над животными. Доминанта это состояние готовности нервной системы к какому-либо процессу, когда дополнительные раздражители других нервных центров вызывают усиление той, запланированной организмом реакции. Академик Ухтомский приходит к выводу, что прилагаемые стимулы доходят до возбужденного центра в порядке диффузной случайной волны, встречая в нем наиболее отзывчивый орган [3, с. 66–70]. Отсюда появляется понятие доминанты как «органа поведения», сочетания сил, первичного деятеля [3, с. 72]. Р. Авенариус, которому и принадлежит термин, предполагал, что в нервной системе образуется некая подпочва для образования новых связей, новых поводов для нервной системы разрядиться, разрешиться новым рефлексом [3, с. 73]. Однако Ухтомский был против того, чтобы напрямую отождествлять доминанту с инстинктивно-рефлекторной деятельностью. Если уж сравнивать доминанту с инстинктом, то последних должно быть много больше – требуется ввести инстинкт пространства, времени, симметрии, счисления и обязательно социальный инстинкт. Неизменность и успокоенность природы это лишь «доминанты, которыми жил Ж.-Ж. Руссо», в то время как задача человеческой культуры и воспитания как раз и состоит в создании новых инстинктов [3, с. 83].

Среди характеристик доминанты Ухтомский отметит ее векторность, направленность, поляризованность, доминантой обусловлено сужение сферы текущей деятельности и расширение сферы незамечаемой [3, с. 84]. Поэтому, заключает академик, доминанты стоят между нами и реальностью, как это особенно заметно у ученого в период размышления над какой-либо проблемой или психически больного с его патологической доминантой в основании хронотопа [3, с. 86]. Так и создается хронотоп как сущее в определенном пространстве и времени, заданном доминантой [3, с. 81]. Чем выше организованы нервные центры, тем точнее их ориентация в хронотопе, тем меньше они регулируются принципом наименьшего сопротивления, как низшие организмы, тем большее значение имеет сила доминанты [3, с. 81]. И поскольку доминанта – это явление нервно-психического порядка, а когда дело касается физиологии человека, во всяком процессе требуется гигиена, то нужна и гигиена доминанты [3, с. 89]. Здесь академик Ухтомский подходит к этическому толкованию своего открытия. Поведение это труд, человечество само должно устанавливать себе доминанты, сообразуясь

с присущей ему свободой и разумом. Ухтомский настаивает, что грядущая доминанта, залог счастья человечества – это «доминанта на лицо другого», преодоление индивидуалистического миропонимания, ибо только с того «момента, как открывается лицо другого, сам человек впервые заслуживает, чтобы о нем заговорили как о лице» [3, с. 90].

Дневники и письма академика А.А. Ухтомского, ныне изданные для широкого круга читателей, раскрывают третье, философско-богословское значение нейтрально-научных терминов, которыми он пользовался в исследовательской деятельности. Так, в письме к В.А. Платоновой он высказывает следующее: «Кругом нас, в близкой нам окружающей действительности Бога не видно... Он не есть нечто нам уже данное... Вся история – ряды человеческих попыток осуществить Бога... Итак, Бог есть то, чего пока, в ближайшей действительности, еще нет, то, во что, однако, постоянно верует человек, чего ищет, за всемирную историю свою, и что осуществляется в меру веры и разума человеческого... настолько, насколько мы верим и хотим Его осуществления» [12, с. 26]. Таким образом, доминантой человека становится желание осуществления Бога, хронотопом – история Его осуществления. Те, кто возжаждал Бога со всей силой – не аскеты, но подвижники, как в монастырях, так и в миру, – уже ничего иного не вмещают: «Да, очевидно, что вера в сошедшего с небес... и распятого ради нас... не может быть для нас делом спокойного рассуждения и “убеждения” кабинетного, но лишь делом непрерывного напряжения, бдения над собою, усилия и молитвенного подвига» [12, с. 151]. Таким образом, методика «психофизиологии спасения» заключена в напряжении, внимании – истолкование апостольского «трезвитесь, бодрствуйте» (1 Пет. 5:8) в научных исследованиях Ухтомского вырастает до создания доминанты внимания как органа для восстановления соединения с Богом [1, с. 37]. Причем Ухтомский отмечает, что усиление рефлекса – дело трудное, легче умерщвлять плоть и подавлять страсти, чем стать подлинно свободным создателем нового человека в себе [1, с. 39]. И коль скоро доминанта имеет также и этический аспект, этически направлена, то с полным правом она может называться ответственностью, а поскольку она задает пространственно-временную ориентацию хронотопа, ее можно назвать также и предвидением, исключая всякую мистику и, напротив, допуская ошибки и заблуждения – как научная теория или художественная интуиция [3, с. 88]. Сознание человека расширяется таким образом до проектирования действительности, и религиозный опыт принципиально не отличается от научного в суммировании содержания бытия [1, с. 44]. Наконец, возвращаясь к физиологии, Ухтомский не видит противоречий с «плотью» – она является средством, но не причиной греха и порока, воспитание психики служит образцом и для воспитания телесности, приобретение нравственности такой же труд как приобретение добродетели, когда внешнее обыкновение служит выражением внутреннего смысла [1, с. 43]. Ухтомский делает еще один вывод – активное созидание реальности является залогом качества этой реальности [1, с. 52], тем более если речь идет о встреченном другом как залого осмысленности жизни вообще. Он пишет в одном из посланий Е.И. Бронштейн-Щур: «Каждый момент жизни, каждая встреча с человеческим лицом есть самостоятельная, неповторимая и страшная задача, и от того, как ты решишь для себя эту задачу данного момента, зависит, во всеоружии ли сможешь ты встретить следующий затем момент с его новой задачей. В каждый отдельный момент своей жизни человек произносит суд над собою для всей последующей жизни. Все утекает, ничто не повторяемо: значит, все исключительно важно» [12, с. 244].

А.А. Ухтомский большое значение придавал размышлению, не только молитвенному, но и научному, над наследием отцов церкви, особенно в той его части, где речь шла о подвижничестве и святости. Он признается, что еще в Духовной академии задумал «биологическую теорию религиозного опыта» с пониманием биологической же целесообразности богопочитания [12, с. 364]. Пожалуй, на роль такой целесообразности могла бы претендовать природа человеческой мысли, которая «есть всегда попытка спроектировать новую действительность», «целестремительное предвкушение новой, лучшей, требующейся реальности» [12, с. 362]. «Естественно-физиологическая черта мышления о будущем» – это обращение к Доброму, получившее названия «вера», «этика», «эсхатология» – имена для одного и того же акта «мысленного проектирования и предвкушения новой, измененной реальности» [12, с. 363]. Следовательно, радикально меняется и определение истины – она «наравне с

тем, что есть, содержит утверждение и того, что должно быть. Она есть преобразование того, что есть, в то, что должно быть» [12, с. 355]. И пока «в этом самом хронотопе...уже растет то дерево, из которого будет изготовлен его гроб, уже готова та земля, в которой будут лежать его кости» [12, с. 274], человек совершает подвижничество «в непрестанном стремлении к созиданию в себе христианского идеала» [12, с. 336].

Идея «богостроительства» активно циркулировала и среди социалистов. Примером тому может послужить атеист М. Горький с его «Исповедью», в которой ему «нужно было показать, какими путями человек может придти от индивидуализма к коллективистическому пониманию мира... Герой “Исповеди” понимает под “богостроительством” устройство народного бытия в духе коллективистическом, в духе единения всех по пути к единой цели – освобождению человека от рабства внутреннего и внешнего» [13, с. 504]. Но вдребезги раскритикованный В. Лениным за «боженьку» [13, с. 506] каприйский кружок Богданова-Горького, так лихо объединивший идеи марксизма с космизмом, во времена Серебряного века был не более экзотичным, чем верующий ученый-физиолог академик А.А. Ухтомский. Его учение о доминанте, прочитанное и понятое в среде марксистов как теория активного сознания и послушного ему тела, как идея «детерминации другого порядка», подходило для прогрессивного строителя коммунизма так же, как и для христианского подвижника [1, с. 52], ибо спасение в создании «новой твари» и «нового мира». Истина едина и для религии, и для науки и просто для здравого смысла. Ухтомский в унисон с М. Хайдеггером ставит перед собой феноменологическую задачу относительно возможности и религиозного опыта тоже: «Я хотел лишь выяснить...что это именно единственный путь для науки – в решении вопросов, поставленных в истории и в личном опыте каждого из нас» [12, с. 327–328]. И осознавая в итоге космическое и социальное единение, подвластное науке и практике, и человеческую безысходность страдания и смерти, испокон веков избываемую в религии, академик А.А. Ухтомский пишет в одном из своих дневников: «На фоне бесконечного Ничто во мне борются великие традиции, данные мне прошлую жизнью человечества. И их я должен примирить» [12, с. 332].

Заключение. Объединяя физиологические исследования с религиозными убеждениями, А.А. Ухтомский открывает, что идеализм, «построение... проекта (“новой земли и нового небесе”) по поводу всякого нового опыта и переживания жизни, – это постоянный физиологический факт. Ибо предвосхищение реальности на расстоянии, предварительное построение вероятной реальности есть типичный факт мозговой жизни, ширящейся и растущей в своем движении навстречу реальности» [12, с. 399]. И сегодня «безумная мудрость...фиксировать утопическое в самом сердце реального» [14, с. 293] – это значит признавать каждый раз в новых исторических условиях необходимость антидеструктивной стратегии мышления и социального действия в надежде на сохранение человечества. Наука прошлого закончилась отчуждением, отрицанием всего, что придает смысл жизни человека [5, с. 161], наука постсекулярного будущего претендует на терапевтические функции философии и религии – «чтобы вообще иметь хоть какую-то ценность физику необходимо удовлетворить испытываемую им потребность избежать трагедии обыденной человеческой жизни» [5, с. 162]. Теория хронотопа – одна из глобальных гуманистических стратегий такого рода, которая становится еще более ценной в реалиях принципиальной неопределенности, открытой современной наукой [5, с. 159–60]. Академик Ухтомский оставляет нас перед открытым финалом нашей собственной истории, «наши знания о хронотопе всегда есть пробный проект предстоящей конкретной реальности по предвещающим признакам...Если предвещающие признаки оценены неправильно, неправильно предугадано их предсказание – тем хуже для нас» [15, с. 71]. Но «камень преткновения» времени психологии и времени физики, хроноса и часов [15, с. 71] может сделаться «главою угла» (Мк. 12:10) для физиологии спасения, открывающей собственную реальность хронотопа, задающую по меньшей мере логическую возможность мыслить такую организацию пространства и времени, когда смерть и воскресение совпадут в моменте преображения человеческой личности [16, с. 107], и такую доминанту, которая, обнаруживаясь в лице другого и Другого, способна становиться вектором преодоления духовной расщепленности и распада собственной природы.

Литература

1. Филиппова, Э. Молитва как парадигма : Алексей Ухтомский, доминанта и психофизиология спасения / Э. Филиппова, Д. Тодес // Историко-биологические исследования. – 2023. – Т. 15. – № 1. – С. 7–60.
2. Политов, А. В. Онтологический смысл понятия хронотопа в философских идеях А. Ухтомского и М. Бахтина / А. В. Политов // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2014. – Т. 14, вып. 4. – С. 50–62.
3. Ухтомский, А. А. Доминанта как фактор поведения / А. А. Ухтомский // Избранные труды. – Л. : Наука, 1978. – С. 63–89.
4. Политов, А. В. Теоретико-мировоззренческие основания хронотопологической концепции в контексте переосмысления современного состояния философии и ее классических категориальных схем / А. В. Политов // Вестник Пермского университета. – 2022. – Вып. 3. – С. 441–451.
5. Пригожин, И. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы / И. Пригожин ; пер. с англ. Ю. А. Данилова. – Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. – 208 с.
6. Фуко, М. Герменевтика субъекта : Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / М. Фуко ; пер. с фр. А. Г. Погоняйло. – СПб. : Наука, 2007. – 677 с.
7. Семенюк, А. П. Темпоральность миропонимания русской религиозной философии XIX – начала XX вв. / А. П. Семенюк // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 323. – С. 89–93.
8. Комаров, С. В. Время русского бытия (ч. I) / С. В. Комаров // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. – 2015. – № 4. – С. 30–39.
9. Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины / П. А. Флоренский. – М. : Изд-во «Правда», 1990. – 490 с.
10. Вернадский, В. И. Проблема времени в современной науке / В. И. Вернадский // Биосфера и ноосфера ; предисл. Р. К. Баландина. – М. : Айрис-Пресс, 2004. – С. 483–519.
11. Пилипенко, Е. А. Историческое время: нетривиальная онтология / Е. А. Пилипенко // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2016. – № 3. – С. 5–9.
12. Ухтомский, А. А. Интуиция совести : Письма. Записные книжки. Заметки на полях / А. А. Ухтомский. – СПб. : Петерб. писатель, 1996. – 528 с.
13. Горький, М. Повести 1907–1909 / М. Горький // Собрание сочинений в 30 т. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1950. – Т. 8. – 512 с.
14. Лабика, Ж. Марксизм между наукой и утопией / Ж. Лабика ; пер с фр. Н. В. Сулова, науч. ред. К. Н. Любутина // Антиномии. – 2004. – № 5. – С. 268–293.
15. Ухтомский, А. А. Доминанта / А. А. Ухтомский. – СПб. : Питер, 2002. – 448 с.
16. Савченко, В. Н. Категория времени в идеях всеединства русского космизма / В. Н. Савченко, И. И. Золотухина // Вестник ТГЭУ. – 2011. – № 4. – С. 93–108.

Диалектика в истории философии и некоторые современные пути ее приложения

В.Н. КАЛМЫКОВ

В статье прослежен генезис взглядов на диалектику в истории философии и обозначены препятствия на пути ее утверждения. Проведена идея, что диалектика развертывалась на всех этапах философствования с периодами усиления и ослабления и продолжает усложняться. Показано, что позиции диалектики усилились в связи с появлением синергетики.

Ключевые слова: диалектика, круговорот, покой, антиномии, объективная диалектика, субъективная диалектика, синергетика, глобализация, культурное разнообразие.

The article traces the genesis of views on dialectics in the history of philosophy and identifies the obstacles to its acceptance. It suggests that dialectics has evolved throughout the history of philosophy, with periods of strength and weakness, and continues to complexify. The article demonstrates that the position of dialectics has strengthened with the emergence of synergetics.

Keywords: dialectics, cycle, rest, antinomies, objective dialectics, subjective dialectics, synergetics, globalization, cultural diversity.

Диалектика – учение о наиболее общих закономерных связях и становлении, развитии бытия и познания, а также основанный на этом учении метод мышления и действия.

Долгое время считалось, что мир неизменен: звезды всегда неподвижны, постоянны материки, океаны, горы, реки, климат, растения и животные, люди. Представления об изменчивости Универсума открыли путь к утверждению диалектики.

Выдающимся диалектиком являлся античный философ Гераклит. Он утверждал, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Природа представляет непрерывный поток изменений, мир есть процесс. Философское открытие Гераклита заключается в обобщении – изменяется не просто кое-что, а все существующее. Гармония (единство) и противостояние расходящихся начал пронизывают космос в целом и каждое явление в отдельности. Гераклит подошел к идее о переходе явлений в свою противоположность (холодное теплеет, теплое холодеет, влажное высыхает, сухое увлажняется), о тождественности всего сущего (одно и то же в нас бодрствующее и спящее, молодое и старое).

Примерно в это же время к идее диалектики подошел древнекитайский философ Лао-Цзы (V в. до н. э.). Он полагал, что Дао – первопричинное основание Вселенной, в том числе и человека, порождающее из себя все многообразие видимого мира. Все вещи рождаются и изменяются благодаря собственному пути, и в этом процессе они переходят в иное состояние.

Существует мнение, что термин «диалектика» впервые применил Сократ. Он назвал свой метод обнаружения истины в диалоге путем столкновения и согласования различных, часто противоположных суждений, диалектикой. Философствование Сократа развертывалось на фоне распространения школ софистов, профессиональных учителей мудрости, обучавших учеников не только грамматике и арифметике, но и риторике – науке о красноречии, умении проговаривать мысли, ораторском искусстве, необходимых свободным гражданам древнегреческого полиса в торговых делах, политической жизни, судебных тяжбах и т. п. Деятельность Сократа способствовала дальнейшему развитию риторики. Риторика как умение убеждать собеседника, а в наше время публику с помощью речи, актерского мастерства является весьма востребованной в современной жизни. Влиять на умы, настроения граждан и побуждать их действовать в определенных разнообразных направлениях – такова функция современной риторики.

Аристотель трактовал диалектику не только как метод умозрительного познания, но и как метод изучения единичных вещей и предметов. Он ввел термин «противоположности» (Гераклит для этого использовал слова «расходящееся», «враждующее», «стремящееся в раз-

ные стороны). Аристотель первым создал систему логики, главную задачу которой видел в установлении правил получения достоверных выводов из определенных посылок. Школа стоиков различала в логике риторику (науку хорошо говорить при помощи связанных суждений) и диалектику (науку правильно спорить при помощи рассуждений). Древнекитайский софист Хуэй Ши высказал ряд диалектических суждений: «Все вещи тождественны и различны», «Самое большое не имеет внешней границы, а самое маленькое не имеет предела внутри себя» и др. Древнеиндийские философы утверждали, что мир есть взаимодействие двух вечных сущностей – души и недуги, живого и неживого, поднимали проблемы первопричины, бесконечной цепи перерождений, круговорота жизни и смерти и т. п.

Диалектика как искусство спора развивалась в Средние века. П. Абеляр учил, что цель знания – истина, а диалектика есть искусство для различения истины и лжи. Философы-схоласты искали основания единства одной и той же вещи, ее сходства с самой собой, решали проблему преемственности в развитии.

Осмысление мира как изменяющегося сталкивалось с трудностями. Хотя изменчивость признавалась, но утверждалось представление о периодичности процессов природы с возвратом к исходному пункту, так, циклически сменяются и повторяются времена суток и года. Д. Вико сформулировал теорию исторического круговорота общества: каждый народ проходит в своем развитии три эпохи – божественную, героическую и человеческую, возвращаясь после зрелости к упадку, к первоначальному состоянию. Вторая трудность в утверждении диалектики заключалась в абсолютизации покоя, прерывности объектов бытия, например, в апориях Зенона. Открытия в естествознании и плодотворные философские позиции ряда философов разрушили образ неизменности природы и социума, идеи круговорота и абсолютизации покоя, прерывности объектов бытия. В частности, Р. Декарт выдвинул гипотезу об образовании звезд, Солнца и Земли в результате вихреобразных движений частиц материи, пребывающей первоначально в хаотическом состоянии. Лейбниц выдвинул мысль о совершенствовании строения растительных и животных организмов. Долло открыл закон: в ходе эволюции видов организмы никогда не возвращаются точно к прежнему состоянию. Диалектичны суждения Б. Спинозы о единстве мира, о возникновении и развитии вещей из первичной субстанции. Г.В. Лейбниц размышлял о всеобщих различиях и о тождественности вещей, переходе возможного в действительное, совпадении минимума и максимума (вслед за Н. Кузанским и Д. Бруно). Ф. Вольтер, Ж.-Ж. Руссо, Ж.А. Кондорсе писали об историческом развитии. Прогресс в общественной жизни они объясняли лишь динамикой разума и нравственности.

И. Кант в своей гипотезе о происхождении планетной системы из первоначальной туманности поставил научно вопрос об истории природы, о времени существования вещей. Рассуждая о диалектике разума, Кант внес вклад в развитие субъективной диалектики мышления. Он сформулировал антиномии (противоположения, которые могут быть аргументированы с одинаковой степенью логической доказательности): 1) мир имеет начало во времени и пространстве; мир безграничен; 2) все в мире состоит из простого; все сложно; 3) в мире существует свобода; свободы нет, все совершается по законам природы; 4) Бог есть необходимость, первопричина мира; Бога в мире нет. Итак, у Канта наличествует состязание двух противоборствующих сторон. В дальнейшем Гегель утверждал, что антиномии, т. е. противоречия, существуют во всех предметах всякого рода, во всех представлениях и идеях. Обратимся к художественной литературе. Опираясь на герменевтику, искусство понимания, истолкования «другого», можно обнаружить в поэзии С. Есенина антиномии. Русь у него и смиренная, и буйная. Искренне, чувствами русский поэт любит Русь патриархальную, «деревянную», а рассудком он принимает и новую Русь, «стальную» [1, с. 140, 341], [2, с. 194].

Многие современные исследователи рассматривают антиномии в разрезе историкокультурной проблематики и усложняющейся рациональности. Принципиальная универсальная антиномичность философии вытекает, на наш взгляд, из дуализма бытия и его фрагментов: все изменчиво и вместе с тем относительно стабильно, а движение как способ бытия материи непрерывно-прерывно. В борьбе противоположностей выражен стимул к изменениям, а в их единстве заключена основа относительной стабильности системы [3, с. 164].

Целостную концепцию развития с позиций объективного идеализма разработал Г. Гегель, приведший в систему понятийный аппарат диалектики. Понятия у него гибкие, выражают подвижные связи, переходы, развитие мира. Гегель развил концепцию форм диалектики: резонирующей (мышление субъекта, который обнаруживает противоречия в предмете), негативной (диалектика стремится сделать шатким все, что считается прочно установленным) и позитивной (диалектика созидания). Источник развития заключен в саморазвитии понятия, а значит, имеет логическую, духовную природу. На идеалистической основе Гегель доказывал относительное единство диалектики, логики и теории познания. Вышесказанное, по нашему мнению, позволяет утверждать, что наряду с материалистической диалектикой существует идеалистическая диалектика и поэтому можно рассуждать не только о диалектическом материализме, но и о диалектическом идеализме. В Послесловии ко второму изданию «Капитала» Маркс писал, что у Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть рациональное зерно под мистической оболочкой. С. Кьеркегор усмотрел в гегелевской диалектике стремление примирить противоположности в высшем синтезе. Свою же экзистенциальную диалектику Кьеркегор трактовал как «логику» перманентного свободного выбора между противоположностями, чреватую трагическим столкновением жизненных альтернатив.

В «Капитале» К. Маркса диалектика выступает в двух формах – объективной и субъективной, т. е. в виде диалектики развития самого объекта, а также отраженных ее аналогов в сознании познающего субъекта, как логика и гносеология «Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение». Тогда «жизнь материала» получает «свое идеальное отражение... Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [4, с. 21].

Ф. Энгельс проследил исторические пути развития диалектики. В книге «Анти-Дюринг» он объяснил, как проявляются законы и категории диалектики в природе, обществе, духовном творчестве, показал, какое значение имеют они для научного миропонимания. В «Диалектике природы» была проведена комплексная диалектикофилософская обработка открытий естествознания. Энгельс отмечал, что законы диалектики – методологический принцип, способствующий организации умственной работы исследователя.

В целом К. Маркс и Ф. Энгельс синтезировали диалектику и материализм, подвели под диалектику культурно-исторический и конкретно-научный фундамент.

Материалистическая диалектика, разъяснял В.И. Ленин, составляет ядро научного философского мировоззрения, метод изучения различных явлений, раскрытия закономерностей, тенденций развития и преобразования действительности, развил диалектику применительно к политике как искусство возможного.

В современной неклассической философии просматривается устремленность к осмыслению культуры и социотехносферы развивающегося мира. При рассмотрении диалектики используются идеи диалога и вместе с тем столкновения жизненных альтернатив, взаимопонимания, сотрудничества, коммуникативного действия, насилия и ненасилия, единства человечества и одновременно многообразия общественной жизни и т. п. В учебной литературе нередко называют исторические типы (модели) диалектики: наивная стихийная диалектика древних греческих мыслителей; идеалистическая диалектика немецкой классической философии; материалистическая диалектика марксистской философии [5, с. 23]. Названные вехи – важнейшие в функционировании диалектики. Однако предыдущий обзор истории диалектики продемонстрировал, что она развивалась не только в западной (Древняя Греция), но и в восточной культуре (Древний Китай, Древняя Индия) на всех этапах философствования и продолжает усложняться.

Помимо оптимистического подхода наметились скепсис и нигилизм по отношению к диалектике (К. Поппер, Ю. Бохеньский, М. Фуко и др.). Одним из оснований для этого является то, что в условиях господства капитала работник часто растворяется в фирме и логикой своего бытия нацелен на конформизм, а не критически-диалектические подходы. Контрактная система, с одной стороны, подталкивает человека к непрерывному совершенствованию, а

с другой, ставит его в зависимость от работодателя и также ориентирует на соглашательство. Чрезмерная подверженность внешнему внушению у многих людей также создает барьеры на пути развития диалектического стиля мышления и действия.

Позиции диалектики усилились в связи с развитием синергетики (Г. Хакен, И.Р. Пригожин, К. Майнцер и др.), возникшей во второй половине XX в. Синергетика вобрала в себя основные наработки не только диалектики, но и текстологии, общей теории систем, кибернетики и т. п. Синергетика не заменяет диалектику, а обогащает ее. Синергетика – проявление взаимодействия в процессе синхронного функционирования элементов, входящих в состав системы, что обеспечивает больший эффект, чем это следовало бы из суммирования действий каждого элемента в отдельности. Обратимся к некоторым нюансам сложного взаимодействия диалектики и синергетики [6].

Постмодернисты (Ж. Делёз, Ф. Гваттари и др.) предложили концепцию ризоматического бытия как альтернативы иерархическим структурам. Ризома – нечто вроде запутанной хаотической корневой системы, состоящей из множества отростков, отмирающих и заново отрастающих. Диалектический закон единства и борьбы противоположностей фиксирует раздвоение единого на ключевые противоположности и взаимодействие (борьбу) между ними. В синергетике термин «бифуркация» означает развилку, разветвление в поведении сложных систем нелинейного типа. Итак, согласно синергетике, проявляется ветвистое, многовекторное, со множеством альтернатив, развитие. В реальности имеют место, корректны оба обозначенных сценария функционирования бытия раздвоения и разветвления. Так, в современном мире осуществляется глобализация – закономерный процесс системной организации отдельных элементов (экономических, социальных, политических, информационных и т. д.), испытывающих влияние целостности всей системы (стандартизация законодательства, экономических и технологических процессов, сближение культур и т. п.). Научно-технический прогресс, средства связи и транспорта, сетевизация, информатизация, цифровизация, огромная подвижность населения и т. п. включены в общий ритм мировой культуры. Однако глобализация, ведущая к определенной унификации, целостности общественной жизни, не устраняет культурное разнообразие. Древнекитайский философ Конфуций в «Уроках мудрости» отмечал, что по своей природе люди друг другу близки, а по своим привычкам друг от друга далеки. Н.Я. Данилевский в 1870-е годы выдвинул идею множественности (иначе говоря, ветвистости – В. К.) цивилизационных форм. Эта идея явилась предвестником концепции локальных цивилизаций, разработанной в XX столетии О. Шпенглером и А. Тойнби. Мультикультуризм легитимизирует формы культурной инаковости.

Итак, наряду с тенденцией глобализации проявляется линия регионализации (многополярности) мира, развития национальных (локальных) культур и цивилизаций, государственно-национальных интересов. Сейчас мировая экономика как важнейшая составляющая глобализации распадается на отдельные крупные блоки. Например, ШОС, ЕАЭС и другие объединения выстраивают свою экономическую политику. Каждое сообщество людей имеет собственные традиции и культуру, однако важно, что это наследие, чтобы не оказаться в изоляции, сопоставлялось с тем, что происходит извне.

Когда в результате насыщения информацией структура того или иного объекта, имеющего начало и конец, в основном определяется, расходящаяся по вертикали спираль (по Гегелю, Энгельсу и Ленину) в синергетике принимает как бы форму сходящейся. При этом уменьшается степень неопределенности, случайностей и возрастает уровень организации объекта, порядка и на передний план выходит необходимость событий.

Синергетика акцентирует внимание не столько на силовую политику, сколько на поиск способов коэволюции сложных социальных и геополитических систем. Социальная философия, опираясь на собственный потенциал и синергетику, отказывается от жесткого детерминизма, постулирует открытость социальной теории для постановки новых проблем, видит в хаосе не только разрушительное, но и созидательное начало, сочетает идею эволюции-революции с идеей многовариантности исторического процесса. Трудности приложения синергетики к социальной жизни заключаются в том, что с переходом на более высокие уровни

организации возрастает количество факторов, которые участвуют в детерминации изучаемого социального явления, при этом недостаточно учитываются роль сознательного фактора духовной и идеологической сферы, возможности отдельного человека в сложной динамике социума.

В целом диалектика как инструмент познания выполняет регулятивную функцию, проблематизирует жизненные ситуации, т. е. ориентируется на практику, предупреждает человечество о грядущих трудностях будущего, но не дает готовые ответы. В своем основании диалектика, обогащенная синергетикой, едина, а в формах и способах применения разнообразна и многомерна, в конкретных приложениях и воплощениях изменчива, совершенствуется.

Литература

1. Есенин, С. Собрание сочинений : в 3 т. / С. Есенин. – М., 1970. – Т. 1. – 383 с.
2. Калмыков, В. Н. С.А. Есенин в зеркале философской герменевтики / В. Н. Калмыков // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2022. – № 1 (130). – С. 191–195.
3. Калмыков, В. Н. Антиномический характер философии / В. Н. Калмыков // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2013. – № 4 (79). – С. 162–167.
4. Маркс, К. Капитал : в 2 т. / К. Маркс. – М., 1978. – Т. 1. – С. 5–784.
5. Современная философия : словарь и хрестоматия / Отв. ред. В. П. Кохановский. – Ростов-на-Дону, 1995 – 511 с.
6. Калмыков, В. Мера разумного вмешательства. Диалектика и синергетика / В. Калмыков // Беларуская думка. – 2010. – № 1. – С. 98–102.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 20.10.2025

Сознание и Другой: к проблеме смыслополагания в интенциональной и неинтенциональной феноменологии

Д.В. МАЛАХОВ

В статье анализируются положения интенциональной и неинтенциональной феноменологии в отношении проблемы смыслополагания, статуса Другого, источников и оснований корреляции сознания и феноменальной сферы, сознания и бытия, сознания и жизни. Рассмотрение форм противостояния концептуальных связей «сознание и бытие», «сознание и мир», «сознание и страдательная жизнь» со связками «сознание и фантом», «сознание и аффект» является приоритетным направлением хода мыслей при идентификации Другого как важнейшего ценностного критерия удостоверения самобытия сознания. Проводимый анализ призван отстоять положение об интенциональной феноменологии как обладающей большей познавательной эвристикой и обеспечивающей большую интенсивность смыслополагающей экзистенции, нежели неинтенциональная феноменология.

Ключевые слова: сознание, феноменология, герменевтика, интенциональность, редукция, фантазия, другой, самоаттестация, страдание, жизнь, Другой, Логос.

The article analyzes the tenets of intentional and non-intentional phenomenology in relation to the problem of meaning-making, the status of the Another, the sources and foundations of the correlation between consciousness and the phenomenal sphere, co-consciousness and being, consciousness and life. Consideration of the forms of opposition between the conceptual links «consciousness and being», «consciousness and world», «consciousness and suffering life» with the links «consciousness and phantom», «consciousness and affect» is a priority direction of thought in identifying the Another as the most important value criterion for certifying the self-existence of consciousness. The conducted analysis is intended to defend the position of intentional phenomenology as possessing greater cognitive heuristics and ensuring greater intensity of meaning-making existence, not non-intentional phenomenology.

Keywords: consciousness, phenomenology, hermeneutics, intentionality, reduction, fantasy, other, self-attestation, suffering, life, Another, Logos.

Введение: об интенциональных и неинтенциональных аспектах полагания смысла в феноменологии. Процесс генерирования смысла в классической феноменологии представляет собой действие методологического принципа, базирующегося на понятии интенциональности в двух его основных контекстах. Во-первых, в контексте жизни *интенционального сознания*, конститутивная активность которого обусловлена основными процедурами эпохе, трансцендентальной, эйдетической и примордиальной редукций, а также различием двух планов конституирования: ноэтического, схватывающего исходный предметный смысл вещи в акте/переживании восприятия вещи в качестве феномена, подлежащего последующей имманентизации сознанием; ноэматического, выводящего имманентный сознанию феномен в горизонты его идеальной предметности, или композиций смыслов, при том, что ноэматический смысл не может быть тождествен своему ноэтическому корреляту – вплоть до радикального различия. Во-вторых, в *онтологии интенциональности* как темпорально-экстатической структуры единства сущего, человека, бытия и жизни, обуславливающей феноменальность мира и сознания как таковые. Основным представителем первого направления является основатель трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерль, второе направление наиболее глубоко и всесторонне развито в феноменологической герменевтике М. Хайдеггера и П. Рикера.

Утверждение о возможности несуществования трансцендентного предмета познания в интенциональной феноменологии хорошо известно; оно предполагает усиление функции продуктивной фантазии, способствующей наращиванию познавательной эвристики на уровнях чувственного восприятия, интуитивного схватывания и эйдетического конституирования. Оно подразумевает своего рода санкцию на интенсификацию ноэтического аспекта жизни интенционального сознания, в котором коррелятивный ему ноэматический образ предмета не разрывает связи с образами реальной предметности, но утверждает их в синтетическом модусе их

же чистой модальности. Возникает вопрос об онтологически приоритетном статусе для интенционального сознания вещей или события, ноэтические и ноэматические корреляты которых в той или иной мере схватываются и конституируются сознанием на ноэматическом уровне. Интенциональная феноменология дает на этот вопрос различные ответы: от отрицательного в отношении дескриптивной и трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля до положительного в духе феноменологической герменевтики М. Хайдеггера.

Рассматриваемые далее мыслители П. Рикер, Э. Левинас, М. Ришир, Ж.-Л. Нанси и М. Анри являются знаковыми фигурами континентальной феноменологии, несмотря на то, что относятся к различным поколениям феноменологов, идентифицировать которые только на основании способов репрезентации ими понятия интенциональности вряд ли возможно. Скорее, формы переосмысления доктрин интенциональности сознания и онтологии интенциональности базируются на ином видении историчности человека и события, за которым признается ранг трагического существования Другого и, как следствие, ответственности нынешнего мышления и экзистенции за онтологию и онто-теологию сущностной связи «Я и Другой». Дорефлексивный, то есть неинтенциональный (Другой как в первую очередь факт, событие, этическое требование признания, но не смысл) уровень мышления становится в данном направлении феноменологии приоритетным, затрагивая не только сферу intersubjectivity и способов intersubjectivity конституирования образа Другого, но и сферу самих феноменов, радикально отличая ее качество от классического интенционального.

Сознание и фантом в феноменологии Марка Ришира. Сначала обратимся к М. Риширу. Его проект неинтенциональной феноменологии не обычен, можно даже сказать, что он завораживающе красив. К тому же он хорошо защищен от критики со стороны интенциональной феноменологии утверждением о намерении обогатить гуссерлевское учение об *эпохе* и трансцендентальной редукции привнесением мощного созерцательного компонента. Существование этого компонента обуславливается требованием воздержания от смыслополагающей активности интенционального сознания: сущностной интуиции, фантазии, схватывания, имманентизации феноменов, конституирования.

М. Риширом описывается особый тип феноменов, приводящихся фантазией субъекта к формам явленности собственного бытийного *несуществования*. Процедура, в результате которой феноменальность приобретает указанную черту, именуется «мерцающим», «гиперболическим» *эпохе*. Это *эпохе*, «приостанавливая все само собой разумеющееся, изначально при помощи некоей уловки рассматривает все данное в явлении как некий более или менее согласованный сон, близкий скорее “режиму” “дикой” (в смысле “безудержной”) фантазии, чем образному сознанию, в основе которого уже лежит определенный тип учреждения (Stiftung)» [1, с. 216]. Посредством подобного «воздержания» осуществляется переход не к феноменологической, а к «архитектонической» редукции, выступающей следующим шагом на пути к сопряжению сознания и феноменов, которые теряют онтологически определенную интенциональную (различность в единстве) значимость друг для друга: «Судя по всему, посредством этого приема, хотя и отличного от гуссерлевского уничтожения мира, но тем не менее близкого к нему, мы оказываемся в неустойчивости, в *тени-не-бытия*. Измышление, Fingieren означает в данном случае скорее некую уловку, чем “воображение”, и противопоставляется тем самым Fingieren Гуссерля» [1, с. 216].

Целью здесь выступает приостановка и как бы заставание врасплох самих вещей, являющихся онтологическим основанием феноменальных содержаний сознания и неустранимой по значимости в классической феноменологии естественной установки сознания. То есть, разрыв сознания с сущим миром приобретает гораздо более радикальный, нежели у Э. Гуссерля, характер. По словам М. Ришира, это означает приостановку интенциональной жизни сознания, его структур интуирования, схватывания, имманентизации и конституирования. Действительно, гуссерлевские фантазия или воображение имеют много общего с воображением научного типа, целью которого является всестороннее раскрытие предметной области посредством гипотетических предположений. Но в этом отношении она вряд ли интересует М. Ришира. Важнее, однако, то, что гуссерлевская трансцендентальная редукция

отнюдь не уничтожает самоданный в естественной установке сознания сущий мир и его значимость, но воссоздает его в чистой эгологической сфере имманентных сознанию феноменов. В этой сфере сущий мир переводится в ранг трансцендентальной *собственности* субъекта познания. Познания, подчеркнем, научного типа. Внешний мир по-прежнему значим, он подразумевается трансцендентальным *Ego* как сущий, но на правах младшего партнера.

Что может подтвердить или опровергнуть сознание в феноменальном универсуме организованного им же, сознанием, *не-сущего*? Заверения М. Ришира о том, что возникающие «кажимости» не причастны никаким априорным формам бытия сознания, то есть не являются интенциональными по существу (интенциональность у Э. Гуссерля есть универсальное телеологическое *a priori* сознания), представляются любопытными в эстетическом плане, но они совершенно наивны в плане гносеологическом. Среди радикально противопоставляемых гуссерлевским фантазии и воображению «мерцающих» кажимостей не идентифицируется (по крайней мере, не должно идентифицироваться) ни одной, которую можно было бы заподозрить в том, что она каким-либо образом присуща сознанию в качестве его априорного содержания, акта, структуры. Но где примеры, описания или, по крайней мере, намек на природу и происхождение этих *не-сущих* фантомов, претендующих на созерцательную привлекательность? Не значит ли это, что человеческое сознание и априорно присущее ему интенциональное смыслополагание попросту подвешивается посреди бесконечной палитры чуждых ему кажимостей? Ведь сознание, по М. Риширу, способно разве что *выбрать* из них нечто интересное, приоритетное для себя, включив его тем самым в возобновляемую впоследствии интенциональную жизнь. Может ли здесь состояться трансцендентальное присвоение, плодотворная корреляция кажимостей с самостью, *Ego*? Или такая корреляция в принципе не требуется и даже противопоказана?

По сути дела, перед нами предстает скорее интеллектуальный эрос, нежели знание, созерцательная зачарованность и страстность ума, но не смысл, который, по мнению М. Ришира, может быть обретен сознанием в результате *намеренной* игры с *не-сущими* кажимостями. Не метафизика ли это или мистика, но на порядок более изощренные, нежели классические представления об интенциональном (реально не существующем) предмете познания, или религиозные созерцания, никоим образом не ставящие под сомнение сверхсущую реальность своего предмета? На чем основана уверенность М. Ришира, что, будучи устраненной специфическими процедурами, интенциональная жизнь возобновится в созерцавшем мерцании кажимостей сознании не в виде бессильной пародии на корреляцию ноэзиса и ноэмы, интуирование и схватывание, имманентизацию и конституирование, а полноценно? Это также вопрос о том, в какой мере процедуры гиперболического *эпохе* и архитектурной редукции обладают действительной, а не только манифестируемой возможностью возвратного хода? Ведь они, в отличие от классической интенциональной феноменологии, осуществляют радикальную деонтологизацию сущего как такового и негацию априорной интенциональной активности сознания, устанавливающего себе телеологические маркеры и приоритеты.

Полагаем, что неинтенциональная схема включения созерцания кажимостей в процесс мышления может быть справедливой разве что в качестве экспликации момента мышления, переживающего собственную доксихескую ограниченность, но вряд ли может рассматриваться в качестве примера научно-философского мышления, цель которого состоит в приобретении достоверного знания. Можно сказать, что вещи в качестве феноменов выводятся не *в свет* достоверности переживающего и конститутивного сознания временности, как в классической феноменологии, а низводятся до уровня вневременной, или же всевременной, *тени* мышления. Не призываемся ли мы к тому, чтобы, заменив предметный интенциональный акт схватывания и переживания на сон о *не-сущем* образе сущего, *как бы* возводящем феноменальную сферу к своей непостижимой для разума *прото-данности*, раз и навсегда отказаться от достоверных предметных корреляций? А, может быть, они попросту не нужны нынешнему поколению феноменологов, для которых смысл представляется в виде бесконечно затягивающегося процесса, «обещания на рассвете», но не нужды разума, не желанной и достижимой для него целью?

Этические измерения неинтенционального признания Другого. Если сущие измерения вещей и событий действительно оказываются нежелательными, сколь и их рационально устанавливаемый смысл, то в силу вступает иное, неинтенциональное измерение сознания, требую-

щее философского оправдания страстности, наваждения, эротичности. Тогда возникают идеи Э. Левинаса о том, что наваждение ума суть «не патологическое изменение, не отчаяние сознания, но сама близость существ» [2, с. 341]. Оказывается, что в этой близости «факт, что ближний приходит не в связи с предметом рассуждений, а в некотором смысле опережает познание и ангажированность», выступает как «прямолинейность более напряженной, чем интенциональность, связи» [2, с. 341]. Да, дорефлексивный уровень принятия Другого существенно важен в аспекте наличия у человека совести, однако вряд ли можно согласиться с тем, что подобное «наваждение – это ответственность без выбора, коммуникация без фраз или слов» [2, с. 341].

Нетрудно заметить, что философское рассуждение здесь трактуется явно не в ретроспективе гуссерлевского учения об эйдетике и определяющего значения для сознания его интенциональной жизни. Сущностной, схватывающей интуиции и рассуждению предпочитается трудноуловимое интеллектуальное *состояние* сопричастности Другому, ближнему как всматривания в его «клик – ... место, где богоявление становится близостью» [2, с. 342]. Быть может, за этим стоит навязчивость мысли о *послевоенном* Боге, которую европейская философия не в силах признать и сформулировать явно? И это положение дел, как известно, включено в ментальную карту западной философии «смерти Бога», которому отказано в воскресении, как и тем людям, которые были уничтожены в период Второй мировой войны? И почему «бесконечное не может конкретизироваться в слове» [2, с. 342]? Почему, наконец, Э. Левинас настаивает на бессилии интенционального сознания удовлетворить личностный поиск присутствия Другого, сопровождающийся отказом раз и навсегда ясно идентифицировать конкретные исторические *лики* и ближнего, и катастрофического события: «Не интенциональное движение, стремящееся к наполнению и в этом смысле всегда *меньшее*, чем полнота этого наполнения. ... Оно исходит из *отсутствия, где приближается Бесконечное; Вне-Места; следа собственного ухода; моей ответственности и любви – наваждения по ту сторону сознания*».

Ответы на заданные вопросы могут быть даны посредством обращения к работе Ж.-Л. Нанси «О со-бытии», в которой признанный французский феноменолог манифестирует установку о «со-вместности» мышления. В его событийном «топосе» сам предмет не мыслится в плане классической феноменологии, нацеленной на конституирование идеального предметного смысла. Речь идет о том, чтобы обеспечить со-вместное и, фактически, *беспредметное* обращение к нему сообщества мыслящих людей как к условию того, что непосредственно не удостоверяемый в своей истинности смысл события выступает своего рода гарантией «внутренне-внешних» отношений *соприсутствия* отдельного мышления, сообщества и события [3, с. 101].

Бытие, созидающее структуру «Я-сам как Другой» у П. Рикера. Принципиально иную установку мы видим у П. Рикера, ключевым моментом феноменологии личности которого предстает выявление и описание диалектической структуры отношений между Я и Другим, основными понятиями для которой выступают «аттестация» и «самоаттестация». Аттестация представляет собой особый тип достоверности, противопоставляемый достоверности мышления новоевропейского типа как «последнего и самообосновывающего знания» [4, с. 38]. Достоверность знания о себе, приобретаемая посредством аттестации, рассматривается в качестве акта свидетельства и веры в свидетельство Другого «в той мере, в какой мы верим в слово свидетельства» [4, с. 38], и представляет собой наивысшую рефлексивную инстанцию возвращения личности к знанию себя как способной к действию, а также в отношении способности адекватно признать «Другого, нежели Я-сам». Способность личности к действию, в котором она утверждает себя в качестве познанного Другого, подразумевает уже самоаттестацию.

Нужда в самоаттестации, таким образом, имеет место только в том случае, если человек, осознав факт коллапса интенциональной жизни своего сознания, начинает рефлексивно связывать истинное познание с истинностью своего собственного существования, а этическое требование – с онтологическим усилием растождествления смыслов, которые присваиваются им автоматически, от смыслов, понимание которых требует забвения себестождественной самости. Поэтому самоаттестация радикально отличается от саморепрезентации. В самоаттестации личность не просто высказывается в отношении вещи, явления, события, Другого, но вбирает их в себя в качестве иного по отношению к себе самой содержания, смысла: «Репрезентировать, представить себе нечто означает усвоить его, включить его в себя, а, стало быть, отвергнуть его *сущностную* инаковость. Аналогический перенос, который

является основным вкладом Пятого картезианского размышления, не ускользает от этого господства репрезентации. Стало быть, другой свидетельствует о себе не в гносеологическом модусе мысли. Этот модус основополагающим образом является модусом *этики*. Когда лицо другого предстает передо мной – и выше меня – то это не явление, которое я могу отнести к разряду своих – и только своих – репрезентаций; ... это лицо не зрелище, это голос. Этот голос говорит мне: «Не убий!». Каждое лицо есть своего рода Синай, запрещающий убийство. А я? Именно во мне движение, начавшееся от другого, завершает путь: другой конституирует меня как ответственного, т. е. способного отвечать. Таким образом, речь другого располагается у истоков речи, посредством которой я назначаю для себя исток собственных действий. Самовменение ... теперь вписывается в асимметрическую диалогическую структуру, истоки которой являются внешними по отношению ко мне» [4, с. 391].

Источником сил для совершения акта самоаттестации у П. Рикера выступает не наличные мышление и формы экзистенции, но их энергийно-интенциональная направленность на само бытие, в свою очередь действующее в отношении мышления и экзистенции, то есть не индифферентное по отношению к человеку. Это, как станет ясным далее, коррелирует с хайдеггеровским пониманием самого Бытия и события его истины, в которую оказывается существенно вовлечено человеческое здесь-бытие – *Dasein*. В таком случае интенциональному переживанию Другого в собственной личности и интенциональному акту конституирования его смысла сообщается онтологическая способность осуществлять действие самоаттестации, что, по нашему мнению, и представляется в качестве реализации онтологической нужды исцеления собственного. Примечательно, что, по мнению Н.З. Бросовой, интенциональность, раскрывающаяся как стремление и внутренний импульс, направленные на поиск своих собственных оснований мыслящего и понимающего пребывания в мире, подразумевает *энергичную* связь между мышлением и существованием человека [5, с. 62].

Страдательная «Перво-жизнь» М. Анри и парадигма признания Другого. Совершенно особая энергийная связь сознания, страдательной жизни, смысла и Другого устанавливается в неинтенциональной феноменологии жизни М. Анри. В соответствии с исходной установкой мысли М. Анри, универсальное онтологическое основание интенциональной структуры явленности феноменов выступает ущербным вследствие своей индифферентности к способу существования сущего в целом. Само же существование оценивается французским феноменологом как трагическое и страдательное, поэтому он и задается целью выявить и описать основание, позволяющих *самой жизни* преодолеть ущербное бытие феноменальной сферы и поэтому его проект феноменологии получает именование «феноменологии жизни». М. Анри подчеркивает, что в классическом понимании интенциональности как априорного идеально-предметного основания сознания феноменальность мира производится самим сознанием, заключаясь в границах корреляции интенциональных акта и предмета [6, с. 173]. М. Анри описывает чрезвычайно сложную и трагичную онтологию ума, неантизирующего, отторгающего все, что он считает подобным себе, а причиной этого выступает его онтологическая неспособность к самобытию [6, с. 173].

Складывается ситуация, в которой «ухищрения» феноменологии как философии интенционального сознания и онтологии интенциональности оказывается бессильными *a priori*, поскольку пораженной оказывается сфера сущего, с которой сознание так или иначе работает: «Феноменология, апеллирующая исключительно явленностью, исключает из себя как из науки о сущем и человеке целые пласты ценностного и сверхценностного содержания. Экстатической феноменальностью затемняется не только тайный источник и изначальная сущность феноменологии; сама конкретная человеческая жизнь оказывается устранена из поля философской мысли, которую выводы феноменологии отныне отдают во власть экстериорности и, в конечном счете, разрушающему объективизму» [6, с. 173]. Каков выход видит М. Анри для исхода из столь мрачной картины деформации феноменального мира? Его ответ прост: *человечность* человека в отношении сущего, другого человека, Бога. Человеческие чувства и человечность предстают у М. Анри в виде своеобразного «моста», по которому феноменология совершает переход от феноменов сущего в его бытии и в сознании к их подлинной, безущербной, самодостаточной жизни.

Началом истинной жизни у М. Анри выступает личностная *абсолютная* жизнь, переживающая собственную инаковость и в то же время собственную конечность в жизненном мире людей. Это, собственно, человеческая форма жизни Абсолюта или *богочеловеческая* жизнь Бога, в живом наполнении которой (но не в собственном ипостасном существе божественного бытия) возникает «странная аналогия между внутренним процессом абсолютной Жизни, переживающей саму себя в Я Первоживого, и нашей собственной жизнью, являющей саму себя в том единичном Я, каковым изначально является каждый из нас» [6, с. 178]. Абсолютную жизнь, выступающую метаоснованием любого различия (по интенциональному образу) смыслов, М. Анри непосредственно связывает с христианским Логосом-Словом, или Сыном, то есть, в конечном счете, с Христом. Его жертвенная, кенотическая сущность вочеловечивания как сущностной причастности к человеку и человеческим формам жизни самой Первожизни задает тем самым мощнейший страдательный компонент отделения ее от собственного (только божественного) «Перво-Я», но без его утраты.

Так возникает *сверхстрадательная* онтологическая структура «Перво-жизни», в которой собственно божественные переживания Сына отличны, но сущностным образом скоррелированы с человеческими переживаниями: «Эту Пра-страдательность, запредельную любой страдательности, но присутствующую в ней, имманентную всякой плоти как то, что дает ее самой себе, – как ее назвать, если не Пра-истиной, Пра-гнозисом, сущность коего Иоанн описывает как пришествие абсолютной Жизни в ее Слове... Так, Пра-истина, о которой говорит Иоанн, входит во все, в чем есть жизнь; она простирается и на те плотские существа, каковыми являемся мы сами, принимая в себя, в своей пылающей Парусии, наши смехотворные страдания и наши тайные раны, как принимала язвы Христа распятого. Чем чище приходит сведенное к самому себе, к своему плотскому феноменологическому телу, приходит к нам каждое из наших страданий, тем сильнее переживается в нас безграничная мощь, дающая это страдание самому себе» [6, с. 185]. И тогда мысль М. Анри об ущербной и сущностно ускользящей от сознания феноменальности сущего становится понятной. Ущербная феноменальность – это страдательная недостаточность бытия, вечно испытываемая Первожизнью и оставляемая им позади собственно движения вперед и вспять. Мир и сознание запаздывают, не успевают в своем бытии уловить это стремительное движение (можно использовать и расхожее в феноменологии слово «броски») и сущностно отразить его в сиянии феноменального образа гетерогенного единства прошлого, настоящего, будущего [7, с. 216].

Парадоксально, но манифестируемая как неинтенциональная феноменология М. Анри оказывается даже в большей степени интенциональной, нежели у ряда классических авторов. При этом логика установления *жизнетворческих* интенциональных отношений между страданиями человека и Бога с необходимостью требует специфической редукции, заключающей в скобки не мир и формы его данности в естественной установке сознания, а ущербную феноменальность сущего (его онтологию) как таковую. Это тонкий и важный момент. Выключенными должны оказаться не только формальные сегменты постигаемой феноменальности, но и порождающая индифферентность и бессилие жизни онтология феноменальной представленности сущего. Эта редукция имеет те же основания, что и апелляция П. Рикера к расположенному к человеку и действующему в его благо бытию, за исключением статуса подобного «метаоснования»: П. Рикер остается в сфере онтологии, а М. Анри переходит в сферу единства страдательной Перво-жизни и жизни человеческой. Однако эта *совместная* жизнь в той же степени энергично пробивает брешь в индифферентности и бессилии, сколь и бытие, действующее во благо «Я-самого как Другого» у П. Рикера.

Феноменологическое конституирование, освобождающее от патологий себетожественности и индифферентности, основывается на конституировании страдательно-переживающей личности, страдания, переживания, действия и смыслополагания которой различным, но сущностно единым образом интегрированы в сверхстрадательную жизнь Сына и, следовательно, также предполагают свое усиление до сверхстрадательной жизни. Иными словами, человеческая личность в этом случае обретает возможность и способность переживать и страдать как *богочеловеческое* существо в «невидимой страстно-страдательной

жизни» [6, с. 185]. Соединение означает, что богочеловеческая жизнь Сына задает конечной жизни все возможные модальности и корреляции переживаний и смыслов, выступая условием реализации собственных житнетворческих потенций. Следовательно, страдание как основополагающие опыт и понятие, выступает основанием самой интенциональности и интенционального различения смыслов в том, что связано с мощью человеческого страдания.

Заключение: аналитические и обобщающие замечания по проблемам «сознание и Другой» и феноменологического статуса фантазии. По всей видимости, Э. Левинас, Ж.-Л. Нанси и М. Ришир преследуют аналогичную цель – размыкание сознания, выход навстречу не себестождественным содержаниям сущего, бытия, жизни, Другого. Но при возможности установить отдельные аналогии, следует видеть главное различие между неинтенциональной феноменологией, с одной стороны, и онтологией интенциональности и феноменологии жизни, с другой. Речь идет о наличии *силового поля*, позволяющего сознанию выйти за свои пределы и превратиться из пассивно созерцающего и ищущего источник действия в себе самом в сознание и волю, благое действие которых обосновано и подкреплено *высшей онтологической инстанцией (бытием) или же высшей жизнесозидающей инстанцией (страдающий Бог)*.

Энергии связи сознания с действующим бытием и страдательной богочеловеческой жизнью при полагании смысла и другого человека оказываются, в полном согласии с принципами классической философии, гораздо мощнее, нежели связка сознания и фантома, сознания и этических принципов, сознания и идеализированного, то есть возведенного в принцип, но лишеного реальных бытийных и жизненных оснований Другого. Поэтому интенциональная феноменология не может рассматриваться в контексте своего разрыва с классической философской мыслью, как бы ни желали этого создатели различных схем развития философского знания (классика, неклассика, постнеклассика и т. д.). Силовое поле мысли, способной удержать в своей орбите реальный мир, действующее бытие, страдающего Бога, другого человека и тотальную негативность, выгодно отличается от претендующей на аналогичную мощь и независимость неинтенциональной феноменологии.

Следует подчеркнуть, что утверждение и оправдание жизни Другого (а они, бесспорно, имеют у М. Анри неинтенциональный характер) осуществляются нетривиальным для феноменологии образом, а именно посредством взгляда на страдания Другого как на страдания богочеловеческие вне зависимости от его религиозно-догматической принадлежности. С другой стороны, подобное неинтенциональное полагание Другого уже подразумевает установление христологического смысла его страданий и жизни. Поэтому в отношении феноменологии жизни М. Анри правильное, на наш взгляд, говорить как о доктрине, *объединяющей* интенциональные и неинтенциональные измерения в едином метаосновании сознания, жизни и, в конечном счете, преображенного страданиями бытия. Это, бесспорно, более конкретизирующая смысл Другого доктрина, нежели концепция бытия-действующего у П. Рикера.

Завершая статью, укажем на интенциональные основания установления феноменологического статуса фантазии. Согласно Э. Гуссерлю, фантазия обладает позитивным познавательным значением в отношении перспектив *свободной* работы трансцендентального *Ego* с идеями, эксплицирующими самые различные модальности предмета. Однако при ноэматическом конституировании подобных смысловых композиций фантазия всегда остается ограниченной самим предметом, вещью, хотя их базовые (физические, геометрические) характеристики могут произвольно изменяться до момента «исчерпания» всех возможных модификаций/модальностей предмета. Именно так следует понимать гуссерлевское утверждение о желательности теоретической фантазии: «Все материальное содержание может менять и меняться в изменении вещи, только одно не может меняться: общая форма вещи» [8, с. 84].

В схожем ключе высказывается и А. Шюц: «То, что вещь, а также фантом открывают нашему восприятию, есть просто схема их ощущения (*sensorial schema*) .... Однако специфическая материальность, отличающая действительную материальную вещь от фантома, не может быть установлена до тех пор, пока мы рассматриваем конкретную (*particular*) вещь как переживаемую отдельно, вне ее связей с «обстоятельствами»» [9, с. 10]. Следует учитывать тот факт, что фантазия и воображение первоначально были необходимы Э. Гуссерлю

при создании дескриптивно-психологического метода, обращенного исключительно к структуре переживаний, а не эйдетики, и выявлению связей между переживаниями психологического и логического характеров [10, с. 318–319]. Поэтому мы склоняемся к мнению, что фантазия, фантом представляют собой лишь момент ноэтического схватывания и ноэматического конституирования модальностей предмета, но они не в состоянии претендовать на то, чтобы, выступая существенными сегментами неинтенциональной феноменологии, обеспечить данную онтологию и теорию познания в качестве *Phenomenology Prima*.

Литература

1. Ришир, М. Елоҳл, мерцание и редукция в феноменологии / М. Ришир ; пер. с фр. Г. И. Чернавина // (Пост)феноменология : новая феноменология во Франции и за ее пределами : сб. ст. – М. : Академ. проект ; Гаудеамус, 2014. – С. 209–228.
2. Левинас, Э. Ракурсы / Э. Левинас ; пер. с фр. Н. Б. Маньковской // Избранное. Тотальность и бесконечное. – М.–СПб. : Университетская книга, 2000. – С. 292–349.
3. Нанси, Ж.-Л. О со-бытии / Ж.-Л. Нанси ; пер. с фр. М. К. Рыклина // Философия Мартина Хайдеггера и современность. – М. : Наука, 1991. – С. 91–102.
4. Рикер, П. Я-Сам как Другой / П. Рикер ; пер. с фр., вступ. ст. И. С. Вдовиной. – М. : Изд-во гуманитар. лит., 2008. – 416 с.
5. Бросова, Н. З. Судьба метафизики и судьба человека / Н. З. Бросова // Вопросы философии. – 2005. – № 11. – С. 54–65.
6. Анри, М. Феноменология жизни / М. Анри ; пер. с фр. Г. В. Вдовиной // Логос. – 2011. – № 3. – С. 172–185.
7. Анри, М. Я есмь истина. К философии христианства / М. Анри ; пер. с фр. Г. В. Вдовиной // Вестник культурологи. – 2018. – № 1 (84). – С. 196–217. – (Серия «Теория и история культуры»).
8. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль ; пер. с нем. И. И. Докучаева [и др.]. – Калининград : БФУ им. И. Канта, 2024. – Кн. 3 : Феноменология и основы наук. – 231 с.
9. Шюц, А. Основной аргумент «Идей II» Гуссерля / А. Шюц // Смысловая структура повседневного мира. – М. : Институт фонда «Общественное мнение», 2003. – С. 10–34.
10. Гуссерль, Э. Логические исследования: Исследования по феноменологии и теории познания / Э. Гуссерль ; пер. с нем. В. И. Молчанова. – М. : Академический проект, 2011. – Т. 2 (Ч. I). – 565 с. – (Серия «Философские технологии»).

Белорусский торгово-экономический
университет потребительской кооперации

Поступила в редакцию 17.09.2025

Ответственный секретарь: *О.Г. Шляхтова*. Корректоры: *Е.Н. Федорова, И.А. Хорсун*

Подписано в печать 29.01.2026. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 16,97. Уч.-изд. л. 14,78. Тираж 20 экз. Заказ № 41.
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013 г.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий в качестве:
издателя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013 г.;
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017 г.
Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.